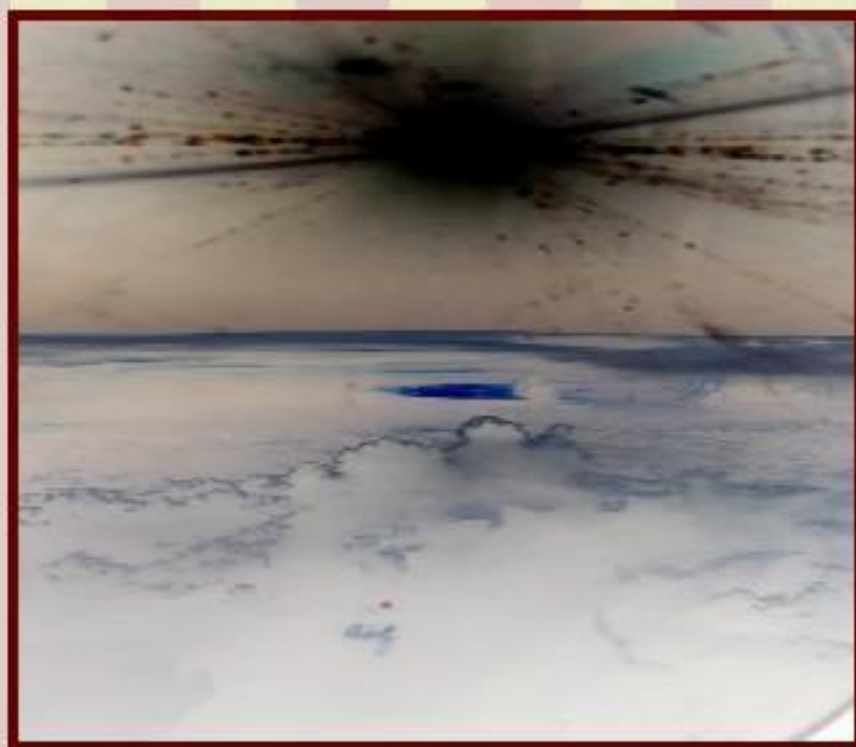

Последнее Рождество на Земле

Андреа Лепри

Перевод *Татьяны Кузнецовой*

Andrea Lepri

Последнее Рождество на земле

«Tektime S.r.l.s.»

Lepri A.

Последнее Рождество на земле / А. Lepri — «Tektime S.r.l.s.»,

Кажется, что Солнце постановило конец жизни на Земле. Группа ученых пытается пробудить последнего грэя, оставшегося в живых после Разгрома НЛО при Розуэлле, вероятно только он может помочь человечеству выжить. Инопланетяне пытаются завладеть планетой, секретная экспедиция погружается в районе Бермудского треугольника, направляясь к Атлантиде в поисках Ключа, открывающего Небесные туннели. Сын заместителя шерифа города Рокленда, страдающий болезнью Дауна, увлекающийся египтологией, пропадает из дома на тридцать часов. Когда он возвращается, он ничего не помнит, гонка на опережение времени началась.

Содержание

ЭПИЗОД I	6
ЭПИЗОД II	30
ЭПИЗОД III	59
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Андреа Лепри
ПОСЛЕДНЕЕ
РОЖДЕСТВО
НА ЗЕМЛЕ

Перевод с итальянского
Лепри А.

Последнее рождество на Земле. Перевод с итал. Т. Кузнецовой – Изд. Тектайм, 2018 – 352 с.

ISBN

Солнце словно постановило, что жизни на Земле приходит конец. Группа ученых пытается разбудить последнего серого пришельца, оставшегося в живых после падения НЛО в окрестностях Розуэлла, вероятно, только он может помочь человечеству выжить. Инопланетяне пытаются завладеть планетой, секретная экспедиция погружается в районе Бермудского треугольника, направляясь к Атлантиде в поисках ключа, открывающего звездный туннель. Сын заместителя шерифа города Рокленда, страдающий болезнью Дауна, увлекается египтологией; однажды он пропадает из дома на тридцать часов. По возвращении он ничего не помнит; гонка на опережение времени началась.

Андреа Лепри
Последнее Рождество на Земле
Перевод Татьяны Кузнецовой
Название на языке оригинала
L'ultimo Natale sulla terra

Первое издание

0111 edizioni – www.0111edizioni.it

Первое издание – июнь 2015 г.

Издано на русском языке в июле 2018 г.

Издательство «Тектайм» – www.traduzionelibri.it

Роман является плодом воображения автора . Какая бы то ни было связь с фактами либо конкретными лицами совершенно случайна .

Все права защищены

Оглавление

[ЭПИЗОД I](#) ПРОБУЖДЕНИЕ ГАРРИ

[ЭПИЗОД II](#) МАКЕТ

[ЭПИЗОД III](#) НА МЕРТВОМ МОРЕ

[ЭПИЗОД IV](#) ПАДЕНИЕ НЛО

[ЭПИЗОД V](#) ТЕРЗАНИЯ ДЖЕЙМСА

[ЭПИЗОД VI](#) САД КАМНЕЙ

[ЭПИЗОД VII](#) ГИБЕЛЬ ПЕДРО

[ЭПИЗОД VIII](#) КУПОЛ

[ЭПИЗОД IX](#) «НАУТИЛУС»

[ЭПИЗОД X](#) В БОЛЬШОЙ ПИРАМИДЕ

ЭПИЗОД I

ПРОБУЖДЕНИЕ ГАРРИ

Гарри недоуменно огляделся, глаза у него слипались, и он вовсю силился не дать им закрыться. Он только что проснулся от полной и глубочайшей тишины, почти неестественной, как будто сама суть жизни вдруг умчалась отсюда, спасаясь от неизвестно какой ужасающей угрозы. Дул едва ощутимый свежий влажный ветерок, вдруг резкий порыв ветра со свистом встряхнул желто-бурые кроны в кленовом колке, который стоял до этого неподвижно как на открытке. Гарри посмотрел на темное небо над головой, на котором проступила лишь пара-другая звезд, и отметил, что не знает, раннее ли сейчас утро или поздний вечер. Поначалу он забеспокоился, потом повнимательнее взглянул на висевшие над Пенобскотским заливом тучи и заметил, что тучи отливают оттенками заката. Гарри сделал вывод, что солнце, наверное, только что скрылось за горизонт, он снова непонимающе огляделся, тревожно раздумывая, как же он так запоздал. Он рассеянно поцарапал комариный укус на голяшке, рука его сама передвинулась к колену, и он почувствовал неприятное ощущение чего-то липкого, он взглянул на коленку и увидел, что оба колена расцарапаны и что на них налип какой-то желатин розового цвета, желатин проникал в царапины, и они заживали невероятно быстро. Он удивленно смотрел как раны затягиваются, пока царапины совсем не зажили, он осторожно ощупал места, где несколько секунд назад кровянились раны и отметил, что ему вовсе не больно. Он подумал, когда же расцарапал колени, Гарри был уверен, что с деревьев он не падал потому, что никогда на них не залезал, так как страшно боялся пауков. Тогда он подумал, не упал ли с велосипеда, но посчитал, что быть того не может, он уже стал большим и давно с велика не падал... а к тому же о падении он никак не забыл бы! Все эти загадки раздражали его, он провел пару раз по совершенно черным, гладким, прямым волосам и выпятил нижнюю губу, стараясь собраться с мыслями. В конце концов он обреченно вздохнул, он отказывался поверить, потому что раньше с ним никогда такого не бывало, но, должно быть, он в самом деле заснул. Но колени-то он как ободрал? Он услышал, как что-то яростно забарахталось в воде, беспокойство заменилось любопытством. Он поднялся и нетвердыми шагами поплелся к берегу речушки посмотреть кто там барахтается. Гарри ухватился за низкую ветку над водой, осторожно обогнул склонившееся над рекой дерево, стараясь не соскользнуть в воду, и увидел свою удочку. Она была заброшена точно там, где привык забрасывать ее он сам, вставив между двумя камнями в том месте, где маленькая речка вытекала из озера Мэгантикук. На крючке билась исполинская форель, она яростно выпрыгивала из воды, стараясь сняться с крючка. Гарри безрезультатно попытался вспомнить, не спал ли он еще в тот момент, когда форель попала на крючок, а если не спал, то о чем он подумал в последнюю минуту перед тем, как заснуть. Между тем лесной колокол постепенно снова задышал, кроны неожиданно заколыхались и уже не сопротивлялись ветру, это означало, что наступил час, когда белки начинают перескакивать с ветки на ветку, собираясь спуститься с деревьев в поисках съестного. Форель все шлепала по воде, этим заинтересовалась выдра и высунула голову из росшего недалеко от берега куста, она разглядела легкую добычу и нырнула в воду, подняв брызги, когда голова ее показалась над водой, она решительно плыла к форели, рыба заметила выдру и заметалась еще яростнее, она поняла, что обречена. Отдаленный звон колокола рокпортской церкви объявил, что подошло время готовить ужин. Гарри вновь охватила мысль, что надо скорее бежать домой, и он принялся искать взглядом свой обожаемый горный велосипед. Гарри им сильно дорожил, поскольку, чтобы убедить родителей, что он уже в состоянии ездить на велосипеде, ему пришлось попотеть до традиционного седьмого пота, и когда он ездил на реку, он обычно прислонял его к дереву, тщательно обернув раму тряпкой, чтобы не поцарапать. Но теперь велосипед небрежно валялся на земле; Гарри с досадой бросился поднимать его и, нахмутив

брови, осмотрел сантиметр за сантиметром, проверяя нет ли царапин. Вдруг Гарри почувствовал на себе взгляд, он в тысячный раз огляделся вокруг, и темнота, быстро обволакивавшая все и вся, заставила его оробеть. Несколько дней назад его отец вызвался прикрепить к рулю велосипеда лампочку на батарейке, но Гарри отказался, ответив, что с лампочкой велосипед уже не будет таким красивым, а вот теперь пожалел, что отказался, потому что теперь свет был бы ему очень кстати. Шумы усиливались и к ним присоединялись новые, они говорили, что лес все быстрее возвращается к жизни, и когда Гарри услышал первые голоса ночных птиц, он испугался настолько, что подумал, как бы не попался на тропинке медведь. Он нацепил на нос болтавшиеся на шее очки, расправил за головой резинку, державшую их, чтобы не спали, и увидел, что одна линза раскололась и пошла трещинами; Гарри опять спросил себя, что же за черт с ним случился; наконец он вытянул правую руку и согнул ее в локте, подставив под самый нос часы. Часы Гарри носил просто из чванства, поскольку считать время он не умел, но, понимая, что уже поздно, он все равно поднес руку к глазам театральным жестом и решил, что, хотя и жалко, а снасти придется оставить тут, так как времени собирать их нет; он сказал себе, что вернется за ними завтра. Гарри было жаль, что он возвратится без форели, поскольку это была самая большая рыбина из, тех, что он когда-либо вылавливал, но прыгания форели больше было не слышно, это означало, что скорее всего рыба уже лежит в брюхе у выдры. Гарри вообразил, как довольная выдра возвращается к себе в нору, предвкушая сладкий сон, потому что, благодаря Гарри, охота ее сегодняшним вечером уже закончилась. Гарри пожал плечами и сказал себе, что сейчас ему стоит подумать о более серьезных вещах, например, о том, что в этот час его родители несомненно здорово сердятся. А значит, хотя и Гарри было страшновато, ему безусловно надо лететь домой кратчайшим путем. Долго не думая, Гарри поднял с земли рюкзак, в котором лежал его полдник и все его сокровища, закинул его за плечо, неуклюже прыгнул в седло и принялся нажимать на педали; поначалу руль не хотел держаться прямо, но как только Гарри обрел равновесие, он устремился сломя голову через лес вдоль противопожарной полосы и вмиг пересек колок. Гарри выскочил на огромный луг, пролетел несколько сотен метров и свернул влево, проехал сколько-то по выючной тропе, пролегавшей по дну долины между Пейзоном и Камденом, затем, на повороте к городку, резко срезал напрямик через свекольное поле, стараясь держаться подалеже от пугал, так как помнил, что говорили будто ночью они пытаются ухватить за шиворот всех проходящих мимо. Наконец, Гарри въехал на вершину Камденского холма и остановился передохнуть. Он снял голубую тенниску и остался в одной белой майке в рубчик, утер передом майки пот на лбу и взглянул на море, освещенное рядами зажженных фонарей, протянувшимися вдоль извилистого берега. Вечерний паром сопровождали низко летавшие чайки; освещенный многочисленными огнями, паром пересекал Пенобскотский залив, он вез домой с острова Дир пригородных рабочих, и огни его отражались тысячей бликов на темной поверхности воды. Гарри перевел взгляд на долину в направлении Рокпорта, его дом был всего лишь в четырех-пяти минутах езды, и будь то днем он отлично смог бы разглядеть его крышу из темного шифера. Но Гарри увидел, как через кроны ясеней пробиваются беспорядочные лучи красного и голубого цвета, от удивления он вытаращил глаза, потом прищурился, чтобы разглядеть получше, и понял, что лучи бьют прямо с большой лужайки перед его домом. Гарри испугался, что случилось что-нибудь с родителями, у него упало сердце, он привязал тенниску к раме и вновь нажал на педали, он в тревоге устремился вниз по крутому спуску, не обращая внимания на камни и ямы, из-за которых рисковал упасть и больно ушибиться.

Джеймс вышагивал взад и вперед по лужайке вот уже несколько часов и чувствовал, что скоро усталость и отчаяние возьмут над ним верх. С раннего утра время Джеймса поделилось на отрезки, отвечавшие привычкам его сына, каждый раз, когда подходил час какого-нибудь давно привычного и значимого для сына занятия, вроде фильма в два часа пополудни или полдника в четыре, или передачи по египтологии в пять, Джеймс надеялся, что тот вер-

нется. Но нет! Джеймс остановился и снова посмотрел на часы, шел девятый час и только что начался «Скуби-Ду», а Гарри и следа не было. Джеймс удрученно покачал головой и снова принялся машинально вышагивать по большой лужайке, отмахиваясь от комаров, в беспокойстве он даже не замечал, что начисто вытапывал свою любимую клумбу с фиалками по краям, на которой через несколько дней собирались поставить большую новогоднюю елку. Чувствовал себя Джеймс скверно, он расстегнул две верхние пуговицы рубашки, будто этот неосознанный жест поможет ему почувствовать себя лучше. Хоть и близился конец декабря, лето в этом году будто не собиралось уходить. Вместо снега и льдинок луга были покрыты душистыми цветами, а температура держалась около тридцати градусов. Вот почему Джеймс взял за дурную привычку вливать в себя одну бутылку «Будвайзера» за другой, проклиная жару и влагу; само собой, что живот его от этого значительно округлился, и форма цвета хаки заместителя шерифа стала узковатой. Хотя несусветной жаре официальная наука не находила хоть сколько-нибудь достойного объяснения, специалисты во всем мире единодушно полагали, что климат окончательно спятил и что навряд ли вернется к нормальному состоянию. В поддержку их теории, которую многие поначалу считали абсурдной, в разных точках планеты на месте степей начали образовываться пустыни, и наоборот. Целые экосистемы собирали чемоданы и поспешно передвигались в поисках лучших условий жизни, оставляя с разинутыми ртами ученых многих дисциплин. Джеймс остановился и поднял глаза к звездному небу, потом он заткнул уши, пытаясь отрешиться хоть на миг от окружавшего его гама. Он зажмурил глаза и, глубоко дыша, сосчитал до десяти в надежде, что когда он их откроет, окажется, что он наконец-то проснулся, лежит в своей постели и благодарит бога за то, что это был всего лишь ночной кошмар. Или же, лишь бы вновь немедля обнять своего сына, он согласился бы даже выступить в качестве предмета злой шутки, устроенной автором какого-нибудь второсортного реалити-шоу. Но, когда Джеймс открыл глаза и уши, вокруг продолжался тот же беспорядочный гвалт и то же хождение взад-вперед светящихся жилетов, сверкавших налетом влаги, те же пестрые лучи света разрезали темноту и слышался тот же беспорядочный лай утомленных собак. Кто-то отдавал приказы, кто-то разносил горячий чай и кофе, двое людей, вооруженных блокнотами и карандашами, задавали вопросы тому да другому и что-то записывали, а какой-то тип уселся около полевого радиопередатчика и строковыделителем с широченным острием перечеркивал некоторые части топографической карты. Джеймс снова заходил взад и вперед, его жена Ева ухватила его под руку и, последовав за ним в его неистовом хождении, потянула назад, пытаясь остановить. Будь то другая женщина, Джеймс увлек бы ее за собой своей громадой и своим решительным шагом, но Ева была выше его на пядь, худощава и мускулиста, типичной североευропейский расы с длинными пепельно-белыми волосами и голубыми глазами настолько светлыми, что на первый взгляд она казалась альбиносской. Еве надоело, что Джеймс продолжает тянуть ее за собой как прицеп, и она рванула его за рукав, вынудив остановиться, после чего пристально посмотрела ему в глаза.

Ну, чего тебе? – спросил он резко.

– И ты еще спрашиваешь? Пойди в зеркало посмотришься, тогда сам поймешь... – ответила Ева. Джеймс фыркнул.

– Ты бы попросил успокоительного у доктора Паркера, – тотчас продолжила она тоном, который показался Джеймсу слишком заботливым.

– Опять те же разговоры? Вот скажи на милость, зачем мне успокоительное пить? – раздраженно ответил он. Ева собралась ответить, но доктор Адам Паркер опередил ее, он со своими тонкими усиками, круглыми интеллигентскими очками и с непрременной бабочкой на шее, походил на манекен, сбежавший из антикварного магазина.

– Джеймс, послушайте меня, пожалуйста! Вы уже больше суток не спите, у вас глаза совсем покраснелись, у вас вены на шее и на висках вздулись. Я вам для вашего же блага говорю, вам надо немного отдохнуть, а то, если вы будете так продолжать, вы с ног свалитесь

через несколько минут. Я уверен, что, если я вам сейчас замерю давление, стрелка зашкалится, – серьезно объяснил Паркер, пристально глядя на Джеймса сверху вниз своими маленькими светлыми глазами.

– Пока Гарри не вернется, я отдыхать не собираюсь, я ясно сказал? И если стоять здесь и ждать его означает свалиться с ног, значит свалюсь! – ответил Джеймс хриплым голосом, глядя поверх головы врача и пытаясь разглядеть в толпе типа, разносившего кофе.

– А к тому же, хорошо или плохо я себя чувствую, это мое дело, и если... – продолжал он, но тут подошла Элен.

– Простите, – сказала она, положив руку на свободную руку Джеймса, чтобы привлечь его внимание. Ева заметила жест и бросила на нее взгляд, полный ревности, а может просто отстаивала собственность, Элен от бросающего вызов взгляда глаз не отвела, поправила шерифскую звезду на груди и обратилась к Джеймсу:

– Мне надо вернуться в участок спланировать работу на завтра, – сказала она, чуть сжав ему руку в знак солидарности, и Ева опять пронзила ее взглядом.

– Ну да, понятно, – кивнул Джеймс, покусывая верхнюю губу.

– Ну ладно. Если будут новости, позвони мне, пожалуйста.

– Хорошо, шеф, я тебя извещу. Спасибо за все, – подавленно ответил он, поскольку все же боялся, что этим вечером никаких новостей не будет.

– Не падай духом, я уверена, что с минуты на минуту ты увидишь, как Гарри объявится вон там в глубине аллеи на своем велосипеде, – попыталась приободрить его Элен.

– Надеюсь так и будет... только не могу понять, зачем он так поступил. В последнее время мы даже не выговаривали ему, у него не было никаких причин убежать из дома... – закончил Джеймс, медленно покачав головой.

– Я не думаю, что он убежал из дома, тогда он оставил бы вам записку, чтобы вы чувствовали себя виноватыми, – возразила Элен, поразмышляв несколько секунд. – В любом случае, постарайся не падать духом, все устроится, вот увидишь. До завтра, – попрощалась она и зашагала к служебной машине, намеренно игнорируя Еву. Перед тем как сесть в джип Элен остановилась дать распоряжения коллегам и горожанам, добровольно вызвавшимся помочь в поисках, чтобы завтра на рассвете, если не будет ничего нового, все знали, что делать и не теряли драгоценного времени на болтовню. Ева обернулась к Джеймсу.

– Милый... я не хочу настаивать, но почему бы тебе не принять чего-нибудь успокоительного? Чего-нибудь слабого, не чтобы заснуть, а, чтобы, по крайней мере, расслабиться.

– Я что, плохо объяснил? – вскрикнул он настолько громко, что все обернулись. – Я не намерен расслабляться! Может ты не заметила, но я потому в таком состоянии, что несмотря на все наши усилия, мы никак не найдем нашего сына! Нет следов ни его, ни его велосипеда в пятимильной округности отсюда, и, если тебе очень интересно знать, чего я не понимаю, так это, как ты можешь оставаться такой спокойной, а прежде всего не понимаю, почему мы до сих пор не вызвали профессионалов! Уже ясно, что Гарри украли, и несмотря на добрую волю, все эти люди помочь нам найти его не смогут!

– Ах, вот как? Ну, раз он так думает, чего же не ищет своего сына сам? – оскорбленно пробормотал собаковод, разводивший биглей и безотлагательно снарядивший собак и их хозяев на розыски. Его напарник ответил неопределенным взглядом, пожав плечами.

– Украли? Да мы самая обычная семья, живем в захолустном поселке с крестьянами и рыбаками, кому надо красть нашего сына? И зачем? – обескураженно откликнулась Ева.

– Не знаю, только я знаю, что надо звать профессионалов, я тебе уже говорил! Ты что надеешься, что нашего Гарри приведут домой вот эти? – сорвал зло Джеймс, указав на поисковые группы, наспех сколоченные из горожан; все они подтягивались к дому, поскольку подступала темнота и продолжать поиски было невозможно. Мужчины и женщины, обессиленные и удрученные, небольшими группами выходили на опушку и намеренно избегали взглядов Евы

и Джеймса. Большинство обменивалось подавленными выражениями на лицах и бросало на землю карманные фонари и рюкзаки, какой-то тип громко подозвал собаку, опять побежавшую в колок за зайцем, другой зашел в оперативную часть, обустроенную в палатке.

– А что, твои коллеги и твоя начальница больше сделали? Шериф сделала что-то большее? – раздраженно ответила Ева, указывая на Элен, дававшую последние указания. Джеймс собрался ответить, но Паркер положил ему руку на плечо, требуя внимания.

– Я не хочу показаться... Джеймс, вы не обижайтесь, что я вмешиваюсь, но я не думаю, что вашего сына кто-то украл. Вы отлично понимаете, что Гарри не такой как все подростки, любой пустяк, который для других детей ничего бы не значил, как скажем падение с велосипеда, может причинить ему эмоциональную травму. Гарри может потерять ориентацию или может...

– Заткнитесь! – взревел Джеймс, резко стряхнув руку врача. Элен уже сидела за рулем своего «Чероки» и собиралась завести мотор; услышав крик, она опустила стекло и высунула голову посмотреть, что происходит. Нос Джеймса отстоял лишь на йоту от носа Паркера, Джеймс, казалось, вот-вот взорвется, и, зная насколько врач ему неприятен, Элен забеспокоилась как бы Джеймс не наделал глупостей. Несколько горожан направилось к спорщикам, намереваясь утихомирить их, Элен раздумывала, стоит ли ей вмешиваться лично.

– Мой сын вовсе не идиот, у него всего лишь болезнь Дауна! Гарри ходил один рыбачить в Пейзон-Корнер тысячу раз, он отлично ездит на велосипеде и не теряется в дурацких пяти милях. Я ясно сказал, доктор? – орал Джеймс, вдруг внезапное движение позади кучки людей привлекло внимание Элен; эти черты она узнала бы за сотню миль.

Сердце Элен бешено заколотилось. Как она и предсказала Джеймсу, горстку минут назад Гарри объявился из-за изгороди на восточной стороне дома. Он из последних сил стрелой пролетел по крутой тропе, подводившей к входу на приусадебный участок, и там остановился, тяжело дыша и разглядывая присутствующих. Он не понимал зачем все здесь собрались, но стоял и смотрел завороченно, будто в кино, и облегченно, так как его родители были тут и на первый взгляд оба прекрасно себя чувствовали.

– Слава богу, – прошептала Элен, прикрыв ладонью рот, она вышла из внедорожника и побежала навстречу Гарри, который тем временем проехал еще несколько метров и остановился перед Джеймсом. Он еще раз окинул любопытным и удивленным взглядом весь этот бурлящий цирк, потом слез с велосипеда и упал на колени, будто силы враз покинули его.

– Гарри! – воскликнула Элен, увидев, что он упал, все оглянулись, и тут же грохнул взрыв ликования, а за ним облегченное радостное рукоплескание. Джеймс первым подбежал к Гарри и буквально вырвал его из рук Элен.

– Папа, ты ведь не сердись, правда? Я знаю, что уже поздно, но я не виноват. Я, должно быть, заснул.

– Ты заснул? – откликнулся Джеймс. – Тебя нет дома с двух часов со вчерашнего дня, а сейчас восемь вечера! Тебя тридцать часов не было, где тебя черти носили, могу я знать? – прорычал он, ухватив Гарри за согбенные плечи.

– Я... как со вчерашнего дня? – недоуменно спросил Гарри, пытаясь найти объяснение, но не знал, что ответить, и виновато взглянул на отца. Глаза его увлажнились, губы задрожали, он заплакал, так как был уверен, что никто ему никогда не поверит.

– Хватит, не видишь, что он плачет? Оставь его в покое! – вскрикнула Ева и оттолкнула Джеймса. Потом взяла Гарри за руки и помогла ему подняться.

– Успокойся, родной, все хорошо! Давай, пойдем в дом, – шепнула она ему и заботливо обняла. Кивком головы Ева позвала за собой Паркера, а Джеймс ошарашенно смотрел, как они идут к дому. Он хотел пойти с ними, но не мог и пальцем шевельнуть: облегчение от нервного напряжения наступило в виде внезапно навалившейся усталости, волна которой унесла в море

все остававшиеся силы. Вдруг из камышей за кустами позади дома выскочил пес Гарри и, виляя хвостом, побежал ему навстречу.

– Тоби! – воскликнул Гарри и протянул руку, чтобы погладить его, но внезапно пес остановился в нескольких сантиметрах от Гарри, тотчас попятился и отошел на метр, чтобы тот его не коснулся. Пес поднял морду, прижал уши и округлил спину, спрятав хвост между задними лапами. Снова понюхал мальчика и отошел от него еще дальше, потом вмиг вздыбил шерсть на спине и зарычал на Гарри, оскалив зубы. Наконец пес сжался, готовясь наброситься.

– Тоби... – разочарованно пробормотал Гарри, протягивая псу руку, Джеймс догадался, что теперь случится, и бросился к ним, чтобы предотвратить худшее.

– Тоби, да какого черта... – едва проговорил Джеймс, как пес бросился на Гарри, сбил его с ног и укусил в руку, которую Гарри неосознанно поднял, чтобы уберечься, затем синий оскал замер в сантиметре от лица Гарри, злобно рыча. Джеймс пристегнул пса и приподнял его с земли, чтобы обезвредить, но почувствовал, что тот вырывается с такой силой, что вот-вот выскользнет. Ощущение капель крови известило его, что сильная шотландская овчарка задними когтями расцарапала ему правую ногу.

– Заходите с Гарри в дом, скорее, он сейчас вырвется, – прокричал Джеймс Еве. Она помогла Гарри встать и бегом затащила его в дом, Паркер схватил кожаную сумку и поспешил за ними. Джеймс отпустил пса, тот лайкнул пару раз, поцарапался в уже закрытую дверь и тотчас забился в деревянную конуру, где просидел, скуля и воя, довольно долго. Джеймс намеревался задать псу взбучку, но, сделав шаг в его сторону, передумал из-за сильно болевшей ноги.

– Только взбесившейся собаки нам не хватало... – ошеломленно пробормотал он, почесав в затылке. Чехарда эмоций лишила его сил.

Было поздно, и горожане сильно устали, но Элен все равно приказала сворачивать палатки, поскольку снаряжение понадобится, если вдруг где-нибудь еще случится тревога. Когда закончили сборы, она поблагодарила принявших участие в розысках и отпустила всех, кроме водителя скорой помощи, его отпустит доктор Паркер, если установит, что Гарри чувствует себя хорошо. Поскольку Джеймс все еще сидел в отупении, Элен подумала поставить велосипед в сарай, она знала, насколько Гарри дорожит им и как он рассердится, если обнаружит поутру, что велик валяется на газоне. Элен наклонилась, поднимая велосипед, и увидела в траве часы мальчика; она подумала, что они скорее всего спали с руки, когда Гарри бросился на колени, Элен засунула часы в кармашек форменной рубашки, намереваясь при случае передать их Джеймсу. Она взялась за руль и заметила, что он покрыт каким-то тончайшим светящимся голубоватым порошком, она инстинктивно попыталась счистить порошок ногтем мизинца, но малюсенькая ранка на пальце причинила ей такую боль, что Элен тут же с проклятием отдернула руку, она пожалала плечами и покатила велосипед к сараю. Джеймс собрался с силами и подошел к Элен, когда она уже дошла до ворот железного сарая.

– Ну, что я говорила? – сказала ему Элен, широко улыбаясь.

– Как всегда, ты и на этот раз угадала, – признал Джеймс, – только я чуть не помер со страху. Псина вот, тоже... видела, как набросился? Еще вчера он на Гарри ни за что бы не бросился.

– Собаки – звери особые, скорее всего на Гарри был какой-то запах, который пришелся псу не по нраву. Ты сейчас не мозгуй больше, чем надо, главное, что твой сын вернулся и самое главное, что с ним все в порядке.

– И то верно... только хотел бы я знать, где он был все это время... ты представляешь сколько для меня длились эти тридцать часов?

Элен не ответила, но она знала это не хуже Джеймса, поскольку всегда чувствовала необъяснимую привязанность к мальчику.

– Не беспокойся, рано или поздно он тебе все расскажет. Ты же его знаешь, не торопи его, а то он поднимет неприступный щит и замкнется в себе... потерпи, пусть Гарри сам решит,

когда тебе все рассказать, – посоветовала Элен Джеймсу, она слегка пожала ему руку, чтобы ободрить, и, как случилось каждый раз, когда тела их сближались, там, где они коснулись друг друга будто электрическая искра проскочила. Джеймс сконфуженно отвел руку, потом неуверенно кивнул, так как умирал от любопытства и хотел бы немедленно расспросить сына и узнать, что тот натворил за все это время.

– Я не могу больше задерживаться, уже очень поздно. Отдохни несколько днейков, у тебя страшно усталый вид, – произнесла в конце концов Элен.

– Не знаю, подумаяю.

– Что значит подумаяешь?

– Ты же знаешь, если я буду сидеть дома больше одного дня, я с ума сойду. А потом, Гарри тоже будет полезно чем-то заняться, что бы там не случилось. Я уверен, что чем скорее он вернется в лагерь бойскаутов и к своим привычкам, тем лучше для него и для нас.

– Ну и?

– Думаю послезавтра выйти на работу, – уточнил Джеймс, Элен бросила на него укоризненный взгляд, но она знала, что не может заставить его надолго отлучаться с работы.

– Ну, сам решай, только побудь с ним, – ответила она, и Джеймс снова кивнул.

– Ева завтра выйдет на работу?

– Зная ее, думаю, что да, я и тут ее понять не могу. Мне иногда кажется, что на наши с ней отношения ей вовсе наплевать.

– Зачем ты так, ты же знаешь, что не все одинаково выражают свои чувства. В любом случае, пока все не обустроится, ты на работе не показывайся, иначе я тебя домой отправлю, – заключила Элен, поставив велосипед, потом закрыла ворота сарая и ушла.

Возвращаясь к дому, Джеймс увидел выходящего врача и подбежал к нему.

– Доктор Паркер... Адам... – окликнул он его, Паркер замедлил шаг.

– Не беспокойтесь, Джеймс, все нормально. Я хорошенько осмотрел Гарри, и, за исключением укуса собаки, на нем нет ни царапины. Я ему немного забинтовал руку, но Тоби – пес здоровый и привитый, и от укуса ничего не случится, – сообщил ему врач, направляясь к своему «Гуцци».

– Ну да, собака... по-вашему, что этого пса взяло? – спросил его Джеймс, шагая рядом.

– Ведать не ведаю, я же не ветеринар, – сухо отозвался Паркер. – В любом случае, я дал Гарри капель, и он скоро заснет, вам следует пойти к нему немедленно, а то он вот-вот захрапит, – добавил врач, остановившись около мотоцикла.

– Он что-нибудь рассказал? – настаивал Джеймс.

– Он немного не в себе, говорит, что ничего не помнит. Мне надо бежать, мне только что пришел вызов от Розиз, – положил конец разговору Паркер, показывая мигающую лампочку радиотелефона.

– Спасибо за все, доктор. До свидания.

Паркер ответил блуждающей улыбкой, и Джеймс собирался было уйти, но, сделав пару шагов, остановился.

– Доктор Паркер? – окликнул он, врач обреченно вздохнул; сдавалось ему, что Джеймс не намерен его отпустить.

– Послушайте, я... в разговорах не силен, только... мне жаль, что...

– Ничего, все в порядке. Идите сейчас к сыну, – отрезал Паркер, и Джеймс повиновался.

Паркер кивком головы дал понять шоферу скорой помощи, что тот может ехать, потом бросил сумку с инструментами в коляску своего «Гуцци-спорт пятнадцать» 1937 года. Вытащил из багажника замшевую тряпку и смахнул с седла налет влаги, минуту спустя он уже грохотал по дороге.

Теперь, когда тревога улеглась, Джеймс почувствовал такую усталость, какой никогда раньше не ведал. При взгляде на лестницу он ощутил головокружение, и вынужден был ухва-

титься за перила, чтобы не упасть. Чтобы подняться на верхний этаж, ему понадобилось время, показавшееся Джеймсу вечностью, он дотащился до двери комнаты сына и робко заглянул внутрь. Гарри лежал на кровати с закрытыми глазами, Ева сидела на краю и выводила у него на лбу указательным пальцем невидимые круги, чтобы помочь ему расслабиться. Джеймс взглянул на копию в натуральную величину золотой маски фараона Тутанхамона, висевшую на противоположной стене, потом пробежался взглядом по строке иероглифов, пока не наткнулся на снимок долины Гиза, сделанный со спутника, а рядом с ним трехмерный плакат воспроизводил Сфинкса. После чего взгляд Джеймса перешел на модель солнечной ладьи, стоявшей на полке, и заскользил по течению Нила, начертанном на стене, которое донесло его до жены.

– Раз ты не голоден, тогда хоть поспи немного, доктор сказал, что тебе надо отдохнуть, – говорила она сыну. Джеймс зашел, и Ева смерила его укоряющим взглядом за то, что он налетел на Гарри, потом она подвинулась, чтобы дать ему место, и Джеймс осторожно присел рядом с ней. Он взял забинтованную руку Гарри и приподнял ее, тот удивленно открыл глаза и неуверенно посмотрел на отца, опасаясь, что отец вновь примется корить его.

– Ну как ты, Профессоренок? Сильно болит? – ласково спросил его Джеймс, Гарри облегченно вздохнул, потому что, когда отец сердился, он не называл его Профессоренком.

– Значит ты не сердишься на меня? – спросил все же Гарри для полной уверенности.

– Да, нет же, не сержусь, – сказал Джеймс и слегка улыбнулся. Гарри тоже улыбнулся, и глаза его засияли.

– Я и до этого не сердился, только вот... – собирался добавить Джеймс, но Ева ущипнула его в ногу и недобро посмотрела, Джеймс дернулся, так как она ущипнула прямо в то место, где его поранил пес.

– ... только мы сильно переживали... – поправился Джеймс, опустив голову.

– Мы с папой страшно испугались за тебя, вот и разнервничались, – объяснила Ева Гарри.

– Да, мама верно говорит, – согласился Джеймс, – мы переволновались за тебя.

– Я вам не хотел... только... – заговорил Гарри, но тут же умолк, подкатившийся ком в горле не дал ему продолжить, и он злобно ударил кулаками по краю матраса, срывая досаду.

– Не беспокойся, теперь все хорошо. Не будем больше говорить об этом, ладно? – предложил Джеймс, подмигнув сыну. Гарри снова улыбнулся и посмотрел на созвездие Ориона, нарисованное на потолке специальной желтой светящейся краской, отчего звезды по ночам сверкали.

– Значит, в Египет мы все равно поедем? – спросил у родителей Гарри, набравшись храбрости. Джеймс вообразил, что случится, если его сын потеряется в какой-нибудь касбе или на уличном рынке, кишасщем туристами, и подумал, что, скорее всего, они никогда его не найдут; Джеймс нахмурился. Сердце у него сжалось, он окинул взглядом буклеты, засунутые между двумя томами в шкафу, потом, не зная, что ответить, обернулся к Еве.

– Ну, конечно, поедем, если я не ошибаюсь, мы же решили, что это будет твоим рождественским подарком, – подтвердила она.

– Здорово, – восторженно отозвался Гарри. – Спасибо, – добавил он, притягивая родителей к себе короткими, пухлыми руками.

– Но тебе надо будет покорно слушаться и делать все что мы говорим! – уточнила Ева, и Гарри кивнул головой.

– Обещай, – добавил Джеймс.

– Клянусь Амоном-Ра, – торжественно подтвердил Гарри.

– Молодец. А теперь мы пойдем спать, мы еле на ногах держимся, и ты тоже уснешь. Договорились? – предложила мать, поднимаясь, Джеймс тоже встал.

– Договорились, – сказал Гарри.

– Спокойной ночи, Профессоренок, – пожелал ему Джеймс, наклонился и поцеловал в лоб.

– Спокойной ночи, папа, – ответил Гарри, потом, когда Джеймс стоял в двери, он окликнул отца. Джеймс остановился и оглянулся на Гарри, Ева прошла мимо и вышла, но в коридоре остановилась послушать.

– Папа, я тебе правду сказал. Я и в самом деле не помню, что случилось. Я вдруг проснулся и...

– Ничего, я же сказал, не беспокойся. Главное, что мы снова вместе, – заверил он Гарри.

– Спокойной ночи, – повторил Джеймс и шагнул в коридор, но сын снова позвал его, заставив остановиться.

– Папа?

– Что?

– Папа, а что значит, что у меня болезнь Дауна? – в лоб спросил Гарри, у Джеймса свело желудок, и он возненавидел себя за то, что произнес эти слова в присутствии сына, хотя и неосознанно. Он проклял себя за то, что нарушил единственный запрет в своей жизни, и мысли его вернулись к прошлому, почти шестнадцать лет назад, к одному солнечному утру одного из обычных дней. Доктор Паркер выбрал именно то солнечное утро, чтобы сообщить ему, что у его сына проблемы на генетическом уровне и что отклонение от нормы – лишняя хромосома – сделает его «не таким, как все». Он сообщил это Джеймсу в амбулатории, никак не подготовив его, и без малейшего соучастия, холодно проиллюстрировав свои слова, будто лекцию в университете читал. В этот момент Джеймс постиг, что означает ненавидеть, потому что возненавидел врача за его безмерно равнодушное поведение. Он подумал, что, если кто-нибудь заметил бы доктору, что тот только что уселся на готовую взорваться бомбу, тот со своим невыносимым жестом ответил бы «что ж, посмотрим, что тут можно сделать». Джеймс вспомнил, как вмиг рухнули все его планы, которые он строил для сына, именно в ту секунду он осознал, что с этого момента им с Евой придется пересмотреть весь свой образ жизни. С этой минуты им придется думать прежде всего о том, как отбивать удары, потому что Гарри никогда не станет полностью самостоятельным и вероятно сделается предметом людского злорадства уже в детсадовском возрасте. Часто Джеймс спрашивал у бога, почему это выпало именно ему, словно речь шла о личном оскорблении или злодействе, он много раз задумывался, было ли это наказанием за что-то, что он натворил и, если да, за что именно. Но когда он впервые взял Гарри на руки, все его сомнения и горести вмиг улетучились, и со временем он понял, что в его сыне кроется нечто невероятное. Нечто, именно, другое, не худшее, и тогда он помирился с богом. Пока Джеймс искал подходящие для ответа слова, он сглотнул пару раз слюну; у него было впечатление, что время летит. Гарри смотрел на него с открытым ртом в ожидании ответа, прикрыв глаза и высунув язык на нижнюю чуть выпяченную губу, и Джеймс не знал, прошло ли три секунды или три часа с того момента, как сын задал вопрос.

– Это значит, что... означает, что... – пробормотал Джеймс, на договорив.

– Это просто значит, что ты необычен... но ты это уже знаешь! – произнесла Ева, возвращаясь в комнату, чтобы вытащить Джеймса из затруднительной ситуации.

– Теперь спи, а то на этот раз я рассержусь! – добавила она несколько поспешно, подворачивая сыну одеяло, потом выключила лампу на комод, ухватила Джеймса под руку и вытащила в коридор.

Джеймс неподвижно лежал под одеялом, скрестив руки за головой и разглядывая потолок, он слишком устал и не мог заснуть, он не переставал думать о кошмарных часах, которые он провел в ожидании Гарри. Он услышал, как на нижнем этаже выключили телевизор и медленные, легкие шаги жены прошагали по лестнице. Ева вошла в спальню, убрала заколку из волос и положила на комод, взяла расческу и ночную рубашку и, не взглянув на Джеймса, направилась в ванную. Он проследил за ней глазами, пока дверь ванной не закрылась, и только тогда с досадой ударил кулаком по подушке жены. Ева давно перестала переодеваться перед ним, с годами их близость и интимность утратились, и они все реже занимались любовью,

Джеймс даже не помнил их последнего раза. К тому же Ева всегда предпочитала заниматься любовью в темноте, словно чего-то стыдилась, а Джеймсу это никогда не нравилось. В конце концов, как по немому согласию, он перестал помогать ей, а она начала отказывать, без трагедий, и Джеймс смиренно подумал, что, наверное, вся вина в их больше не уживающихся гормонах. Вдруг ему пришло в голову сравнить свою жену с богомолем: также как самка убивает самца после совокупления, необходимого лишь для размножения, Ева после появления Гарри убила их отношения. Раздраженный собственными мыслями, Джеймс фыркнул и повернулся на бок, вновь пытаясь заснуть, Ева вошла в спальню, разбирая волосы руками и распутывая скатавшиеся волосинки. Она положила расческу на комод, еще раз взглянула на себя в зеркало и забралась под одеяло.

– Спокойной ночи, – сказала она, выключая свет, и повернулась к нему спиной.

– ... спокойной ночи? – откликнулся Джеймс, включая свет, Ева нервно взглянула на него.

– А что, чего еще? Я без сил, я хочу спать!

– И ты так невозмутима? Нашего сына полтора дня не было дома, он вернулся в рваной одежде и со сломанными очками, а на теле даже ни царапины. Более того, он к тому же не помнит ни где был, ни что делал все это время, мы искали его по горам и по долам и даже следа не нашли. Вдруг он появился, также как исчез, как по волшебной палочке, а у тебя все хорошо? Ничего не случилось? И ты мне только «спокойной ночи» и можешь сказать?

– Ну а что теперь надо делать? Хочешь в ФБР звонить, чтобы они объяснили? Мой сын вернулся, и мне этого достаточно, и ты тоже успокойся!

– Я не могу, – пробормотал Джеймс, тряхнув головой. Ева устало вздохнула.

– Наверное он потерялся, может нашел какой-нибудь сеновал или охотничью заимку и там проспал всю ночь. И может не хочет нам говорить из-за боязни что мы разозлимся, – предположила она миротворческим тоном, потянувшись к выключателю.

– Когда он сказал, что ничего не помнит, он не врал! – настаивал Джеймс.

– Ты это точно знаешь?

– Ты тоже знаешь, что Гарри не врет! И в любом случае, это все меняет, нам придется пересмотреть насколько доверять ему и сколько ему предоставлять свободы! Это огромный шаг назад, – огорченно заключил Джеймс.

– Ну зачем ты так? По-моему, ты преувеличиваешь.

– По-твоему, преувеличиваю? А вдруг он опять исчезнет, вдруг в следующий раз нам так не повезет, и мы его больше не увидим! Знаешь сколько людей бесследно пропадает каждый день?

– Он больше не исчезнет, не сомневайся! – отрезала Ева решительным тоном. Джеймс поразился ее крайней уверенности и взглянул на нее с любопытством.

– Я хотела сказать, что, по-моему, это всего лишь детская выходка, не думаю, что он исчезнет снова... и, между прочим, откуда тебе знать, как я себя чувствую? Я страшно устала, я тоже ночь не спала, как и ты! Выключи, пожалуйста свет, я очень хочу спать!

Джеймс снова вспомнил, как оба они блуждали по лесу в поисках Гарри, зовя его во все горло, и подумал, что он слишком строг к ней. Ева ни на минуту не перестала искать сына, даже когда Джеймс вернулся к дому узнать, что нового.

– Ты права... извини, я несправедлив к тебе, – признал он, и Ева серьезно взглянула на него.

– Извиняю, – сказала она, помолчав.

– Правда?

– С условием, что ты дашь мне поспать... пожалуйста, я так хочу спать, – ответила Ева, повернувшись на бок и свернувшись калачиком. Джеймс выключил свет и повернулся к ней, он прижался к ее спине и завел коленки в выемку ее согнутых ног, потом нежно положил руку ей на бедро и подвинулся еще ближе. Он наивно понадеялся, что это происшествие поможет

им сблизиться, откроет давно закрытую дверь, но в ответ Ева отвела его руку и чуток отодвинулась.

– Я сказала спокойной ночи, – повторила она, передвигаясь к краю кровати и отстраняясь от него.

– Спокойной ночи, – раздраженно и разочарованно ответил Джеймс и отвернулся.

Джеймс ворочался с боку на бок добрых полчаса, но наконец усталость взяла свое; на часах высвечивалось три ноль семь, и он громко храпел вот уже часа четыре. Ева тронула его за плечо и хорошенько встряхнула, он отрешенно пробурчал что-то невнятное и свернулся калачиком, потянув на себя одеяло. Ева мысленно сосчитала до десяти, и задолго до конца счета Джеймс снова храпел пуще прежнего, Ева включила абажур и всмотрелась в Джеймса, проверяя, на самом ли деле он крепко спит. Удостоверившись, что его даже пушкой не разбудить, Ева выключила лампу и вытащила из ящика комода фонарь, вылезла из-под одеяла и, накинув халат, взобралась по лестнице на чердак. Там она поискала трещинку на деревянном плинтусе, найдя ее, Ева приподняла дощечку, запустила руку в проем и вытащила старый кожаный кошелек. Она открыла молнию и вывалила содержимое на пыльный ковер, взяла то, что искала, и спустилась вниз. Ева вернулась в спальню, держа в руке флакончик с уже отвинченной пробкой, обошла кровать, приблизилась к Джеймсу, остановилась над ним и, поколебавшись, поставила флакон на пару секунд ему под самый нос. Джеймс вдруг дернулся, распахнул глаза, раскрыл рот, будто хотел что-то сказать, но не смог потому, что тут же впал в еще более глубокий сон. Ева тотчас пошла в комнату сына и провела с Гарри ту же операцию с тем же результатом, затем Ева вытащила из кармана халата предмет, похожий на металлические щипцы с намагниченной полусферой на конце удлиняющегося стержня. Она резко притянула к себе голову Гарри, взяла щипцы и направила стержень к его лицу, одновременно спрашивая себя, как же она нисколько не сожалеет о том, что делает. Ева еще раз глянула на Гарри, задержав руку в воздухе и признав, что ей совсем не жаль, и, наконец, решительно ввела инструмент в нос Гарри, она торопилась закончить и вернуться в постель.

В ведение отдела шерифа Рокленда входила вся прибрежная полоса округа Нокс и большая часть холмистой местности позади нее. Отдел находился в старом здании неоклассического стиля, расположенном за городом рядом с окружной дорогой, ведущей из Саут-Хоп в Роквилл, и из-за обширности обслуживаемой территории, был оснащен всем необходимым. Элен с трудом поднялась по лестнице до входа, обрамленного белыми приземистыми колоннами, которые держали фронтон, промямлила приветствие рядовому Дауэру, дежурившему на вахте, и быстро свернула в коридор, нехотя повинувшись собственным ногам. Сегодня Элен была страшно довольна, что работает в спокойном городке, она знала, что утро, скорее всего, пройдет без осложнений, и у нее будет время прийти в себя. Ей сильно хотелось присесть и сидеть как можно дольше с закрытыми глазами, поскольку она прямо с ног валилась; дело в том, что она провела всю ночь, пытаясь прогнать из головы образ испуганного подростка, ухватившегося за руль своего велосипеда. Элен, не поднимая головы, прошла по коридору, направляясь напрямик к своему кабинету и отвечая кивками и мычанием на приветствия коллег, которые попадались навстречу.

– Элен, – попыталась остановить ее телефонистка визгливым голосом, но Элен бросила на нее усталый взгляд и, не переставая шагать, возвела руку, будто говорила «что бы то ни было, подождет». Синди недоуменно посмотрела ей вслед, подобной реакции она не ожидала, потом пожала плечами и подумала «ей же хуже»! На мгновение Элен почувствовала себя виноватой за невежливость к Синди, но тотчас у нее возникло подозрение, что, судя по напряженности, уловленной в голосе девушки, скорее всего, это утро не будет таким спокойным как она надеялась. Открывая дверь своего кабинета, Элен зажмурила глаза и испустила громкий зевок, который завершился, когда она закрыла за собой дверь.

– Здоровьица! – неожиданно воскликнул мужской голос, Элен вздрогнула. Несмотря на еще притупленные чувства и крупные слезинки, заволокшие глаза, фигура и голос показались Элен отдаленно знакомыми. Она протерла глаза и, как только зрение вновь заработало, Элен с досадой посмотрела на мужчину, развалившегося в ее кресле. Доктор Стивенсон был самым последним человеком, с которым Элен хотела бы иметь дело сегодня утром.

– Не торопиться нынче! – проговорил он, взглянув на часы, потом протянул руку за ее стаканом апельсинового сока, но Элен режущим взглядом заставила его убрать руку. Пока Элен подбирала слова для подходящего ответа, она поцарапала пару раз мизинец, назойливо чесавшийся с прошлой ночи.

– Вот так сюрприз, – удрученно промямлила она, – прихожу я на работу после двух бессонных ночей, а тут один тип развалился в моем кресле и ноги на столе, и это не кто угодно, а судебно-медицинский эксперт, который к тому же сожрал мой завтрак. А судмедэксперт в кабинете означает труп на подходе! Я угадала?

Стивенсон указал на коридор в сторону морга, уточнив тем, что труп уже на столе, потом поднял два пальца буквой «V», подчеркивая, что трупов даже два. Поначалу Элен понадеялась, что Стивенсон просто проходил мимо и заскочил по привычке разыграть ее одной из своих дурацких злых шуток, и может, пользуясь случаем, поживиться ее завтраком, но, взглянув на него еще раз, она увидела, что на лице его нет и следа улыбки.

– Господи, ну и денек начинается, – огорченно пробормотала Элен. Судмедэксперт развел руками, отводя от себя вину, потом указал на стоявший в кабинете запыленный беговой тренажер.

– Ты им еще пользуешься? – спросил он у Элен. Она рассеянно обернулась на тренажер, но мгновенно вспомнила, что это один из его обычных трюков, она тотчас резко повернула голову и застала его с протянутой к ее соку рукой. Элен уперлась в бока и сердито посмотрела на Стивенсона, он сделал вид, что стряхивает крошки со стола и поправляет рубашку.

– Я его давно не включаю... – сказала Элен, обходя стол, пока Стивенсон вставал, освобождая ей место, она села, снова поцарапала мизинец и еще раз зевнула.

– Что у тебя с пальцем? Он кажется не совсем хорошо выглядит.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Элен, переводя взгляд на мизинец, до этого она не придавала значения зуду, и вид пальца немного встревожил ее.

– Да не знаю, по цвету кожи вроде начинается некроз... я бы на твоём месте заскочил к дерматологу, пусть посмотрит, – посоветовал Стивенсон, беря ее за кисть руки, чтобы посмотреть внимательнее, но Элен резко отдернула руку.

– Не трогай мой палец, скажи лучше, кто у тебя там! – сказала она, взяла стакан с соком и, ощутив сухоту в горле, отпила пару глотков.

– Не знаю, документов у них нет, номер с машины снят, – сообщил ей Стивенсон, и Элен с руганью возвела глаза к небу, поскольку день начинался хуже некуда.

– Где их нашли?

– Как кажется, позавчера ночью парочка придалась любовным изливаниям и укрылась в леске за Камденским холмом неподалеку от озера Мэгантикук. Что случилось потом неизвестно, их нашли сегодня на рассвете по анонимному звонку.

– Позавчера ночью, говоришь? – спросила удивленно Элен.

– Говорю «позавчера ночью», – подтвердил Стивенсон.

– А откуда ты знаешь, что они два дня назад умерли?

– Ты ведь знаешь, сколько я лет занимаюсь судебной медициной?

Элен кивнула головой, спрашивая себя как могли тела находиться именно там. За два прошедших дня искавшие Гарри горожане исходили то место вдоль и поперек, как они могли не заметить машину с двумя трупами?

– Что у себя не сходится? – спросил Стивенсон, заметив ее сомнение.

- Да так, я о другом думала, – соврала Элен. – От чего они умерли?
- Еще не знаю, я пока бегло глянул, но анализ на глаз не выявил никаких травм. Когда будешь готова, приступим к вскрытию.
- ...приступим?
- Да, я так и выразился.
- А кто тебе сказал, что я буду присутствовать при вскрытии? – растерянно сказала Элен.
- Моя ассистентка заболела, а ты прекрасно знаешь, что один я не могу проводить некрологическую экспертизу. Ты будешь только подавать мне инструменты, не впервой же?
- К сожалению нет, – ответила Элен с отвращением, отодвигая еще наполовину полный красноватого сока стакан, – и уверяю тебя, что это не мое любимое занятие.
- Я тебя понимаю, – угрюмо ответил врач. – Можно взять? – тотчас добавил он хриплым голосом и указал на сок: если он немедля чем-нибудь не запьет, он грохнется на пол, удушенный съеденным у Элен бутербродом. Она кивнула головой, думая, что, судя по аппетиту, Стивенсон только что вернулся с пробежки, а не собирался проводить вскрытие. После чего она подумала, как в него, такого худого и рослого, вся эта еда входит. Стивенсон залпом проглотил сок, вытер рот тыльной стороной руки и поднялся.
- Готова? – подстегнул он Элен шутовской улыбкой, проскользнувшей по губам.
- Готова, только не понимаю, что тут веселого, – ответила она, раздраженная его манерами.
- Ничего, что может быть веселого в проведении вскрытия? – согласился Стивенсон. – Пойдем со мной, – добавил он и зашагал к моргу разболтанной походкой, улыбаясь в усы.
- Джеймс проснулся и почувствовал, будто в голову ему вбили тысячу плотницких гвоздей, он сидел несколько минут, пока спальня не перестала идти кругом. Поначалу недомогание заставило было его задуматься, но потом он рассудил, что, наверное, это от двухдневной напряженности и от того, что он еще не отоспался, Джеймс решил не обращать особого внимания. По шуму воды в душе он понял, что жена заняла ванную, тогда он решил проглотить две аспиринки, чтобы подбодриться, а затем сойти на кухню приготовить кофе, умоется и оденется он потом. Когда Ева появилась в двери кухни, уже одетая, с перекинутым через руку изящным жакетом светло-зеленого цвета, Джеймс только что разлил кофе по чашкам.
- Только что вскипел, – произнес он, пригласив ее к столу широким жестом.
- Мне страшно жаль, только я опаздываю.
- А не будет лучше, если ты сегодня с нами останешься? – разочарованно спросил Джеймс.
- Думаешь, мне не хочется?
- Ну да... но подожди по крайней мере, когда Гарри проснется, знаешь ведь как ему приятно видеть тебя поутру.
- Я и минуты не могу задержаться, сегодня будет трудный день, и Адам попросил меня прийти пораньше.
- Да что же он, и пары уколов не в состоянии сам сделать? – вырвалось у Джеймса в ответ.
- Ты и сегодня утром намерен ссориться? – отозвалась Ева, возводя глаза к небу. Джеймс пожал плечами, устался в чашку и принялся медленно перемешивать ложечкой сахар.
- Я только подумал, что Гарри хотелось бы, чтобы сегодня утром ты осталась с нами, но видимо для тебя важнее работа. Как всегда.
- Хватит, я не желаю говорить каждый день об одном том же, – отпаривала Ева, вскинув руки в знак капитуляции. – Не забудь предупредить бойскаутов, что сегодня Гарри не поедет в лагерь, а то они пришлют за ним автобус и выставят нам счет за порожний прогон, – добавила она, направляясь к двери.
- Будет сделано, – ответил Джеймс.

– Я вернусь в пять, – объявила Ева и вышла, она сошла по четырём из шести ступенек лестницы, потом задумалась и вернулась.

– Я думаю, что иногда тебе было бы неплохо выразить хоть сколько-то благодарности доктору Паркеру, он все эти годы всегда был рядом с нами! – упрекнула она Джеймса, стоя в двери.

– Это верно, но порой он бывает настолько рядом, что я не понимаю, чем ты больше дорожишь: работой или доктором... я даже подумываю, не начать ли ревновать, – ответил Джеймс почти вполголоса, будто говорил с самим собой, а не с Евой. – Если ты вдруг предложишь взять его с нами в отпуск в Египет, я даже не удивлюсь, – заявил он.

На лице Евы проступило удивление, которое Джеймс истолковал как «ты у меня в мыслях прочитал, я как раз собиралась предложить», и он выпрямился на стуле. В светлых глазах Евы промелькнула загадочная искра.

– Не смейся людей! – тотчас решительно ответила она и вышла, как обычно хлопнув дверью, Ева подозвала Тоби и взяла его с собой на работу. Джеймс подумал, что так даже лучше, после вчерашнего нападения он не хотел, чтобы пес крутился вокруг сына, пока Джеймс не разобрался в чем дело. Он решил спокойно выпить кофе, приготовить завтрак для Гарри и разбудить его, потом они пойдут с ним прогуляются, так Гарри отвлечется немного, и может воспользуются случаем и купят Гарри новые очки. Как только шум машины Евы стих в отдалении, Джеймс услышал быстро приближающийся глухой рокот, он бросил чашку в раковину и вышел полюбопытствовать. Вертолет он сразу узнал, то был черный «Блэк Хок» без номеров, без надписей, без каких-либо знаков отличия. Он медленно пролетал над домом на высоте метров в тридцать, а человек в черном облегающем комбинезоне с капюшоном и в странных очках, высовывался из дверцы, сжимая в руке что-то вроде телекамеры. Джеймс подумал, что кто бы то ни был, он не фильм снимает, вбежал в дом и схватил бинокль, чтобы рассмотреть получше. Незнакомец продолжал изучать лежащий внизу городок, но вдруг заметил, что Джеймс наблюдает за ним в бинокль, и тотчас исчез в вертолете, плавающая дверца захлопнулась, секундой спустя вертолет без труда развернулся и улетел, скрывшись за лесом, так же быстро как объявился. Джеймс озадаченно почесал в затылке, потом взглянул на лужайку, и вид полного разгрома поразил его, как удар. За два дня, думая о более важном, Джеймс не заметил, что люди своими сапожищами истоптали всю лужайку. Он сбежал по ступенькам и подошел к клумбам, не веря своим глазам, на клумбах не осталось ни одной живой травинки. Он поспешно прикидывал урон, когда неожиданный голос за спиной заставил его вздрогнуть.

– Господин Робинсон? – обращался к нему какой-то юноша; на нем был желто-белый жилет «Федекс», в руках он держал объемистый пакет. Ветер медленно относил прочь пыль, поднятую на дороге фургоном. Разволновавшись за свои фиалки, Джеймс даже не услышал, как фургон подъехал.

– Да...? – неуверенно отозвался он, размышляя что может быть в пакете, потом вспомнил, что сколько-то недель назад он заказал по интернету макет в масштабе долины Гизы в подарок сыну. Джеймс посчитал за счастье, что макет пришел именно сегодня, потому что, чтобы поднять Гарри настроение, ничего лучшего быть не могло, Джеймс был уверен, что вместо прогулки сын будет страшно рад провести утро, собирая макет. А Джеймс воспользуется случаем и попробует вернуть к жизни свои любимые клумбы, а очки они потом купят.

Стивенсон выключил миниатюрный диктофон и с досадой бросил его на стол, стащил маску с лица и снял резиновые перчатки.

– Никаких улик, вот черт! – сказал он, снимая шапочку с почти облысевшей головы.

– ...совсем никаких? – отозвалась Элен.

– Ни одной улики! Все, что я могу сказать, так это, что мое изначальное впечатление подтвердилось и что смерть наступила примерно тридцать шесть часов назад, но тела ничего не говорят о причинах смерти.

– И что теперь?

– Не знаю, у меня такое впервые, – заявил Стивенсон, почти стыдясь своего признания.

– Есть же токсикологический анализ, – обнадеживающе предложила Элен.

– Он ничего не даст.

– Откуда ты знаешь?

– Пока ты пялилась в потолок и старалась не блевать, – объяснил ей судмедэксперт, указав на несколько пробирок, – я проверил ткани общепринятыми веществами, и безрезультатно. Мне остается проанализировать отобранные образцы несколькими особыми реагентами, но я уже знаю, что ничего из этого не выйдет.

– И вывод? – встревоженно спросила Элен, расследование начиналось неважнецки.

– Вывод, что не знаю, что и думать. Ничто не указывает, покончили ли они с собой или им ввели наркотики, или их отравили, или убили. У них слишком спокойный вид, ни один нерв не сократился. К тому же, они должны были сейчас окоченеть, а кажется, что не умерли, а спят. Да ты представляешь, сколько я трупов перевидал за тридцать лет работы? – возмущенно добавил Стивенсон, заметив уничижительный взгляд Элен.

– И у тебя нет никаких других улик? Ну, к примеру, «свершилось» ли уже между ними или нет.

– Было между ними или не было, это не важно, мы не то ищем. Тут, как если бы они умерли без какой-либо причины, будто их души подождали, пока они уснут, и тихо отлетели, так, из-за ничего. Вдруг.

Элен глянула на него из-под бровей, словно он бредил.

– Не веришь, да? Тогда вот слушай, что с этими типами приключилось.

– Ну, послушаем твои заумные выкладки! – вызывающе ответила Элен, скрестив руки на груди.

– Вот, скажем, фен, представляешь? Берешь, включаешь, а когда больше не нужен, вынимаешь вилку из розетки и кладешь его в комод. С этой парой произошло то же самое. Они вдруг выключились, будто их кто-то от розетки отключил, понятно? И то же самое произошло с их машиной.

– Причем здесь машина? – спросила Элен, все становилось еще запутаннее.

– Когда я прибыл на место, где их нашли, для предварительного осмотра, механик, который за машиной приехал, матерился на чем свет стоит. Он пробовал ее завести всяко, и не в какую; машина почти новая, мотор в порядке, а не заводится.

– Может колесом в яму попали и какой-нибудь провод отпал или мотор залило, – предположила Элен, но судмедэксперт помотал головой.

– У механика портативный автосканер с собой был, он его подключил к блоку управления, и тот ответил, что все узлы работают отлично. Машина просто не хотела заводиться.

– И в самом деле странно, – откликнулась Элен.

– И еще одно, если хочешь знать, блок сказал, что в последний раз машина выключилась примерно в тот же момент, когда парочка отбросила копыта, – доложил врач.

Элен косо посмотрела на него за то, что он так презрительно выразился об убитых.

– Единственное, что может объяснить этот случай, это что парочка попала в электрическое поле с частотой, способной остановить одновременно как их сердца, так и блок управления машины, но не могу вообразить, откуда такому полю взяться посреди леса, – заключил Стивенсон.

– Я такой нелепицы ни разу не слышала, – сказала Элен, поразмыслив несколько секунд, потом начала прохаживаться в раздумьях по прозекторской, разглядывая носки своих ботинок. Когда она подняла голову и поискала глазами Стивенсона, чтобы задать ему вопрос, она увидела, что он положил палец на кнопку «вкл.» капсульной кофеварки.

– Не включай, – проговорила она, но он уже нажал, и через мгновение весь свет погас.

– Что случилось?

– Кофеварка замыкает, каждый раз, когда мы ее включаем, вырубается свет во всем коридоре.

– Что ж вы ее не выбросите? – раздраженно спросил Стивенсон.

– По-твоему, отключенная розетка ничего не значит? А к тому же, скажи на милость, как это тебе кофе хочется, когда ты только пять минут назад в двух трупах копался, ты еще халат не снял, он весь в крови, – ответила с отвращением Элен, обернувшись к телам и указав на них протянутой рукой. Что-то привлекло ее внимание, и она подошла к телам, чтобы рассмотреть получше.

– Что такое?

– Молчи.

– Да скажи, что увидела? – настаивал Стивенсон.

– Голубой отсвет у них на лбу и на руках... видишь?

– Действительно странно... может радиация? – предположил он.

– Да не скажи, – ответила Элен, сомнительно помотав головой. – А скорее, вроде какой-то порошок прилип к коже настолько, что проник в поры и там засел... я видела такой же на велосипеде Гарри.

– Гарри?

– Да, сына Джеймса.

– «Твоего» Джеймса?

– Ты не можешь ни ерничать даже в эту минуту, да? – укорила его Элен, ткнув его локтем в бок.

– Ну извини... так что же это?

– Это ты мне должен сказать, не ты ли у нас судмедэксперт?

Доктор Паркер совсем пал духом, несмотря на все его бесконечные попытки на всех возможных частотах, восстановить радиосвязь, которая прервалась несколько дней назад, ему не удалось. День за днем он упорно пытался выйти на связь, еще и еще раз, но на его сообщения отвечало лишь неизменное «пи-и-и», совершенно не имеющее смысла. Он предположил, что эту тишину нельзя приписать всего лишь повреждению на приемной станции, поскольку тянулась она слишком долго; казалось, скорее, что на том конце провода больше никого нет. Адам заключил, что, независимо от причины, только этой напасти не доставало, да хоть бы не в этот момент, он сделал еще одну пустую попытку и нервно выключил передатчик. Ему понадобились годы трудов и проб, чтобы установить контакт и поддерживать его, и теперь, когда радиосвязь потерялась, он чувствовал себя как новорожденный, брошенный на ступеньках церкви. Он подумал, стоит ли сообщать о случившемся Еве, но знал, что воспримет она это плохо, и решил пока ничего не говорить. В конце концов, у него было еще несколько дней, чтобы попытаться все уладить, и он надеялся, что ему удастся. Он вспомнил о Еве и посмотрел на часы, Адам с досадой отметил, что она как всегда опаздывает, скоро придут первые пациенты, и у нее не будет времени, она сможет рассказать ему, удалось ли ей все сделать, не раньше, чем часа через два. Ожидание изведет его, ему не терпелось узнать, все ли идет по планам. Взвесив, что до первого визита было еще больше десяти минут, Адам неуверенно положил палец на кнопку включения передатчика, не попробовать ли еще раз, но именно когда он собирался нажать на кнопку, кто-то властно застучал в дверь амбулатории. Адам рассеянно взглянул на экран, связанный с телекамерой над дверью, и тотчас узнал госпожу Марфи, ее было легко распознать по размытой помаде и волосам дымчато-белого цвета, полуприкрытым шалью. Пожилая дама стояла перед дверью, держа на руках своего Мяу. Она заботливо обернула его в одеяльце в клеточку и ласкала будто ребенка. Доктор Паркер злобно топнул ногой: он объяснял старушке сотню раз, что он не ветеринар, но она взяла за дурную привычку приносить кота ему в амбулаторию, по крайней мере, раз в неделю и так или иначе вынуждала осматривать его.

Джеймс накрыл стол, он поставил поджаренные хлебцы, варенье, сливочное масло, горячее молоко и апельсиновый сок, потом пошел вверх будить Гарри.

– Египтолог, ты еще спишь? – проговорил он вполголоса, входя в комнату. Он думал застать его еще в постели, но сын уже умылся, оделся и, как каждое утро, уселся перед телескопом, направленным на созвездие Ориона.

– Доброе утро, папа, – поприветствовал он отца, обернувшись с улыбкой, будто ничего не случилось, по-видимому, события прошедших дней никак не повлияли на него, и Джеймс был доволен.

– ...извини, что спрашиваю, но днем ты что-нибудь видишь?

– Нет, днем совсем ничего не видно... но попробовать ничего не стоит, так ведь? – ответил Гарри, присвоив выражение, которое повторял ему много раз отец, убеждая не сдаваться, когда дело казалось неимоверно трудным.

– Верно, ты прав, – подтвердил Джеймс, улыбнувшись в ответ.

Гарри поднялся и насадил покрывки на линзы телескопа, потом надел очки и пригладил челку.

– Нам вроде бы позднее придется идти покупать тебе новые очки, – сказал Джеймс.

– Думаю да... а потом надо еще пойти забрать снасти, – ответил Гарри виноватым тоном.

– Хорошо, но сначала давай займемся более важными делами. За удочкой можем сходить и после обеда, ее никто не украдет, не сомневайся. В первую очередь тебе нужны очки, но сначала советую тебе бежать скорей на кухню, там тебя ждет завтрак и приятный сюрприз!

– Сюрприз? Какой? – спросил Гарри, запрыгав с одной ноги на другую, как всегда, когда был наэлектризован.

– Спокойно, Египтолог, разве это будет сюрприз, если я тебе скажу? Увидишь в свое время, давай, пойдем, – ответил Джеймс, обнимая его за плечи. За завтраком Гарри проявил повышенный аппетит, и Джеймсу показалось это хорошим знаком, после завтрака сын довольно улыбнулся и устался на него в ожидании.

– Чего смотришь? – спросил отец, делая вид, что уже забыл об обещанном сюрпризе. Гарри нахмурился.

– Вон там, – весело сказал Джеймс и указал в зал, – иди, посмотри. Я уберу со стола и приду.

Гарри жадно схватил обернутый в простую желтую бумагу пакет, развернул его и при виде содержимого испустил радостный вопль.

– ...глазам не верю! – возбужденно воскликнул он, перебирая детали одну за другой и рассматривая их на свет.

– Все прозрачное, чтобы ты снаружи мог разглядеть, что находится внутри пирамид и Сфинкса, – объяснил ему Джеймс, усаживаясь рядом, Гарри стремительно обнял его так сильно, что чуть не задушил.

– Эй, осторожно с рукой, а то опять к врачу придется идти.

– Спасибо, папа, – взволнованно сказал Гарри.

– Я знал, что тебе понравится, – довольно ответил Джеймс.

– Собрать сможешь? – с надеждой спросил Гарри.

– Ты же знаешь, что я в таких лилипутских головоломках не силен, тут надо слишком много терпения. А к тому же, это же ты у нас ученый-египтолог. Мы вот что сделаем: ты начинай собирать, а я пойду клумбы в порядок приведу, видел бы ты во что фиалки превратились. Если я их не приведу в порядок вовремя, даже и не знаю, где в этом году новогоднюю елку ставить. Когда закончишь, позови меня, и я приду посмотреть, а потом пойдем в город за очками... согласен? – предложил Джеймс.

– Согласен, – рассеянно ответил Гарри почти минуту спустя, слова отца едва доходили до него, так как он уже начал расставлять порядком детали на полу.

– Ну, я пошел, – промолвил Джеймс, но ответа не получил. Гарри уже углубился в сборку пирамид.

Элен и судмедэксперт сидели одна напротив другого в ее кабинете, Элен недоуменно продолжала изучать фотографии, сделанные тем же утром на месте обнаружения трупов. Она была совершенно уверена, что лично прочесала ту поляну в поисках Гарри, и вместе с ней по лесу прошло много других людей, некоторые даже с собаками. Она продолжала думать, что они-то уж точно заметили бы неладное; как так, что никто не увидел «Кадиллака» с откидным верхом розового цвета с двумя трупами на сиденьях? Искали глубокой ночью, это верно, но ночь была довольно светлой, и к тому же лес там не особо густой.

– Попала ты в передрагу, я тебе вовсе не завидую! – произнес Стивенсон, чтобы прервать молчание, он свое дело сделал и ждал, когда Элен отпустит его, поскольку у него было много других дел. Элен молча продолжала рассматривать фотографии, тогда он вытащил из внутреннего кармана пиджака сверток из фольги и принялся разворачивать.

– Да, хреново. Не знаю, с чего и начать! – отозвалась Элен минуту спустя. – Ты считаешь, что... – продолжила было она, оторвавшись от фотографий, но посмотрела на судмедэксперта и с отвращением умолкла: тот откусывал кусок от бутерброда с ростбифом и зеленым соусом, буроватый сочок бежал у него по подбородку и капал на рубашку.

– Что? – невинно отреагировал он.

– Ну это уж слишком! – взорвалась Элен и вскочила со стула.

– А что? Что такого? – запротестовал Стивенсон.

– Уходи! Выйди немедленно из кабинета! – прорычала Элен, она ухватила его за пиджак и подняла, протащила до двери и вытолкнула в коридор.

– Женщин на некоторые должности назначать нельзя, – с полным ртом прокомментировал из коридора Стивенсон.

– Я тебя ни видеть, ни слышать больше не хочу, – гневно ответила Элен.

– В любом случае, я на твоём месте попробовал бы найти кто звонил, – удаляясь, прокричал Стивенсон, жуя на ходу бутерброд и размышляя, что он такого сделал. Элен прислонилась к двери и медленно сползла на пол, она задержала дыхание, борясь с собственным желудком и сдерживая подступившую тошноту. На лбу ее проступил холодный пот; как только тошнота прошла, Элен открыла окно и впустила свежий прохладный воздух. Она постояла у окна пару минут; когда желудок совсем успокоился, она вернулась в кресло и нажала на кнопку переговорника.

– Да, шеф, – ответила Синди с коммутатора.

– Через двадцать минут, чтобы все были в кабинете для совещаний, – приказала Элен, не переставая чесать мизинец о грубую ткань бокового кармана брюк, зуд сделался невыносимым.

– Но шериф, почти все на выезде, – возразила Синди.

– Мне наплевать, скажи им, что у нас ЧП, пусть они бросают все, что делают.

– Хорошо, шеф, сделаю, что смогу.

Элен отключила переговорник и взяла отчет рядового Марио Бенелли, прибывшего первым на место происшествия. Она вздохнула и в десятый раз перечитала отчет, не переставая все яростнее царапать палец.

Джеймс сразу же прикинул, что на возрождение клумб потребуются недели. Хотя в эти декабрьские дни погода стояла, по сути, летняя, условия для садоводства были не идеальными. Ветер в последнее время дул главным образом с моря, и воздух был слишком пропитан солью, а к тому же был он горячим и влажным, и перепад дневной и ночной температуры был изрядным. Погибла, по крайней мере, одна треть из осмотренных им цветов, Джеймс с сомнением взглянул на немногие былинки, которые ему удалось милосердно распрямить, и подумал, что, если из них выживет хоть половина, это уже будет чудом. Он обреченно признал, что в этом году елке придется искать другое место. Вдруг Джеймс ощутил пристальный взгляд за спиной.

В отдаленном уголке его сознания зазвонил сигнал тревоги, по спине пробежали мурашки. Глядя в землю Джеймс различил тень, безмолвно приближавшуюся сзади, кровь у него в венах вскипела, так как тень заносила над его головой руку и готовилась ударить его же лопатой. Джеймс кувырком отпрыгнул вперед, уходя из-под удара лопаты, и вскочил на ноги, готовый защищаться, но к своему огромному удивлению, увидел перед собой Гарри. Сын смотрел на него пронизывающим взглядом, но на самом деле ничего не видел. Джеймсу показалось, что Гарри как бы впал в оцепенение. Нижняя губа его слегка подрагивала, из правой ноздри текла струйка крови и капала на желтую футболку.

– Гарри... – позвал Джеймс вполголоса, но Гарри пристально смотрел на него, ни разу не моргнув.

– Гарри, – в смятении повторил Джеймс. Он обошел сына сбоку, намереваясь крикнуть Гарри в ухо чуть погромче, тот не проследил за ним взглядом. Гарри смотрел в пустоту, его нижняя губа выпятилась еще больше и затряслась сильнее, потом неистовая дрожь охватила все его тело, Джеймс смотрел на сына, не зная, что предпринять, он не решался трогать его и не знал, надо ли трогать. Джеймс вспомнил, как он прочитал где-то, что, если вывести «нормального» человека из транса рывком, то на его психику это может подействовать трагически, значит, подумал он, если он встряхнет Гарри, это просто погубит его. Вдруг, когда Джеймс уже почти запаниковал, Гарри дернулся еще сильнее и дрожь прошла.

– Папа, – воскликнул он, увидев наконец Джеймса, словно пробудился ото сна, и Джеймс облегченно вздохнул.

– Гарри, что с тобой, ты хорошо себя чувствуешь?

– Ну да, хорошо, почему ты спрашиваешь?

– А что с тобой было?

– Ничего, а что могло быть?

– У тебя кровь из носа, – сообщил ему Джеймс, вытирая кровь носовым платком, потом он закинул голову Гарри назад, чтобы остановить кровотечение. Закидывая голову, Джеймс заметил малюсенький рубец у него за ухом и удивленно отметил, что не помнит, когда его сын поранился в том месте.

– Я не заметил, – ответил Гарри, беря у него из рук платок.

– А лопата тебе зачем?

– Лопата? А, ну да, ты ее забыл на кухне, когда заходил попить, вот я тебе ее и принес, – ответил Гарри, бросая лопату на землю, – ...а что ты на меня так смотришь? – спросил он.

– Не важно, не обращай внимания. Ты уже собрал макет?

Гарри тряхнул головой, снова уходя в себя, и Джеймсу показалось, что он опять вот-вот упадет в транс.

– Гарри? – тревожно окликнул его Джеймс.

– Мне жаль за твои созданыща, знаю, как ты ими дорожишь, – сказал сын, назвав цветы так, как их называл Джеймс. – Думаешь, что сможешь их оживить? – спросил он и присел разгладить повядший цветок.

– Попытаться ничего не стоит, так ведь? – ответил Джеймс словами, которые начинали набивать оскомину. Он попытался улыбнуться, но Гарри поднялся, не ответив, и уставился вдаль с посерьезневшим выражением на лице. Они постояли несколько минут один подле другого, глядя на поле подсолнухов, протянувшееся по всему склону близлежащего холма, потом Джеймс убедился, что Гарри вроде полностью пришел в себя, и стал подбирать садовый инвентарь, переходя на другую клумбу.

– Папа...?

– Что?

– Я не соврал, я и вправду ничего не помню!

– Ты мне уже говорил, и я тебе ответил, что верю, – заверил его Джеймс, он смотрел сыну прямо в глаза, давая ему понять, что тревожиться не о чем. – Теперь мне надо поработать еще немножко на клумбах, потом пойдем покупать очки, – добавил он, собираясь отойти.

– Папа, я боюсь! – вдруг воскликнул Гарри таким тревожным тоном, что Джеймса охватил страх, рука его вдруг ослабла, и ящик с инвентарем бухнулся на землю.

– Да чего тебе бояться? – тревожно спросил он.

– Не знаю, знаю только, что мне приснился странный сон. Сначала было интересно, я летал и мог проходить сквозь предметы как привидение, потом вдруг все сделалось голубым, и знаю, что сон стал совсем нехорошим, только не помню... я ничего не помню. Я проснулся, и коленки у меня были ободраны, но мне было не больно, и они почти сразу же зажили, – рассказал Гарри.

– Может ты ошибся. Может ты и ободранные коленки во сне видел, может ты просто чего-нибудь испугался и... – в недоумении предположил Джеймс, но на полуслове умолк, так как Гарри снова задрожал.

– Я не ошибся! – порывисто выкрикнул он. – Значит, ты мне не веришь! Посмотри на мои коленки! – разъяренно добавил он, и Джеймс посмотрел. Он заметил на коленях маленькие рубцы, как после падения сколько-нибудь дней назад, но Джеймс знал, что в прошлые дни Гарри коленок не обдирал. Гарри принялся шагать взад и вперед, непрерывно повторяя свои последние слова, Джеймс молчал, он знал по опыту, что теперь надо подождать, пока Гарри успокоится сам. Пять минут спустя Гарри стих, он остановился и посмотрел Джеймсу в глаза.

– Я боюсь, что этот сон приснится снова! – признался он, в голосе его слышался такой испуг, что отца охватил ужас, но в то же время он ощутил нежность к сыну. Слишком часто Джеймс забывал, что несмотря на свои почти шестнадцать лет, Гарри был как малое дитя, и как у всех детей, у него были собственные причины для страха.

– Не приснится, я обещаю, – решительно прошептал ему на ухо Джеймс и крепко обнял его.

Ева открыла дверь амбулатории, и Тоби вбежал, махая хвостом, он ткнулся пару раз в руку доктора Паркера, тот задумчиво стоял перед географической картой, висевшей на стене, карта была нарисована тушью на бараньей коже, настолько ветхой и выцветшей, что походила на карту сокровищ. Нарисовали карту мира много лет назад, очертания земель были необычными, а в центре Атлантического и Тихого океанов залегали мифические острова Атлантида и Пацифида. Ева заперла дверь на три оборота.

– Ты пришла с опозданием, скоро пациенты придут, – заметил Адам, оборачиваясь к ней, потом откликнулся на бурное требование пса погладить, рассеянно похлопав его, пес счастливо закатился по ковру кверху брюхом. Ева не ответила, она повесила сумку и жакет на вешалку и со вздохом упала в кресло в зале ожидания. Она вытянула ноги и скрестила лодыжки, потом вытащила бархатный мешочек для монет и принялась поигрывать им.

– Ты пришла с опозданием, – повторил доктор Паркер, ожидая оправданий, он нервничал, так как в конечном итоге вынужден был терпеть госпожу Марфи, в амбулатории все еще веял гнилой запах ее китикета.

– Мне страшно жаль, но очередная утренняя ругань с Джеймсом потребовала больше времени, – отозвалась Ева. Паркер не ответил, он уселся в кресло напротив нее и вопросительно посмотрел угрюмым взглядом. В ответ она протянула ему бархатный мешочек и пригласила открыть. Он порылся внутри двумя пальцами и вынул металлический шарик, рассмотрел его на свет и улыбнулся, так как в начинавшийся наперекосяк день хоть это дело проверить им удалось.

– Я все думаю, как же ты и на этот раз не ошибся, – сказала Ева.

– Нам просто повезло, – усмехнулся Паркер, поправляя бабочку, подобранную в тон к рубашке.

– Не скромничай, везение не в твоём репертуаре.

– Ты же знаешь сколько людей приходит сюда лечить синуситы и хроническую мигрень, даже не подозревая, что они вызваны вот этими штучками, которые серые пришельцы вводят им в полости без их ведома. Добыть одну из них оказалось легко, и когда мы вели ее Гарри, дело сделано. Принимая во внимание, что серые всегда возвращаются к тем же абдуктированным, было легко предположить, что рано или поздно, с этим передатчиком в теле у Гарри, они наткнутся на него, – объяснил Паркер, наслаждаясь собственной гениальностью.

– Рано или поздно? У нас была единственная возможность, а те два непрошенных гостя в лесу едва не... – забрюзжала Ева. Паркер знал, куда она клонит и тотчас прервал ее.

– Помолчи! Я тебе уже тысячу раз объяснял, что я задумал это только, чтобы у нас был запасной вариант, если что-то не сложится. У нас все в порядке, мы без затруднений доведем дело до конца, и ты это знаешь, но, если нам понадобится, теперь, благодаря Гарри, мы получили сведения о них. Что же касается неприятного присутствия «людей-в-черном», скажи спасибо Авели, – с досадой возразил он на ее жалобы, – это она не смогла удержать их на расстоянии.

– Значит, ты тоже считаешь, что те двое – агенты... – удивленно спросила Ева.

– Не нахожу другого объяснения и, в любом случае, предпочитаю не думать о них. Кто бы они ни были, они уже не смогут нам навредить, – отрезал он. – Как у тебя с мужем? – спросил он немного более мягким тоном, чтобы перевести разговор на другое.

– День за днем все хуже, – напрямик сообщила Ева.

– Потерпи еще немного, – ободрил Адам, заключая ее лицо в свои руки в редком приливе нежности. Она бросила на него ласковый взгляд и тут же, фыркнув, отстранилась.

– Тебе легко говорить, это ведь не ты с ним живешь. Каждый день все труднее, и чем дальше, тем больше мне кажется, что цель, с которой мы все это делаем, не оправдана... я даже боюсь, что, забыла, что это за цель, – задумчиво прошептала Ева.

– А я тебе напомню: что, по-твоему, с нами сделают, если вдруг кто-нибудь узнает, кто мы на самом деле? – ответил Паркер, переменившись в лице.

– Не считай меня дурой, думаешь сама не знаю? – резко ответила Ева.

– В любом случае, говорить об этом бесполезно, хочешь ты или нет, мы на последнем витке... к тому же, еще не сказано, что все это действительно надо.

– Что ты имеешь в виду?

– Я только что звонил Авели, она сказала, что у ученых надежд мало. Мы в этом захолустном городке живем как в скорлупе, но природа уже давно восстает против человека. Каждый день новые стихийные бедствия, и все будто летит к чертям, пока сделали-то мы все правильно, но ничего конкретного у нас еще нет.

– И что с Землей будет? И когда?

– Не знаю, Авель ничего не сказала точно. Скорее всего, у нас остается несколько дней, после чего ни реванша, ни второй возможности не будет.

– Если положение настолько серьезно, чего Авель ждет?

– Думаешь, ей легко?

– Нам понадобится много везения, – долго поразмыслив, отозвалась Ева.

– На везение надеяться не приходится, ты сама сказала, – заметил Паркер.

– Так, начнем, – объявила Элен, когда все подчиненные расселись по местам.

– Почему ты нас заставила прибежать сюда рысью? – спросил сержант Дауэр, вежливо подняв руку, как в школе. Элен решила без вступления перейти к делу.

– Если вдруг кто-то еще не в курсе, сообщаю, что у нас два трупа, нашли сегодня утром в машине, без номера и без документов. Доктор Стивенсон только что провел вскрытие и причину смерти не установил, к тому же, тела обнаружили на участке леса, по которому прошлой ночью мы проходили много раз, когда искали сына Джеймса. Судмедэксперт клянется, что

пара лежала там уже холодная по крайней мере с позавчерашнего дня, как же так, что никто из нас ее не заметил?

– Странно, – проговорил гигант Джо утробным голосом.

– Вот именно, – согласилась Элен.

– Значит, они не там умерли, а их туда привезли сегодня ночью, – предположила Кларетта Джонс едва слышным от застенчивости голосом.

– Невозможно, их машина не заводится, – объяснила шериф.

– А может она позднее сломалась?

– Нет, блок управления показывает, что машина встала примерно в то же время, когда двое предположительно умерли.

– Вот так загадка... – отозвалась Кларетта.

– Вот именно... и это значит, что нам всем придется взяться за работу и закрыть дело как можно скорее, так как в нашем маленьком городке слухи разлетаются быстро. Я уверена, что скоро набегит куча любопытных, и нам надо знать, что отвечать на их вопросы.

– И что делать? – спросил сержант Бенелли.

– Дать абсолютный приоритет расследованию, бросьте все, что делали, и займитесь только этим делом. Мы не знаем личностей убитых, но рано или поздно кто-нибудь придет спрашивать о них.

– Как распределимся? – спросил Дауэр.

– Кларетта, ты пойдешь прогуляешься по улицам, поспрашиваешь там и сям с фотографиями в руках. Начнешь с «Весны», потом в «Деревенскую дыру» и в магазин Боу, потом на бензозаправку и, раз уж на ты месте, заскочишь в аптеку... может кто-то их заметил и что-нибудь сообщит. Бенелли, ты слетай еще раз на место происшествия, нафотографируй толстый фотоальбом. Дауэр, сходи в автоинспекцию с номером кузова машины, посмотри, удастся ли определить владельца, потом позвони механику и спроси, разобрался ли он, из-за чего машина сломалась. Когда будешь возвращаться назад, тоже задержись и походи поспрашивай. Джо, сядь за компьютер и поищи похожие случаи, если отыщешь что-нибудь похожее, может выйдем на след.

Джо кивнул головой, но в глубине души был недоволен, его давно не выпускали на задание из-за возраста, а ему сидеть в четырех стенах вовсе не хотелось. К тому же, Элен посадила его за компьютер, а Джо его терпеть не мог: пальцы у Джо были толстенными, и он все время ударял по двум кнопкам разом. Джо покорно подумал, что у него нервы не выдержат, но протестовать не стал: знал, что бесполезно.

– А ты, Синди, позвони в телефонную компанию и спроси, не осталось ли у них записи анонимного звонка, наша-то почти неразборчива. Звонили из телефонной будки, если она из тех, что они мониторируют, у нас будет над чем работать.

Гарри уже давно вернулся собирать макет, а Джеймс был настолько поражен его недавним поведением, что не мог сосредоточиться на своих ненаглядных цветах. Он бросил взгляд на только что распрямленные стебельки и счел, что вышло паршиво, ему даже на миг захотелось окончательно перетоптать все растение, чтобы сорвать зло. Кроме того, у него не проходила головная боль, она даже усилилась, и в висках колотило. Джеймс понял, что у него не то настроение, чтобы заниматься клумбами, и решил пойти привести себя в порядок, а потом они с Гарри пойдут наконец за новыми очками. Джеймс подумал, что он эгоист: за очками надо было давно уже сходить, он посмотрел на часы и посчитал, что, если они пошевелиятся, все-таки успеют в магазин до закрытия. Он наклонился собрать инвентарь; складывая его в деревянный ящик, он остановил взгляд на круглой клумбе с фиалками и поразился: цветочек, который потрогал Гарри час назад, практически воскрес. Тонкий стебель окреп, почти весь выпрямился и тянулся к небу, перевязки, удерживавшие его на колышке-опоре, ослабли, листочки и лепестки снова развернулись и сделались гладкими и блестящими, живыми. Джеймс поду-

мал, как это может быть, и в тот же момент уловил движение в леске позади изгороди, что-то вроде черной тени стремительно промелькнуло меж кустов. Он вскочил на ноги и долго всматривался в точку, где, как ему показалось, промелькнула тень, но ничего необычного не увидел. От стремительного вскакивания у него вдруг закружилась голова, а в висках застучало еще сильнее.

«Вчерашняя передряга слишком сильно на меня подействовала, у меня галлюцинации начинаются», – подумал Джеймс, он вновь склонился над ящиком с инвентарем, но внезапное чувство, что он не один, охватило его снова. Джеймс вооружился тляпкой и медленно направился к опушке проверить, но убедился, что лес стоит совершенно неподвижно. «Слишком неподвижно, – подумал Джеймс, – ни одна птичка не поет, даже кузнечики не стрекочут». И ему показалось, что далеко вдаль слышится глухой рокот черного «Блэк Хока», который до этого пролетал над крышей дома. Ему разом вспомнилось охваченное ужасом лицо Гарри и его слова, Джеймс обернулся на дом и заметил, что входная дверь открыта. С нехорошим предчувствием, он бросил тляпку и собрался бежать к дому, но, не сделав и шага, Джеймс почувствовал, как что-то укололо его в шею и что он теряет силы: секунду спустя тело его без чувств рухнуло на землю.

Просидев пару часов над листками бумаги и фотографиями, записями и каракулями, Элен отправилась в раздевалку и сняла форму, она надела шорты, майку и кеды. Сейчас она бежала на беговом тренажере вот уже несколько минут и не сводила глаз с разбросанных по полу бумаг. Бег на тренажере стал ее привычкой, когда ей надо было уединиться и поразмыслить, найти идею, и чаще всего этот прием оправдывал себя. Но на этот раз хорошие идеи словно не хотели приходить, и Элен без конца думала, как ей быть, как разрешить граничащую с абсурдом загадку. Пока ей зацепиться было не за что, ни одной улики. Первый осмотр места преступления, если это было преступлением, проведенный Бенелли, ничего не дал. Рядовой не обнаружил никаких отпечатков ни обуви, ни колес, которые не принадлежали бы убитым или их машине, не было ни лоскутка ткани, ни волосинки, ничего, что хоть как-то могло указать на след, на то, что делать дальше, на личность. Звонок в местную телефонную компанию оказался безуспешным, потому что анонимное сообщение был настолько коротким, что невозможно было определить из какой будки звонили, поэтому нельзя было выехать на место и попытаться снять отпечатки пальцев. Кроме того, у них не было годной записи, поскольку звонивший закамуфлировал голос, и было даже невозможно различить, женщина или мужчина говорил тем хриплым шепотом. Все, что было у Элен, так это никудашная запись звонка, которую надо отправлять в лабораторию, чтобы там попробовали очистить ее, а на это уйдет несколько дней. Кроме того, ей не давало трезво размышлять тягостное ощущение нереальности, охватившее ее из-за бессонных ночей, из-за двухдневного исчезновения Гарри, из-за ледящей картины двух бездыханных светящихся тел, которая не выходила у нее из головы. И еще: появление такого же странного светящегося порошка на велосипеде сына Джеймса указывало на то, что между двумя происшествиями есть непременно какая-то связь, но Элен совершенно не удавалось понять какая именно. Мысль о порошке – да и пот на лбу – заставила ее почесать палец. Элен взглянула на палец и увидела, что Стивенсон был совершенно прав, палец выглядел скверно: на кончике, на первой костяшке образовалось что-то вроде гноя, но никакой жидкости не сочилось, более того, палец будто быстро отсыхал, как неживой придаток. И все же, судя по боли и зуду, мизинец вовсе не был мертвым. Элен пообещала себе показать его как можно скорее врачу, чесанула палец еще раз, сдержав болезненный стон, и принялась размышлять. Во-первых, она подумала, что, вероятно, Гарри наткнулся на трупы или даже стал свидетелем двойного убийства, он в ужасе убежал и спрятался неизвестно где. Позднее, несколько часов спустя он набрался храбрости, вышел из укрытия и вернулся домой. На деле это предположение казалось ей слишком простым, но в противном случае Гарри оказывался замешанным в убийство более непосредственно и глубоко. Поразмыслив, Элен решила,

что это невозможно и что все наверняка было по-другому, но как она не старалась, никаких других версий ей в голову не приходило. Утром у нее не раз возникало желание позвонить Джеймсу, она уже поднимала было трубку и начинала набирать номер, но каждый раз вновь клала ее, думая, что после вчерашних тревожений, у него сейчас другое в голове. К тому же, зная его, Элен отлично понимала, что не позднее завтрашнего дня она увидит Джеймса на работе, и приказала себе не беспокоить его. Прикинула также, не осмотреть ли самой место преступления, но прекрасно понимала, что только потеряет время, поскольку хоть Бенелли и зануда, но все же ищейка что надо. Если там есть что-нибудь заслуживающее внимания, при повторном осмотре, которое он проводит в этот момент, оно от него не ускользнет. Вся душа Элен надеялась, что судмедэксперт ошибся, и что токсикологический анализ покажет, что пару убил новый синтетический наркотик, неизвестный и летальный, потому что иначе представшая ситуация была слишком запутанной, и Элен боялась, что концов она никогда не найдет. Приглушенное бурчание в желудке сообщило ей, что подошло время обеда, но после участия в двойном вскрытии думать о еде ей вовсе не хотелось, она знала на девяносто девять процентов, что выблует всю еду. Опыт научил ее, что, если она немного потерпит, выделяемые желудочными соками газы заполнят желудок и на время создадут ощущение сытости, и решила терпеть. Элен выключила тренажер и сделала несколько упражнений на растяжение мышц; полицейский участок практически опустел, и после душа и пары звонков она решила вздремнуть. Но, собирая листки, она вновь всмотрелась в фотографии светившихся трупов, и в голову ей пришла идея. Элен нажала на кнопку переговорника.

– Синди?

– Да, шериф...

– Будь добра, разыщи химика Ларри и пригласи его прийти сюда ровно в пятнадцать при всем снаряжении. Если будет отказываться, скажи, что это дело жизни или смерти.

– Хорошо, шериф. Что-нибудь еще?

– Да. До четырнадцати пятидесяти пяти меня ни для кого нет, понятно?

– Все понятно.

ЭПИЗОД II

МАКЕТ

Джеймс вмиг открыл глаза, будто пробудился от анестезии, и мысли его тотчас устремились к сыну. Стук в висках превратился в самую настоящую пытку, и у Джеймса было ощущение, что с минуты на минуту от давления череп у него буквально разнесет на части. Он взглянул на часы и увидел, что с момента потери сознания прошло не больше шести-семи минут; не раздумывая, Джеймс подобрал тяпку и побежал к дому. Вошел он осторожно, напрягая все чувства и пытаясь уловить любой звук, но в доме стояла абсолютная тишина. Джеймс успокоился, подумав, что ему все показалось и заглянул в гостиную, полагая, что увидит там сына, заканчивающего собирать макет, но от увиденного его охватил ужас. Макет был разнесен на тысячу деталей, многие из которых были сломаны, будто кто-то молотил по ним и истоптал их, кресла были сдвинуты, какие-то безделушки валялись по полу, Джеймс решил, что тут произошла схватка.

– Гарри? Гарри? – позвал он вполголоса пару раз, но ответа не получил, вдруг он услышал едва различимый шум с верхнего этажа. Мигом в голове у него предстало ужасающее предположение: два дня назад кто-то похитил его сына, мальчику удалось сбежать, но о похищении Гарри не рассказывал из-за слишком сильного потрясения, и теперь эта сволочь, кто бы то ни был, осмелилась даже проникнуть к ним домой и попытаться утащить Гарри снова. Ведь Гарри рассказал Джеймсу до этого о своих страхах, о боязни, что он снова исчезнет. Джеймс отбросил тяпку и вернулся в кухню, вытащил полуавтоматический кольт, спрятанный в шкафу, и устремился вверх по лестнице. Взбежав, он понял, что шум доносится именно из комнаты Гарри, но теперь шум был приглушенным и не наводил на мысль о драке.

– Неправильно... неправильно... навязчиво выпевал плаксивый голос, Джеймс не сразу догадался, что это голос сына. Он забыл об осторожности и бросился к комнате. Дверь комнаты была приоткрыта, он заглянул внутрь, и у него вновь кровь в жилах застыла и словно остановилась, казалось, будто по комнате только что пролетел ураган; подкравшись на цыпочках, Джеймс сделал глубокий вдох и ворвался, сжимая кольт в вытянутой руке и направляя его на предполагаемого похитителя, он рывками обернулся вокруг себя на триста шестьдесят градусов и увидел, что в комнате кроме Гарри никого нет. Еще не успокоившись от напряжения, Джеймс положил кольт на верхнюю полку этажерки и сделал два глубоких выдоха, пытаясь прийти в себя, его сын стоял возле гигантского изображения плато Гиза и повторял одни и те же слова.

– Профессоренок, – подходя к нему, окликнул Джеймс, но Гарри, так же, как и до этого на улице, не отозвался.

– Профессоренок... – повторил Джеймс погромче, пытаясь привлечь внимание сына, но тот был словно на другой планете. Джеймс протянул руку, собираясь встряхнуть Гарри за плечо и вывести из его оцепенения, но, когда он коснулся сына, тот обернулся и посмотрел на него таким недобрым взглядом, что Джеймс от неожиданности оцепенел.

– Гарри, ты пугаешь меня... – отступая, пробормотал Джеймс.

– Неправильно! – злобно вскрикнул Гарри, потом шагнул на Джеймса и толкнул его так, что тот повалился и плюхнулся задом на пол, Гарри уселся за письменный стол и принялся рассматривать какие-то фотографии в раскрытых книгах.

Джеймс поднялся, набрался храбрости, ухватил вращающееся кресло за спинку и повернул Гарри лицом к себе.

– Папа, – растерянно воскликнул Гарри.

– Если это твои шуточки, ты меня здорово напугал! – упрекнул его Джеймс.

В тот же миг голову его пронзила острейшая боль, он упал на колени и обхватил руками виски. Сын тупо смотрел на него, будто не понял смысла его слов, потом хмуро сосредоточил взгляд на болевших отцовских висках. Джеймс сполз на пол и сидел, зажмурив веки и уткнувшись плечом в край кровати, от боли он даже глаз открыть не мог.

– Вот она, – произнес Гарри, опускаясь на колени перед Джеймсом.

– ...кто... кто, она... – пытался ответить Джеймс, но боль сделалась настолько сильной, что договорить он не смог.

– Твоя головная боль, – серьезно ответил Гарри. Он взял ладони Джеймса в свои руки, ласково распрямил руки отца вдоль тела, потом поднес свои ладони на сантиметр от висков Джеймса и подержал их, после чего принялся что-то нашептывать.

– Гарри, ты что там колдуешь? – приоткрыл глаза Джеймс и попытался воспротивиться, но Гарри провел отцу ладонью по векам и заставил его закрыть их, потом вновь зашептал свое заклинание. Несколько секунд спустя Джеймс почувствовал будто голову охватило пламя, и боль усилилась до предела, но лишь на миг, после чего Джеймсу показалось, что сын буквально вынимает боль из головы. Джеймс расслабился, и пару минут спустя он почувствовал себя так хорошо, как не чувствовал никогда раньше. После излечения Гарри принялся жестикулировать в воздухе, рисуя невидимые знаки, потом вернулся в кресло со счастливым выражением на лице от удовольствия, что вылечил отца.

– Ты как... как смог? – набравшись наконец храбрости, спросил Джеймс. В ответ Гарри развел руками, и Джеймс покачал головой, смирившись с невозможностью понять.

– Кто тут с тобой был? – спросил он Гарри, указывая на открытое окно.

– ...никого, кому тут быть?

– Уверен?

– Да... думаю, да... нет... не знаю, не помню.

– Это ты сломал макет?

Гарри кивнул, заложил руки за спину и устался на носки своих ботинок в ожидании заслуженного нагоняя.

– А почему... – только и спросил отец.

– Тебя надули, этот макет фальшивый. Не хватает зала Солнца и зала Свидетельств в Сфинксе, а еще в пирамиде Хеопса нет камеры столба джед, – объяснил ему Гарри, опять заставив его раскрыть рот от удивления. Чтобы не потерять терпения, Джеймс собрал все свои душевные силы, ведь за истекшие часы сын заставил его страшно перепугаться уже несколько раз, а помимо этого разбил очки за двести долларов и макет за триста долларов, не считая брошенной в лесу удочки. Джеймс посидел минуты две; когда он счел себя снова в состоянии продолжать разговор, не рискуя взорваться от ярости, он спросил:

– А ты откуда знаешь?

– Я... я знаю и все! – ответил Гарри с оттенком гордыни в голосе, он снова окинул взглядом царящий в комнате хаос, и на его лице отразилось недоумение.

– Папа, что тут творится? – пробормотал он и бросился к отцу, уткнувшись в него носом и умоляя о защите, Джеймс почувствовал себя беспомощным.

– Извини за опоздание, – сказал Ларри, врываясь в кабинет Элен. Он тяжело дышал, от бега брюхо у него все еще колыхалось, а из брюк высовывался край рубашки. С Ларри градом лился пот. Элен отреагировала пожатием плеч, не переставая чесать мизинец, Ларри вытер шею носовым платком и пригладил назад редкие волосинки на голове.

– Эй, что у тебя с пальцем? – озабоченно спросил Ларри, с первой костяшки кожа уже почти сошла, а сам палец принял такой мертвенно-бледный оттенок, что казалось он вот-вот начнет крошиться.

– Понятия не имею, но ничего страшного... думаю, что микоз или псориаз от стресса, или что-нибудь подобное. С прошлой ночи чешется, – нервно ответила Элен. У нее было полно нерешенных вопросов, а все будто только ее дурацкий палец и замечают.

– Может и в самом деле пустяк, только я на твоём месте хоть бы пластырем заклеил. Пыли в кабинете много, и палец надо завязать, чтобы она не попадала, а то он никогда не заживет.

– Спасибо за совет, потом заклею.

– Ну ладно. Зачем позвала?

– Сейчас увидишь, для твоего же блага надеюсь, что ты не обедал или, по крайней мере, давно переварил обед, – сказала Элен, поднимаясь с кресла.

– Не понял, – недоумевающе ответил Ларри.

– Мы с тобой сейчас пойдем отбирать образцы с пары свеженьких после вскрытия трупов, – объяснила Элен, зашагав по проходу, ведущему к моргу.

– Погоди минуту, – ответил химик, останавливаясь как вкопанный посреди коридора. – Ты же знаешь, для этого разрешение судьи нужно, так ведь? – сказал он, воспользовавшись задержкой, чтобы отлепить прилипшую к коже рубашку, кондиционер работал в максимальном режиме, но Ларри не переставал потеть, и рубашка неприятно прилипла к телу. Элен кивнула.

– А если трупы свеженькие после вскрытия, то разрешения у тебя пока еще нет, так? – настаивал Ларри. За стеклянной дверью одного из кабинетов сидел за компьютером Джо и, поддерживая себя мапюгами, мучительно кружил по интернету в поисках информации, он услышал слова Ларри, высунулся из кабинета и уставился на них. Должно быть, Ларри говорил слишком громко, Элен смущенно глянула на Джо, и тот, ответив полуулыбкой, вернулся к своему занятию. Элен ухватила Ларри за рукав и протащила его в дальний угол, где никто не мог ни видеть их, ни слышать, что они говорят.

– На этих трупах что-то непонятное, вероятно единственная улика, которая может дать знать от чего они умерли, и я уверена, что только ты способен разобраться.

– Да ты никак спятила? Я же на целлюлозном комбинате работаю, забыла?

– А ты случаем не забыл, что не первый раз предоставляешь нам консультацию?

– Верно, – согласился Ларри, – но трупов я так близко никогда не видел. Лучше бы ты к специалистам обратилась... а к тому же могла бы подождать, по крайней мере, когда придет добро от судьи, куда торопиться?

– Я опасаясь, что улика исчезнет, пока будем готовить бумажки...

– Да ты о чем говоришь?

– Сейчас своими глазами увидишь.

– А если кто узнает?

– Беру ответственность на себя.

– Это значит, что я буду работать бесплатно? – немного разочарованно предположил Ларри. Элен ответила вымученной улыбкой, и он нерешительно посмотрел на нее. – Ну, ладно, – сказал вскоре Ларри и зашагал вслед за ней, – но помогаю только потому, что ты мой любимый шериф!

Элен усадила его в пустом кабинете рядом с моргом и пошла проверить, что в покойницкой никого нет, потом вернулась за ним, и едва они вошли в прозекторскую, заперла дверь на ключ изнутри.

– Это обязательно? – неуверенно спросил Ларри.

– Будет лучше, если никто не будет знать, что мы сюда заходили, – ответила Элен, и Ларри нерешительно кивнул.

– Картина тебе не понравится, – сказала ему Элен, чтобы хоть как-то подготовить его, когда они направлялись к холодильным камерам.

– Не беспокойся, желудок меня ни разу не подвел, – заверил ее Ларри, мысленно надеясь, что не подведет и на этот раз. – Давай пошевеливаться, стоять мне тут не особо приятно, –

добавил он. Элен выдвинула из камер столы с трупами и, не сводя с Ларри глаз, откинула простыни.

– Господи спаси, от чего на них кожа да кости остались? – воскликнул химик, отворачиваясь в сторону и инстинктивно отступая назад.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Элен, она опустила голову и устремила взгляд на трупы, при виде тел у нее вырвался стон. Трупы начали превращаться в мумии, на лицах уже образовались глубочайшие впадины, а глазницы казались почти пустыми, под кожей по всему телу обозначились кости, а швы на разрезах в виде «У» на груди полностью провисли.

– Объяснений два: или это ночной кошмар, или я просто схожу с ума, – пробормотала она.

– Какого черта...? – проговорил химик, чуть оклемавшись.

– Не понимаю... они два дня назад умерли, а кажется будто прошло уже десяток лет.

Нельзя терять ни минуты, – ответила Элен и потянулась к электрическому щитку.

– Постой, ты что собираешься делать? Я не...

– Надо свет выключить.

– Шутишь? Хочешь, чтобы я в штаны наложил?

– Я только так могу показать тебе, то, что хотела показать, но вынуждать не стану. Если у тебя не хватает духа, то давай сразу же выйдем отсюда, я тоже не ожидала такое увидеть, – подавленно ответила Элен.

Ларри на секунду задумался.

– Делай, что надо, только скорее, мне не терпится уйти!

– Мне тоже, – ответила Элен, поспешно выключая свет, и трупы тут же засветились, хотя гораздо меньше, чем несколькими часами раньше.

– Видел? – спросила Элен у Ларри, возвращая рубильник на щитке в прежнее положение.

– Видел, естественно... и что это?

– Я надеялась, что это ты мне скажешь. Ясно, что это не радиация, речь идет о порошке, очень тонком и липком. Его-то и надо проанализировать, – ответила она, вытаскивая из кармана пластмассовый конверт и ножницы. – Простите меня за то, что делаю с вами, – прошептала она едва слышным голосом, подошла к телам, отстригла от того и от другого по пряди волос и дрожащими руками положила их в конверт, после чего подала конверт химику. – Примись за дело немедленно, свечение и так уже намного слабее, чем сегодня утром, и я боюсь, что оно вот-вот совсем прекратится, – сказала Элен. Ларри стоял и растерянно покусывал губы, он не представлял, что из этого может выйти.

– Тогда я побежал домой, там сразу засяду за работу, – ответил он, проверил, плотно ли застегнута молния на кожаной сумке, и зашагал к выходу.

– Ларри, – окликнула его Элен, выходя из помещения морга и притворяя за собой дверь.

– Что? – ответил он чуть раздосадованным тоном, подразумевая: «Ну чего тебе еще?»

– Спасибо.

Вернувшись в кабинет, Элен набрала номер Стивенсона.

– Немедленно лети сюда, – сказала она, даже не поприветствовав, как только он поднял трубку.

– И не подумаю, я сегодня уже столько миль наездил, что меня в акционеры «Шелл» примут... что там стряслось? – ответил он.

– Я... не знаю, как тебе сказать, боюсь, что ты меня за полоумную примешь!

– После сцены, которую ты мне устроила в кабинете сегодня утром, опасаться тебе уже нечего. Ну, выкладывай, у меня дела, я не собираюсь у телефона весь день сидеть, – известил он Элен.

– Ну хорошо... вот скажи, есть ли логическое объяснение факту, что сегодняшние два трупа уже превращаются в мумии? – спросила тогда в лоб Элен.

Летели секунды, судмедэксперт молчал, и Элен подумала, что он опять готовится выдать одну из своих обычных идиотских шуточек.

– Конечно есть! – бойко отозвался на том конце провода судмедэксперт, Элен пришла в замешательство.

– ...в самом деле? – неуверенно спросила она.

– Я в этом уверен, более того, стопроцентно уверен... это объясняется тем, что мы снимаемся в энной серии «Секретных материалов», – привычно сыронизировал он, Элен раздраженно скривилась. «Так я и знала!» – подумала она.

– Я серьезно говорю, – произнесла шериф, тоном голоса, приглашавшим его бросить шутки.

– Шутим мы или нет, не важно, я сейчас не могу приехать и, честно говоря, у меня нет никакого желания трястись в машине три часа туда и обратно только, чтобы сбегать поглядеть на мумии. Обещаю, что подъеду послезавтра утром, когда получим и результаты токсикологического анализа отобранных образцов.

– Послезавтра? Да это же вечность!

– Я знаю, но я не только твоим делом занимаюсь... мне правда очень жаль, – ответил он. Элен подумала, что через два дня, если так пойдет, от трупов только пыль останется. С другой стороны, даже если судмедэксперт приедет и установит, что действительно идет процесс превращения в мумии, без лабораторного заключения и без результатов анализа от Ларри она все равно не знает, куда руки приложить.

– Ну ладно, жду тебя послезавтра. Только постарайся не оставлять меня в дураках, тут у меня и так хоть головой об стенку бейся.

– Не сомневайся, я тоже умираю от любопытства, – обнадежил он как всегда отнюдь не обнадеживающим тоном.

– Мама приехала! – счастливо воскликнул Гарри, услышав шум приближавшейся машины Евы. Он мигом выскочил из дома, ему не терпелось обнять мать и показать ей новые очки и макет. А еще он хотел помириться с Тоби и поиграть с ним. Джеймс вышел на крыльцо, Гарри подбежал к Еве и бросился ей в объятия, потом заглянул в машину, его обожаемого пса в машине не было.

– Мама, а где Тоби? – спросил Гарри, высвобождаясь из объятий Евы, она положила руки ему на плечи и посмотрела прямо в глаза, готовясь сообщить плохую весть. – Милый мой, с Тоби случилось непоправимое...

– Где Тоби? Я хочу Тоби! Где мой Тоби? – принялся выкрикивать Гарри, выхаживая вокруг «Вояджера» Евы и выписывая круги, она поймала Гарри, ухватив его за плечо, и снова опустила ладони ему на плечи. – Гарри, родной, не переживай так, – прошептала она Гарри на ухо.

– Что ты с ним сделала? Он меня не специально укусил, он меня не специально укусил! Зачем ты ему больно сделала, он меня не специально укусил!

– Родимый мой, я ничего ему не сделала! Мы вышли из амбулатории, и он побежал через дорогу за кошкой, а машине не удалось остановиться вовремя... и она его сбила, – объяснила Ева, но Гарри несогласно тряхнул головой, крепясь, чтобы не расплакаться.

– Я тебе не верю! – прокричал он, сжав кулаки.

– Гарри... сокровище мое... – пыталась успокоить его Ева.

– Не трогай меня! – крикнул Гарри, вбежал в дом и закрылся у себя в комнате. Ева и Джеймс поднялись по лестнице следом за ним и простояли перед дверью добрых минут десять, они звали его, но Гарри не вышел.

– Он может и два дня взаперти просидеть, пойдем лучше на кухню, – предложила Ева Джеймсу. Она сошла на кухню и принялась орудовать с микроволновой печью, разогревая

ужин. Джеймс постоял у перил еще сколько-то, скрестив руки и не сводя глаз с двери комнаты Гарри, потом решил тоже спуститься вниз.

– Что случилось с Тоби? – спросил он у Евы, помогая ей накрывать на стол.

– Я уже сказала, он выбежал на дорогу и попал под машину, водитель не смог затормозить вовремя. К счастью, не было других проезжих машин, а то боюсь, что попал бы в аварию кто-нибудь еще.

– Только этого нам не хватало, – ответил Джеймс. – Стыдно говорить, а надо признаться, что после вчерашней выходки собаки, я чувствую почти облегчение, авария избавила нас от проблемы, – добавил Джеймс, совестясь самого себя за такие гнусные слова.

– Да, – согласилась Ева, нарезаая помидоры.

– Только тебе надо было привезти его домой, Гарри похоронил бы его здесь у нас в саду, не подумала?

– Конечно, подумала, но, если бы я его привезла, Гарри захотел бы посмотреть на него, а лучше не надо... бедную собаку разорвало на куски, – ответила Ева, не оборачиваясь. – Заняться псом вызвался... – добавила она, но не договорила, так как не желала снова поднимать перебранку.

– Я сам угадаю... Доктор Паркер, точно? – все же изрек Джеймс полемично.

– Именно он, – откликнулась Ева, не отвечая на провокацию, она поставила на стол поднос с куриными битками и жареной картошкой. Разложила еду по тарелкам и накрыла тарелку Гарри еще одной, перевернув ее вверх дном, потом уселась за стол и принялась за еду. Джеймс утопил картошку в кетчупе, но не съел ее, он сидел и поигрывал вилкой, задумчиво гоня биток по тарелке, и ничего не брал в рот.

– Не будешь есть?

– У нас дома сегодня произошло много неясного? – сообщил он.

– Например?

Джеймс рассказал о вертолете и о приступе Гарри, о кровотечении у него из носа и о туманных передвижениях в лесу, об игле, от которой он потерял сознание, и наконец о биоэнерготерапии, проведенной его сыном, Ева слушала и время от времени бросала на него скептические взгляды.

– Не веришь? Смотри, у меня шрам остался, – сказал Джеймс, поворачивая голову и показывая ей затылок.

– Мне твоя отравленная игла кажется укусом насекомого, вон и жало виднеется, – преуменьшила Ева. – Подожди, я его вытащу, не шевелись... вот и все, – сказала она. Джеймс простонал от щипка и посмотрел на Еву, не зная радоваться ему или возражать, так как весь его замок из гипотез мгновенно рассыпался на кусочки. Никто не влезал к ним в дом, чтобы украсть Гарри, никто не стрелял в него усыпляющей иглой.

– Ты все еще не успокоился из-за того, что стряслось с Гарри вчера, – покладисто подсказала Ева.

– Да? А о том, как повел себя Гарри что скажешь?

– А что в том странного? – попыталась не придавать значения Ева.

– Что странного? У меня было ощущение, что в комнате он был не один, будто он разговаривал с кем-то. Ты же знаешь, что он никогда не открывает окно из-за боязни пауков, а оно было полностью распахнуто. К тому же, головная боль у меня...

– Самовнушение, – изрекла Ева и вдруг посмотрела на него с такой нежностью, какой давно уже между ними не было, она слегка покачала головой, положила вилку на стол и погладила его по тыльной стороне руки. От ее жеста и взгляда Джеймс почувствовал себя не в своей тарелке, но все же ответил ей ласковым взором. Хотя все чаще ему казалось, что между ним и Евой пролегла целая Китайская стена, Еве хватало совсем немногого, чтобы подействовать на него. Джеймс заметил, что она собирается заговорить и приготовился слушать.

– Из-за вчерашней передряги нам всем досталось гораздо больше, чем нам самим кажется.

– Ты хочешь сказать, что я бред несу?

– Нет, я всего лишь хочу сказать, что нам, скорее всего, надо немножко отключиться. Попробуем съездить куда-нибудь в выходные, может сумеем поскорее забыть о случившемся.

Джеймс удивленно взглянул на Еву, все проведенные с ним годы она всегда противилась всяческим вылазкам за пределы маленького городка, и даже, когда они что-то планировали, непременно в последний момент возникало что-нибудь непредвиденное, и им приходилось отказаться от поездки. Весьма нередко непредвиденное было связано с работой или лично с доктором Паркером. Эти факты вместе с другими мелочами даже навели Джеймса на мысль, что Ева прячется от кого-то в их захолустном городке и даже не ездит в отпуск по какой-то особой причине.

– Я вовсе не собираюсь забывать, я хочу понять, – уточнил Джеймс в присутствии его духе, и выражение его лица мгновенно изменилось. – Хочу понять, отчего наш сын кажется другим, и, если понадобится, хочу, чтобы кто-нибудь его осмотрел.

– Ах, вот как? И кто его будет осматривать, заклинатель? – едко ответила жена, ее сарказм вмиг разрушил установившуюся было между ними – по впечатлению Джеймса – идиллию.

– Ешь, у остывшей картошки противный вкус, – добавила Ева, положив конец разговору, Джеймс огорченно задержал на ней взгляд, потом поддел на вилку биток и положил в рот.

Ровно в девятнадцать ноль ноль Элен отправилась в кабинет для совещаний, где ее ждала их небольшая команда, пришло время подводить итоги за день.

– Ну, кто хочет начать? – демократично спросила она, останавливаясь за ораторской тумбой, рядовая Джонс подняла руку первой.

– Кларетта как всегда самая расторопная, – съязвил по привычке Бенелли, вызвав улыбочки у коллег.

– Если бы у тебя дома не женошка готовила ужин, а тебе самому надо было бы бежать домой к трем детям, ты бы тоже поторопился, – отпарировала Кларетта, смерив его взглядом.

– Так, послушаем, что у тебя, – вмещалась Элен. – Заметил кто-нибудь из горожан незнакомцев в окрестностях в эти дни?

– Никто никого не видел, – ответила Кларетта.

– Так я и знала. Наверное, они приехали той же ночью неизвестно откуда и направлялись неизвестно куда... – отметила Элен. Потом обратилась к Бенелли. – Марио, какие новости после повторного осмотра места происшествия?

– Никаких. Я снова прочесал всю местность, три часа там пробыл, но не обнаружил ничего интересного.

– Наверняка уже завтра туда набегит толпа любопытных, а я хочу, чтобы там ни одна нога не ступила, ты хорошенько огради периметр?

– Да, шеф.

– Что-нибудь еще? – спросила Элен, он мотнул головой, и она перевела взгляд на Джо.

– На каком этапе поиск информации?

– До конца как до Луны пешком, я нашел только один недавний случай, похожий на наш. Еще пара случаев на Аляске, но очень старые, а к тому же в Мэне пропало больше двадцати человек только за истекшие две недели, но, судя по опознавательным снимкам, о пропаже наших «гостей» никто не заявлял, – ответил великан Джо. Несмотря на сложности, Элен приободрилась, потому что, если бы в этот момент кто-нибудь пришел требовать объяснений, она не знала бы что сказать, а так у них было хоть немного времени на расследование.

– О звонившем кто-нибудь что-нибудь разузнал? – обратилась она к сидящим, хватаясь за тоненькую соломинку надежды, но все отрицательно помотали головами.

Наступил черед Дауэра.

– В автоинспекции мне ничего заслуживающего внимания не сообщили, когда сотрудник запросил терминал, тот ответил, что не существует никакого «Кадиллака» с таким номером кузова. Старина Боб разбирает машину по деталям, но считает, что, по его мнению, повреждений нет, машина просто не хочет заводиться.

– Час от часу не легче... выходит, что два привидения водили машину-привидение... что ж, так я и предполагала, – произнесла Элен.

– Я только хотела бы знать, почему звонивший не назвал свое имя, – подавленно сказала Кларетта.

– Есть две причины: или тот, кто позвонил и сообщил о трупах в какой-то мере причастен к убийству, или просто не хочет осложнений. К примеру, если бы он представился, ему первым делом пришлось бы объяснять, что он делал в лесу в такой поздний час, – растолковала Элен. – Ну что, отдохайте, завтра для всех будет трудный день. Нам, чтобы докопаться до истины, придется землю носом рыть, – заключила Элен и отпустила личный состав, все начали подниматься со стульев.

– Элен, Элен, – с криком влетела в зал Синди. Ноги у нее подкосились, и она ухватилась за дверную ручку, чтобы не упасть.

– Что такого стряслось, что ты готова себе шею сломать? – спросила Элен.

– Я боялась, что вы уже все ушли, – оправдалась Синди с трудом вновь обретая равновесие, Бенелли неприятно расхохотался над ее неуклюжестью.

– Звонит тот тип из авторемонта, говорит, что ему надо показать вам что-то абсолютно невероятное, – объяснила Синди.

– Что он имеет в виду?

– Он говорит, что дело совершенно срочное, но по телефону не хочет говорить, что именно.

– А ты что ему сказала?

– Оставаться на линии.

Элен окинула подчиненных взглядом, большинство присутствующих смотрело на нее как ученики на учителя, который, несмотря на давно прозвеневший звонок о конце урока, упрямо не отпускает класс и продолжает бубнить новый материал. После такого тяжелого дня все, естественно, хотели пойти домой к семьям, и у Элен не хватило духа распорядиться, чтобы кто-нибудь из подчиненных поехал за шестьдесят миль проверять, в чем дело.

– Скажи ему, что подъедем завтра утром.

– Но шеф, механик говорит, что...

– Я прекрасно слышала, что он говорит! Если тебе так хочется, езжай сама сегодня вечером.

– Поняла, – ответила Синди, повернулась и ушла на коммутатор.

– Идите по домам, пока я не передумала, – приказала Элен коллегам, те облегченно вздохнули и начали выходить из кабинета.

– Ах да, вот еще что, – проговорил Бенелли.

– Что?

– Госпожа Марфи десяток раз звонила, она нас сегодня ждала по тому делу о замере пограничных пределов. Я ей пообещал, что перезвоню, что ей сказать?

– Что мы теперь заняты, у нас важное расследование, и времени на ерунду с пограничными пределами нет, – ответила Элен, возведя глаза к небу. Она проводила всех до двери участка и заперла дверь на замок.

Оставшись одна, Элен обошла кабинеты, проверила двери и окна, потом спустилась на первый этаж и прошла в вахтенное помещение, там она вытащила из каморки раскладушку и, наконец, отправилась в туалет готовиться к еще одной бессонной по ее расчетам ночи. Элен почистила зубы и сняла с лица тончайший слой косметики и туши, которой сегодня утром она

подвела глаза. Не то, чтобы она любила краситься, но после нескольких ночей, проведенных без сна, женщина в ней взяла верх над шерифом, как у любой уважающей себя женщины у нее возникло желание скрыть круги под глазами, показавшиеся ей огромными как Большой каньон. Элен глянула на мизинец, и ей показалось, что он чешется чуть меньше, но, с другой стороны, заражение уже перешло с верхней костяшки на среднюю, и там тоже кожа начала шелушиться. Элен решила заскочить, как только сможет, к доктору Паркеру и показать ему палец, потом стащила через голову форменную рубашку, чтобы более-менее сполоснуть плечи и грудь. Вместо предписанных полицейскому брюк и рубашки ей очень хотелось надеть мягкую ночную сорочку, но ночнушка была ни ко времени и ни к месту. «Ничего, если удастся поспать часиков так шесть, даже в обмундировании, мне уже будет достаточно», – подумала Элен, пожав плечами, потом она причесалась и устало дотащилась до раскладушки. Как-то раз все работники полицейского участка сложились и купили маленький телевизор, составлявший отличнейшую компанию долгими одинокими ночами дежурства. Элен включила его и установила на автоматическое выключение через двадцать минут, надеясь, что к тому времени она уже будет спать. Как только она вытянулась на раскладушке и накрыла нос краем одеяла, телефон зазвонил, у Элен замерло сердце, она вспомнила, что забыла поставить беспроводной телефон рядом с раскладушкой, выбранилась, отбросила одеяло, вскочила и пошла брать трубку.

– Это Ларри, вот я и надеялся застать тебя на работе.

– Тебе повезло, сегодня ночью мой черед сидеть на вахте... – отозвалась Элен с некоторой долей иронии.

– Присядь куда-нибудь, я сейчас тебе такое расскажу, что не поверишь, – сказал Ларри, в голосе его слышалось возбуждение.

– От чего эйфория? – спросила Элен, снова усаживаясь на раскладушку. Ей казалось, что после такого сумасшедшего дня невероятных вестей, которые мог принести Ларри, осталось отнюдь не много, но все же разум ее приготовился к худшему.

– Готова?

– Выкладывай.

– Твой голубенький порошок состоит большей частью из силикатов, углерода, графита и твердого гелия, как связующего вещества. Когда состав вошел в атмосферу Земли в форме сухого льда, ультрафиолетовое излучение воздействовало на молекулы и превратило их...

– Прости, что перебиваю, а ты не мог бы попроще объяснить? Я не особо поняла, что за этими пышными словами кроется, – сказала Элен, не беспокоясь, что остудит его энтузиазм.

– Космическая пыль, – выдохнул Ларри.

– Какая пыль?

– Космическая! Этот порошок – пыль из космоса.

– Ты совершенно уверен?

– Я это сразу заподозрил, я вспомнил, что читал об этом в научных статьях, которые опубликовала одна лаборатория из Пасадены, она с НАСА связана. В общем, я проверил специальными реагентами и сделал пару звонков, и ответ кажется вот такой.

– ...кажется?

– На девяносто девять и девять десятых! Эта пыль очень похожа на ту, что находят в местах падения метеоритов.

– То есть она из космоса прилетела?

– Из дальнего космоса к тому же.

– И, по-твоему, именно эта пыль и превратила тела в мумии?

– Я прикинул на глаз, и думаю, что, по всей вероятности, так и есть, в ее состав входят также высоко коррозионные вещества, – ответил Ларри. Элен вспомнила, как она пыталась соскоблить пальцем порошок с велосипеда Гарри, и припомнила острейшую боль, когда порошок попал в ранку на подушечке пальца. «Господи», – подумала она, испугавшись, что с ней

произойдет то же, что и с телами, потом решила, что быть того не может. Ларри скорее всего ошибся.

– А как она залетела сюда, эта пыль из дальнего космоса?

– Честно говоря, я пока понятия не имею, – признался Ларри, он раз мечтался о бог знает каком громком расследовании и вообразил, как свалится ему на голову неожиданная слава, которая может стать настоящей везухой при его ремесле. – Ты-то что думаешь?

– Что только этого не доставало! – ответила Элен, охлаждая его энтузиазм.

– А-а-а... – разочарованно протянул он.

– Пойми правильно, мы конечно же будем вести расследование до конца, и ты будешь в команде, потому что заслужил и потому что я у тебя в долгу, – заверила его Элен. – Только сейчас я с ног валюсь, я две ночи глаз не смыкала, а сегодня за день мы и вправду всего насмотрелись, мне совершенно необходимо выспаться, – добавила она.

– Понятно... – расстроено буркнул Ларри.

– Я перезвоню тебе, как только смогу, ладно? – предложила Элен, осознав, что ответила невежливо. – Сообщи новости, и мне, само собой, понадобится твоя консультация, – добавила она, чтобы хоть как-то вознаградить Ларри за старание.

– Ну, как знаешь, возлюбленный шериф, – ответил Ларри, в тоне его послышалось недовольство.

– Ну все, спокойной ночи, – произнесла Элен.

«Космическая пыль... – повторила она, разглядывая небо через полуоткрытые рейки жалюзей, потом взглянула на палец и вновь подумала о мумиях и о велосипеде Гарри. – Надо предупредить Джеймса, если Гарри прикасается к этой пыли, он в серьезной опасности». Элен взяла трубку, собираясь позвонить, но решила, что уже поздно, и ее звонок в этот час только прибавит Джеймсу забот. К тому же, он провел с сыном целый день, и, если бы Гарри повел себя странно, он безусловно заметил бы. Элен положила трубку и включила настольную лампу, чтобы хорошенько рассмотреть палец и проверить, докуда дошла инфекция за минувшие сутки. «Надо позвонить врачу, пусть он мне что-нибудь выпишет, – обеспокоенно подумала она, вновь поднимая трубку. – А что я ему скажу, что у меня аллергия на космическую пыль?» – возразила она самой себе, помотала головой и снова положила трубку. «Космическая пыль, бессмыслица какая-то. К тому же, я начала разговаривать сама с собой, прямо голова кругом идет», – заключила Элен и устало бросилась на раскладушку. Она легла и погрузилась в размышления, в ту же минуту у нее возникла абсолютная уверенность, что она и третью ночь не уснет.

Ева и Джеймс молча поужинали и уселись на диван перед телевизором, но передач они, по сути, не смотрели, оба они размышляли каждый о своем, дожидаясь, когда Гарри наконец объявится в кухне. Гарри объявился часа через два с гаком, но вопреки ожиданиям родителей прошел мимо, не уделив им ни малейшего внимания, он, не останавливаясь, проследовал на кухню, там он положил что-то себе в тарелку и перекусил, с грохотом бросил тарелку в раковину, как он обычно делал, когда был зол, после чего прошагал в обратном направлении и вернулся в свою комнату, это означало, что Гарри все еще злится на мать из-за гибели собаки. Тогда Ева решила, что вечер закончился, она отправилась на кухню и сложила грязные тарелки в посудомоечную машину, после чего тоже поднялась на второй этаж. Джеймс попереключал каналы, пытаясь наткнуться на что-нибудь интересное, но несколько минут спустя выключил телевизор и также поднялся наверх. В последнее время по графику сна он здорово запаздывал, Джеймс решил, что поспать подольше, чем обычно, пойдет ему только на пользу. Хорошенько пораскинув мозгами, Джеймс заключил, что сидеть дома и завтра нет никакого проку ни ему, ни сыну, он решил, что завтра отвезет Гарри в лагерь бойскаутов, а сам пойдет на работу, и, таким образом, попытается вернуть течение жизни в привычное русло. Когда Ева вышла из ванной, Джеймс уже начинал храпеть, она легла подле него, и он почувствовал, что Ева пере-

двигается на его половину кровати, Джеймс по привычке отодвинулся к своему краю во избежание недоразумений. Но она снова придвинулась к нему, и он ощутил прикосновение ее на редкость разгоряченного тела, Джеймс положил руку, чтобы отгородиться от нее, но Ева ухватила его руку и приложила ее к своей обнаженной груди. Джеймс удивленно приподнял голову, Ева повернула его и притянула к себе. Половой акт свершился мимолетно и безмолвно, все также в темноте, без поцелуев, без ласк, без единого слова, едва до десяти сосчитать. После чего Ева сразу же уснула, а Джеймс лежал и думал, что в последние дни происходит много странного. Сначала она предложила ему поехать отдыхать, потом они занялись любовью, может это преддверье нового начала. Но Джеймс не осмеливался окончательно поверить в это и, продолжая размышлять, он начал отдавать себе отчет, что в настоящий момент он даже не знает, хочет ли он и в самом деле сближения с женой.

В ожидании предстоящей неприятной встречи президент решил сыграть шахматную партию с компьютером, и, начав игру, постепенно погрузился в свой отрешенный ворох мыслей. «Бенджамин Хоуп... порой жизнь воистину играет людскими именами. Как может человек, так похожий на стервятника и с таким мертвенным цветом лица, носить такое имя? Не считая, что в те несколько раз, когда он записывался ко мне на прием, он приносил только скверные вести... как этот тип, похожий на могильщика, может зваться Любомиром Надеждиным?» – думал президент, когда внезапный писк переговорника заставил его вздрогнуть. Он взглянул на часы на панели задач компьютера и обреченно фыркнул, наступил час наводящего трепет приема.

– Ожидаемые лица подошли, – сообщила ему секретарша по переговорнику.

– Спасибо, Элизабет. Будьте добры, попросите их подождать в приемной, я приму их через пару минут.

– Как скажете, господин президент.

Президент сохранил партию и закрыл все программы, убрал бумаги со стола и демонстративно положил на стол два внушительных тома, чтобы произвести солидное впечатление. Он поправил рубашку и направился встречать прибывших. Сделав несколько шагов, отделявших его от двери, он задержался около флага Соединенных Штатов, стоявшем между филодендроном и пахирой, и рассеянно глянул на него. Как в мимолетном фильме он вспомнил весь свой путь, приведший его сюда из дальней дали, и на миг президент подумал, воистину стоило ли тратить силы и многим жертвовать, чтобы стоять в унынии именно перед этим флагом именно в этот момент. Он осознавал, что откладывая встречу только умножит его пытки, встряхнулся и пошел открывать дверь.

Элен лежала на железном столе, и два голоса в ее подсознании повторяли, что бояться ей нечего. Она не помнила, как она здесь оказалась, она знала лишь, что прикосновение обнаженной кожи к холодному железу было ужасающим и ей хотелось убежать, но тело не реагировало на ее команды, она чувствовала себя как кусок железа, положенный на магнит. Она открыла глаза и попыталась оглядеть помещение, но от увиденного она пожалела, что подняла веки. Она лежала в лаборатории, с потолка рядом с лампой настолько мощной, что слепила глаза, свисали странные механизмы, какие-то железные щупальца угрожающе тянулись к ней. На верхней полочке медицинской тележки слева от нее, сверкающие хирургический инструменты были разложены от меньшего к большему, а чуть позади на полках железного шкафа выстроился набор стеклянных банок с человеческими эмбрионами, погруженными в жидкость. Элен вдруг подумала, что она совсем пропала, и испытала незнакомое ранее ощущение ужаса от полного бессилия. Один из безмолвных людей в белом халате взял инструмент и протянул руку к ее животу, непрерывно приказывая ей лежать спокойно. Она почувствовала будто что-то защекотало ее, и когда она догадалась, что с ней собираются сделать, вновь попыталась шевельнуться, но не смогла, все происходило словно в беззвучном тумане, и она чувствовала себя бессильной, она могла только плакать. Она закрыла глаза, чтобы не видеть, как ее будут

пытать, и попробовала собраться с силами, попыталась закричать, заметаться как можно сильнее, собственный крик разбудил ее, и она упала с раскладушки. Почти не коснувшись пола, Элен вскочила, включила свет и бросилась в туалет, почувствовав, что чуть не обмочилась от испуга. Выходя из туалета, она остановилась перед висящим над раковиной зеркалом и дрожащими руками ополоснула лицо, не переставая оглядываться от страха. Хоть и пробудилась она несколько минут назад, ужасающие ощущения словно пристали к ней как вторая кожа, словно это не плоды ее усталого разума, а воспоминания о каком-то событии, пережитом ею в действительности. Да нет же, повторяла она себе, это всего лишь проклятый кошмар, который повторяется из ночи в ночь. Она знала, что в этом сне был и Гарри, она его не видела, но была уверена, что он где-то рядом. Вдруг Элен вспомнила, когда она в самом деле чувствовала что-то похожее на неприятную щекотку внизу живота: кошмарный сон вызвал в ее мозгу воспоминание, когда однажды много лет назад, ей показалось, что она беременна. Несколько дней она ласкала мечту стать мамой, пока доктор Паркер во время третьего осмотра не сообщил ей, что в ее чреве нет никакого оплодотворенного зародыша, и классифицировал ее состояние как банальную ложную беременность, грубо вырвав с корнем расцветавшие в ней чувства. Элен расплакалась; успокоившись, она уселась за стол и взяла лист бумаги и ручку, намереваясь сосредоточиться на рациональных вещах. Она вновь задумалась о словах Ларри и судмедэксперта, набрасывая каракулями заметки для себя, и чем больше она думала о вчерашних событиях, тем яснее ей становилось, что химик должно быть вчистую ошибся. Серьезнее всего было то, что вероятно в городе скрывается, по крайней мере, один убийца, и наверняка речь идет о звонившем анониме. Лица горожан проплыли у нее перед глазами вереницей одно за другим, она безуспешно попыталась представить каждого из них в роли убийцы-маньяка. Она была уверена, что никто из них не побежал бы в лес среди ночи убивать любовную пару в интимный момент, но, если это сделал кто-то из них, как ему удалось не оставить следов? Работенка достойна профессионала, а вовсе не сборщика свеклы или рыболова. И еще, от чего трупы преждевременно превращаются в мумии? Может камеры в морге плохо работают? И что это за светящийся порошок? А палец? Что творится с пальцем? Элен взглянула на часы и уныло отметила, что только что потянулся всего лишь второй час, она решила, что ей срочно надо заняться чем-нибудь конкретным, а то к утру ее коллеги обнаружат, что она полностью и окончательно рехнулась.

– Как вы конечно же знаете, доктор Бенджамин Хоуп координирует работу группы, которая довела до конца проект «Земля», поступивший от НАСА в Государственную академию наук во время предыдущего президентского мандата, – открыл свою речь начальник департамента государственной безопасности Джейсон Росс.

– Я хорошо знаю господина Хоупа, – ответил президент, протягивая ему руку. – В прошлые годы наши дороги не раз пересекались. Я рад снова встретить его, поскольку ценю как человека и как ученого, – соврал президент, пытаясь польстить Хоупу. Настырность Хоупа, с которой он добивался этого приема, убедила президента, что ученый пришел на встречу с горчайшей пилюлей в кармане, которую ему, президенту, придется проглотить, и он понадеялся, что, если немного умаслит Хоупа, ученый муж смягчится и хоть чуток подсластит ее перед подачей. Доктор Хоуп утвердительно кивнул, нарисовав на лице неопределенную улыбку, но безучастное выражение его глаз не изменилось ни на толику, так как в словах собеседника он четко уловил фальшь.

– Что до нас, то можно начинать, – объявил Бен Ковальский, заместитель Джейсона Росса.

– Позвольте хоть предложить вам выпить чего-нибудь освежающего, вам пришлось здорово попотеть, – предложил президент.

– Не обижайтесь, господин президент, но давайте не будем терять времени, мы знаем, что пятью минутами не обойдется. Мы все зверски устали, и чем скорее будет изложена суть

дела, тем раньше все мы пойдем спать, – ответил Росс, полагая, что выражает мысли всех присутствующих.

– Хорошо, тогда не будем терять времени, – согласился президент, указывая на кресла.

– Огненное кольцо – это пояс длиной в сорок тысяч километров, окружающий бассейн Тихого океана, формой оно напоминает подкову и отличается наличием бесконечного ряда океанских впадин и вулканических хребтов, вызывающих сильную нестабильность в районе из-за непрерывного перемещения тектонических плит, – приступил к обзору фактов доктор Хоуп. Он перевел дыхание и посмотрел президенту прямо в глаза, чтобы удостовериться, что тот слушает. Президент подумал, что, как он и предполагал, ученый пришел говорить о катастрофах, и на мгновение ему захотелось выставить Хоупа за дверь. Вместо этого, он кивком головы пригласил его продолжать.

– Приблизительно девяносто процентов сейсмической активности в мире наблюдается вдоль Огненного кольца, где кстати сосредоточено примерно семьдесят пять процентов вулканов всего земного шара. Именно в этом районе произошли самые разрушительные землетрясения и извержения вулканов за последние годы: цунами в 2012 году из-за крупного землетрясения в Индонезии с известными всем нам последствиями; землетрясение магнитудой в 8,8, поразившее Чили в 2010 году; затем фукусимское землетрясение. Мне кажется, что Земля пробуждается почти везде. В противоположном полушарии в то же самое время произошло крупное землетрясение, разрушившее Крайстчерч в Новой Зеландии. Плюс вулканы на Камчатке в России и в Индонезии, например, Мерапи, Кракатау и многие другие, деятельность которых с того момента становится все интенсивнее. Недавно извергались и Фуэго, и Сантьягуито в Гватемале... и прочие явления, все их перечислять нет смысла, – подчеркнул Хоуп, прерывая череду катаклизмов, которыми он сыпал, одни за другим, ученый заметил, что лицо президента приняло рассеянное выражение. Хоуп обернулся и взглянул на Росса и Ковальского, надеясь получить указания, продолжать ли ему, в кабинете он находился не больше десяти минут, а уже чувствовал себя весьма неловко.

– Продолжайте, будьте добры, не ночь же тут сидеть, – подстегнул его Росс, ученый повиновался.

– Вулканическая и сейсмическая активность на планете периодически усиливается, это совершенно нормально, но мы подозреваем, что всеобщие перемены климата вызваны не только активностью земных недр, хотя она и значительна, она не объясняет явных перемен, произошедших почти во всех точках земного шара, – продолжил Хоуп, но тотчас вновь прервался. Он говорил и говорил, а присутствующие молча слушали, не моргнув глазом, и смотрели на него так, что он почувствовал себя хуже незваного гостя.

– Продолжайте, не останавливайтесь на самом интересном, – поторопил президент. Хоуп не знал, действительно ли тот внимательно слушает, или просто иронизирует, но его не покидало ощущение, что на самом деле президент сочувствует ему, и не мог понять почему. – Хорошо, – снова заговорил Хоуп после того, как выпил стакан воды, скорее, чтобы потянуть время, чем от жажды. – Во-первых, мы открыли, что перемена климата происходит частично потому, что многие части планеты находятся не там, где они находились совсем недавно.

– Выразитесь яснее, – пригласил президент.

– Перемещение тектонических плит, небольшое смещение оси вращения Земли, вызванное явлениями, перечисленными выше, и наконец незначительное изменение земной орбиты из-за искажения гравитационных полей. В результате этих трех неощутимых перемен, как я только что сказал, многие части суши находятся не в том географическом положении, в котором они находились недавно. Это означает, что они склонны обладать иными климатическими условиями.

– Невероятно, – проговорил Ковальский. Росс молча кивнул.

– Я полагаю, что вы пришли ко мне на прием не только о климате говорить... – отозвался президент.

– Вот именно, – согласился Хоуп, – в нашем случае вопрос климата менее важен.

– Вы шутите? А какой же вопрос важен? – спросил Ковальский.

– Что мне действительно открыло глаза, так это внезапное и резкое уменьшение размеров мусорного пятна, которое мы случайно открыли в ходе исследований по истончению пласта вечной мерзлоты на Северном полюсе. Когда мы выехали на место в поисках объяснения, мы остолбенели, обширная поверхность плавающей пластмассы в тридцать метров высотой, простиравшаяся на тысячи квадратных километров, за несколько недель уменьшилась примерно на сорок процентов. Это явление вызвано сильным перегревом, заставившим остров свернуться вокруг собственной оси. Целые косяки рыб плавали на поверхности кверху брюхом, будто сварились, а во многих точках океана мы зарегистрировали температуры намного выше пятидесяти градусов. А пока мы прощупывали небо и море, выдвигая гипотезу за гипотезой, другие ученые сделали открытия, которые я назвал бы тревожными, – сказал Хоуп и, все также чувствуя себя не в своей тарелке, снова замолчал.

– ...что вы имеете в виду?

– Речь идет о солнечной активности.

– Объясните получше.

– На Солнце периоды активности чередуются, приблизительно каждые одиннадцать лет на поверхности нашей звезды наблюдается пик активности и на несколько недель он вызывает электромагнитные бури, которые обрушиваются прямо на нас. Вот это явление и ожидается в ближайшее время, после чего оно утихнет и вернется в норму.

– Мы уже знаем об этом много лет, – сказал президент, впервые прервав выкладки Бенджамина Хоупа, тот почти обрадовался, так как выпад отчасти снял впечатление, что он говорит со стенами. – Так было всегда, – продолжил президент, – не понимаю, о чем вы беспокоитесь. В худшем случае, то есть, если наша планета и вправду попадет под плазменный пузырь, порожденный Солнцем, в крайнем случае, у нас на несколько месяцев возникнут большие затруднения и погибнет много людей, но ничего непоправимого не случится. По крайней мере, это то, что установили ваши же исследования несколько лет назад.

– Я не хотел бы возражать вам, но с тех пор многое поменялось, – отпарировал Хоуп. – Сравнительный анализ, который мы провели с помощью спектрометра, выявил никак не ожидаемые и мало обнадеживающие вещи.

– То есть? – подстегнул его Ковальский, слегка побледнев; когда в голове у него начинало вертеться слишком много заумных слов, ему не удавалось следить за мыслью, и это нервировало его.

– Во время исследований, мы заметили глубокие разломы во многих точках поверхности Мохоровича, это не что иное как раны на земной коре, залегающие на огромной глубине, таким образом, мы наконец-то поняли из-за чего происходит сильное увеличение температуры в отдельных точках планеты. Природа солнечной радиации меняется. До недавнего времени спектр частоты излучения, доходившего до Земли, всегда держался в пределах от трех до десяти гигагерц, но в последнее время он снизился и несколько раз доходил до значений, очень близких к 2,45 гигагерц. Это значительно поспособствовало порождению явлений, которые недавно наблюдались в районе Огненного пояса. Кроме того, из прогнозов выходит, что излучения установятся стабильно примерно на указанных значениях.

– Все еще не понимаю, куда вы клоните, – признался президент.

– Практически в данный период Солнце постепенно превращается в огромный магнетрон, вроде того устройства, что ставится в микроволновые печи.

Президент вопросительно посмотрел на Росса и Ковальского, они отреагировали, поведя подбородками в знак того, что они тоже не много поняли.

– Разъясню лучше. Возьмем силиконовый шарик, наполним его водой и положим в микроволновую печь. Если мы...

– Теперь я понял, – снова прервал его президент. – С силиконом ничего не сделается, но жидкость внутри шарика закипит и из-за увеличения давления от нагрева взорвется и разорвет оболочку.

– Это произойдет, если на поверхности шарика не образуется трещин, через которые часть жидкости выльется, и внутреннее давление восстановится, – уточнил Хоуп.

– То есть, по вашей теории Солнце постепенно нагревает всю магму внутри планеты, которая скоро вскипит, и, если не создать определенных условий, есть опасность, что вся Земля взорвется, – высказал предположение президент и замолчал, ожидая подтверждения.

– Ваша теория очень заманчива, но мне кажется, что вы преувеличиваете, вероятность подобного исхода минимальна, – подумав, ответил Хоуп.

– Но тогда в чем проблема? Зачем мы тут сидим и спорим весь вечер, а не бежим домой укладывать в постель своих детей? – раздраженно спросил президент, у него было впечатление, что ученый потешается над ним за его спиной.

– Проблема заключается в цепи подводных супервулканов в районе Антарктиды, не говоря уже о разных кратерах, разбросанных по всей планете, – объяснил Хоуп.

– Каких именно?

– Их недавно открыла Британская антарктическая служба, это двенадцать вулканов, расположенных недалеко от Южных Сандвичевых островов, в двух шагах от Южного полюса. Высота некоторых из них превосходит три тысячи метров, и похоже, что они все еще активны.

– Не понимаю, какие проблемы они могут создать, они очень далеко от людской цивилизации, – возразил президент.

– Мы знаем, что трещины в мезосфере настолько велики, что из них могут вытекать самые настоящие подземные реки магмы, вы не представляете, что случится, если вся тепловая энергия, поглощаемая Огненным поясом, потечет в этом направлении и не будет рассеиваться по пути.

– Так скажите нам вы, – нетерпеливо отозвался президент, Хоуп обращался с ним как с неучем, и президенту это не нравилось.

– Пепел от извержения многочисленных вулканов данных размеров отравит море и затянет небо на долгие годы, это лишит нас всех средств существования и породит так называемую ядерную зиму на всей планете. К тому же, взрыв произойдет в идеальной точке выхода оси вращения Земли, его последствия будут непоправимыми. По самым пессимистичным предположениям, подобный взрыв может придать планете такой толчок, какой, по расчетам наших инженеров, можно сравнить с силой ракеты-носителя космического челнока...

– Хватит! – потерял терпение президент, он не желал воображать картины очередных катастроф. – То есть, вы говорите, что нам надо надеяться на дальнейшее увеличение сейсмической и вулканической деятельности, чтобы Земля, скажем так, «сбросила магму»? Надо надеяться, что вместо одной чудовищной катастрофы будет происходить много крупных стихийных бедствий?

Доктор Хоуп поднял брови, как бы говоря «решайте сами».

– Если я не ошибаюсь, вы сказали, что пик солнечной активности недалек? – спросил президент, вновь овладевая инициативой.

– Он наступит недели через две, максимум через три. Может раньше, – подтвердил ученый.

– Насколько вероятна возможность, что Солнце поведет себя как микроволновая печь, и наступит большой финал?

– Такая возможность, думаю, невелика, но я не могу утверждать точно, у нас нет подобных примеров, которые мы могли бы изучить. Прогнозировать не совсем научно, но если вы требуете рискнуть и назвать цифру, то я безусловно сказал бы пятьдесят на пятьдесят.

– И то, что есть возможность одна к двум, что человечество погибнет, это вам кажется немного? – недовольно заметил Росс. Ученый развел руками.

– Какое-нибудь оповещение будет? – спросил у него президент.

– Предзнаменование, самое большее за четыре-пять дней до конца. Внутреннее давление в магматических камерах увеличится экспоненциально, часть его энергии перейдет в астеносферу, и последствия будут крайне ощутимы. Землетрясения и извержения вулканов будут происходить непрерывно одно за другим, но процесс все же будет довольно медленным. Первое настоящее предупреждение поступит от больших водных бассейнов, вода начнет испаряться сначала из озер и рек, а затем из морей, с быстро нарастающей скоростью и интенсивностью. Когда испарения столкнутся с холодным воздухом в верхних слоях атмосферы, они обрушатся на землю в виде неистовых ураганов. После выпадения вода тотчас вновь начнет испаряться, и весь цикл будет повторяться с нарастающей силой. Живые существа при этом...

– Живые существа, вы сказали? – прервал его Росс, он не был уверен, что понял.

– Я так и сказал. Вот мы, например. Мы состоим из воды на семьдесят процентов, что, по-вашему, произойдет с нашими телами в данной ситуации?

– Вы хотите сказать, что мы взорвемся как тот шарик в микроволновой печи?

– Такая опасность есть. Я не сказал, что все так и будет, но если все будет происходить именно так, то не найдется на Земле ни одного безопасного места, где спрятаться, если вы это хотели знать.

– И что мы можем сделать? – спросил президент у Бенджамина Хоупа, в первый раз с того момента как нога ученого ступила в Белый дом в голосе президента послышалось нечто похожее на скромность. Ученый удивленно посмотрел на него, ему не верилось, что президент и вправду задал ему этот вопрос. Президент тотчас пожалел, что спросил. Доктор Хоуп добивался приема давно, утверждая, что собирается представить на рассмотрение жизненно важные вопросы, но президенту каждый раз удавалось отклонить встречу.

– Что можем сделать? – откликнулся доктор Хоуп, президент кивнул и приготовился позволить ему разбередить рану. Хоуп мог упрекнуть президента во многом, он мог, как минимум, напомнить ему о его поверхностном подходе к требованиям Хоупа, и о многочисленных отказах в приеме.

– Что до меня, то я сегодня вернусь домой и проведу вечер в семье, и сделаю все возможное, чтобы благодушно встретить Рождество, которое может стать последним, – спокойно ответил Хоуп, не вступая в полемику. Президент удивленно посмотрел на своих сотрудников, те пожали плечами, президент перевел испытующий взгляд на Хоупа, такого ответа он совсем не ожидал. Хоуп понимающе кивнул, он знал, что президент имел в виду, что можно попробовать сделать по какому-то конкретному вопросу, и на минуту задумался.

– Скрестим пальцы, кажется ясно... раз мы дотянули до сегодняшнего дня, что мы еще можем сделать! – заявил ученый, оторвавшись от раздумий; присутствующие потрясенно молчали.

– До свидания, – добавил он, после чего аристократическим жестом нацепил на голову шляпу и направился к выходу.

На часах высвечивалось три ночи, а Джеймсу все не удавалось заснуть. Он только было задремал, как внезапно приглушенный грохот дизельного мотора на малых оборотах вдали заставил его прислушаться. Джеймс выругался на шум и открыл глаза, если бы не мотор, он вот-вот заснул бы. Зевая, Джеймс встал и подошел к окну посмотреть кто это разезжает по полям глубокой ночью. Он долго всматривался в темноту через полуоткрытые жалюзи, но перед домом никого не было, в близлежащем лесу и на лугах не виднелось ни огонька, и Джеймс

подумал, что шум ему приснился. Раз уж он поднялся, он пошел взглянуть на Гарри; он открыл дверь и увидел, что Гарри сладко спит. Джеймс удовлетворенно улыбнулся и вернулся в постель, он мысленно приготовился уснуть и закрыл глаза, как вдруг ржавый скрип снова заставил его насторожиться. Джеймс лежал, напрягая слух, но других шумов он не услышал и подумал, что, наверное, это непрочные стены железного сарая закачались от ветра. «Когда-нибудь найду время и укреплю их», – подумал он и опять собрался заснуть, но в тот же миг ему снова послышалось скрипение. Ева пробурчала во сне что-то невнятное и перевернулась на другой бок, потянув на себя одеяло.

– Ты тоже слышала? – спросил ее Джеймс, включая лампу, но увидел, что уши у нее заткнуты пробками, и она крепко спит. Ему вновь послышался непривычный звук, и теперь стало ясно, что кто-то залез в сарай с садовым инвентарем, Джеймс вылез из-под одеяла, взял с комода фонарь, вытащил из ящика полуавтоматический пистолет и сбежал по лестнице. В прихожей он спешно надел берцы, натянул поверх пижамы толстовку и притаился за дверью кухни, откуда было легче незаметно наблюдать, что происходит во дворе. Он заметил слабый луч света, мелькавший в сарае, и решил выйти через заднюю дверь и обойти дом, прячась с внешней стороны изгороди вокруг двора, так ему удастся добежать до сарая незаметно. Он притаится у входа и схватит вора, кто бы то ни был, когда тот будет выходить, тогда у него пройдет желание шастать по чужим сараям. Джеймс пробежал тридцать метров, прижимаясь к изгороди, сердце у него колотилось от мыслей о странных вещах, случившихся за минувшие дни, он повторял себе, что следует быть крайне осторожным. Добежав до сарая, Джеймс припал к боковой стенке и замер в ожидании. Минуту спустя дверь открылась и из сарая вышла тень, Джеймс набросился на нее сзади, повалил на землю, заломил руки за спину, как когда арестовывал злоумышленников, и, не дав вору пошевелинуться, уселся на него верхом.

– Не шевелись, – прорычал он ему в ухо и занес руку, намереваясь ударить в плечо рукояткой пистолета, чтобы тот усвоил, кто тут командует. В такой ситуации вор от страха и бессилия, сразу расскажет, что он делал в сарае, не сопротивляясь и не выдумывая оправданий. Джеймс уже собирался треснуть вора в спину, но задержал руку, в голове его вдруг возникло подозрение: когда он наклонился над ухом вора, ему показалось, что он его знает. Джеймс почувствовал знакомый легкий аромат, вызвавший у Джеймса приятное ощущение, хотя запах пота почти совсем перекрывал его. Кроме того, поразмыслив, Джеймс отметил, что, когда он обхватил выходящего из сарая вора сзади, чтобы повалить его на землю, он коснулся чего-то мягкого, чего-то очень напоминавшего женскую грудь.

– Джеймс, да постой же, черт возьми! – испуганно прокричала Элен.

– Элен? Ты как тут очутилась? – сконфуженно спросил Джеймс, опуская занесенное над ней оружие.

– Ты меня отпустишь или нет? Мне больно!

Джеймс ослабил захват и слез со спины Элен, она поднялась, потирая болящие запястья, и хмуро посмотрела на него.

– Откуда я знал, что это ты? – начал он оправдываться. – Говори спасибо, что я узнал тебя в последний момент, а то не знаю, что бы с тобой сделал... в последнее время вокруг творятся странные дела.

– Это ты мне рассказываешь?

– А что, у тебя что приключилось?

– Быстрее будет рассказать, чего не приключилось.

– Начни с объяснения зачем ты забралась в мой сарай ночной порой, – спросил он снова.

– Гарри тебе еще ничего не рассказал о своем недолгом побеге.

– Не говори так, я еще не знаю, что случилось, но точно уверен, что речь идет не о побеге.

А почему спрашиваешь? Что такого важного в моем сыне, что ты прибежала сюда в ночи?

– Да ничего... скорее всего я начинаю впадать в паранойю и сейчас очень поздно... нам лучше поговорить завтра в кабинете, мне теперь надо вернуться на дежурство в участок, а тебе в постель к жене, – ответила Элен и собралась уходить.

– Постой! Ева спит с заткнутыми ушами и проспит еще часа четыре, а что до впадения в паранойю, так я себе то же самое повторяю со вчерашнего утра.

– Мне надо вернуться в участок, – повторила Элен, не совсем уверенно мотнув головой, она еще не решила, рассказывать ему или нет о двух трупах и об их вероятной связи с велосипедом Гарри. Элен все же понимала, что, если она не расскажет Джеймсу сейчас, все равно придется рассказать через несколько часов в кабинете.

– Не волнуйся, что там может приключиться в твоём участке? Там никогда ничего не случается.

– Уверен? Тогда послушай, что приключилось сегодня, – отозвалась Элен и все ему рассказала; закончив рассказ, она увидела, что Джеймс глядит на нее как на марсианку.

– То есть, ты говоришь, что здесь в лесу в машине почти на задворках моего дома лежали два трупа и что никто из горожан, которые шлялись по лесу в поисках Гарри, их не заметил? К тому же, если я правильно понял, по-твоему, есть вероятность, что эти трупы как-то связаны с недолгим исчезновением моего сына?

Элен убежденно кивнула.

– Вообще-то, ты, наверное, была права, когда сказала, что впадаешь в паранойю, – промолвил Джеймс, заметив следы усталости на ее лице.

– Тогда зайди, сам посмотри, – предложила Элен, открыла сарай и указала на велосипед.

– Уму непостижимо... надо все рассказать Еве, может на этот раз она признает, что я прав, – произнес Джеймс, глядя на светящийся руль велосипеда.

– Ничего ей не говори! – отрезала Элен настолько агрессивно, что ее реакция показалась Джеймсу преувеличенной.

– Да что такого? Почему я не могу сказать жене, что происходит?

– Не знаю, но думаю, что будет лучше, если пока мы ничего никому говорить не станем... считай, что это женское чутье, – сказала она в оправдание, отвечая на его недоумение. Джеймс вновь принялся рассматривать светящийся порошок, он нерешительно протянул руку, намереваясь потрогать его, но Элен резко остановила его, ухватив за запястье. Джеймс нахмурился, так как теперь Элен повела себя действительно странно, она ответила на его недобрый взгляд, вздохнув и размотав бинт на пальце, чтобы показать некроз.

– Вчера вечером я попыталась счистить порошок вот этим пальцем, – объяснила она.

– Черт возьми, тебе надо его врачу показать.

– Палец может подождать, у меня сейчас есть дела поважнее, – ответила Элен, пожав плечами.

– Я серьезно говорю, – настаивал Джеймс, с сомнением разглядывая палец, у Элен появилось впечатление, что Джеймс и вправду беспокоится за ее психическое равновесие.

– Хорошо, обещаю, что схожу к врачу, как только смогу, – успокоила его Элен. – А ты спрячь велосипед. Пусть пока Гарри не трогает его.

– И то верно, сейчас я уведу его в лес и там спрячу, а если Гарри его будет искать, скажу, что украли.

– Бедняга Гарри... сначала в лесу заблудился, потом велосипед... – проговорила Элен.

– ...и наконец Тоби, – присовокупил Джеймс.

– Что натворил пес на этот раз? – с любопытством спросила Элен, и наступила очередь Джеймса рассказывать, что у них приключилось.

– Все кажется таким нелепым... – произнесла Элен после рассказа Джеймса.

– Да уж... – отозвался он, надевая толстые садовые перчатки. Джеймс вывел велосипед и направился вверх по тропинке к лесу, Элен пошла за ним.

– Ну вот, тут его никто не найдет, будь уверена, – удовлетворенно сказал Джеймс, снимая перчатки и добавил, – поздно уже, пора идти спать.

– Да, думаю, ты совершенно прав, – согласилась Элен, но ни тот, ни другая не двинулись с места.

– Сколько времени мы тут проводили, лежали на траве и смотрели в небо... – прошептал Джеймс, поднимая голову и глядя на сверкавший звездами небосвод.

– И чего только мы не вытворяли. Помнишь как мы прятались три дня в том амбаре?

– Как не помнить, в наказание отец с матерью потом две недели меня из дома не выпускали! – припомнил Джеймс, они от души рассмеялись, потом вновь сконфуженно замолчали.

– Было время, когда я думала, что мы никогда не расстанемся, – призналась Элен.

– Я тоже так думал, даже думал бывало, что однажды женюсь на тебе, – ответил Джеймс, уставившись на свои ботинки.

– Да-а, но руки ни разу не попросил! – упрекнула его Элен, делая вид, что обиделась.

– Само собой, когда я в конце концов решился, ты начала встречаться с тем долговязым типом, – отозвался Джеймс.

– Да я только, чтобы ты стал ревновать, а ты тут же утешился с той кривлякой.

– Та кривляка теперь моя жена, и не отзывайся о ней так! – пошутил он, и они снова рассмеялись.

– Джеймс, что происходит? Здесь всегда было так тихо, жизнь текла так спокойно... – вдруг опять загрустила Элен.

– Видит бог, что я тоже хотел бы знать... – ответил он. Ветер повеял на него ароматом Элен, и сердце Джеймса сжалось от душевных мук. Он спросил себя, какой была бы его жизнь, если бы они в самом деле поженились, но тотчас подумал, что у него наверняка не было бы Гарри, и эта единственная уверенность заставила его немедленно прогнать свои мысли.

– Пойдем, глянем? – предложил он.

– На что?

– Не прикидывайся, что с неба свалилась, знаю, что ты о том же думаешь, – ответил Джеймс, указывая на вершину холма, Элен заколебалась.

– Мы только глянем, обещаю, а я воспользуюсь случаем и заберу удочку Гарри. Прямоком через лес мы за десять минут дойдем... к тому же у нас фонари и пистолеты с собой, чего нам бояться.

– Не знаю...

– Ну же, за километр видно, что ты тоже умираешь от любопытства, – настаивал Джеймс.

Доктор Хоуп вышел из кабинета, президент поставил локти на стол, уперся тыльной стороной руки в подбородок и безмолвно погрузился в раздумья. Время от времени он поглядывал на Росса и Ковальского, в которых тоже явно просматривалось беспокойство, будто в их глазах он ожидал найти ответ на свои сомнения. За горсть минут он спросил себя по крайней мере миллион раз, в самом ли деле возможно, что не сегодня завтра обрушится на мир такое стихийное бедствие, что вмиг сметет с лица Земли все человечество. Тот же пугающий вопрос много раз приходил в голову его сотрудникам, которые сидели и обменивались растерянными взглядами. Президент подумал также, обнародовать ли новость или держать в секрете; он был уверен, что Бенджамин будет молчать, так как он понимает, что оглашение такой новости только вызовет вселенскую панику с легко предсказуемыми отрицательными последствиями. Президент решил, что разглашать сведений не стоит, но и сидеть без дела в ожидании развития событий он не будет; он не привык сдаваться, он был уличным мальчишкой, вырос на задворках, и первое чему его научила жизнь, так это драться за осуществление своих желаний. Любых желаний.

– Немедленно разыщите профессора Гамильтона, он должен быть здесь завтра утром не позднее десяти, – вдруг приказал он сидевшим перед ним сотрудникам, встрепенувшись

от лихорадочных умственных трудов. Он знал, что, если доктор Хоуп не ошибся, профессор Гамильтон есть последняя надежда в попытке избежать катастрофы или хотя бы ограничить ее последствия.

– Вы уверены, господин президент? Насколько вы помните в последний раз при вашей встрече вам показалось, что он не совсем в своем уме, – нерешительно возразил Росс.

– А что, это дело вам кажется для нормальных людей? У нас не много времени и нет другого выбора, слышали, что сказал доктор Хоуп? – безапелляционно возразил президент. – И как можно быстрее отыщите мне доктора Авель Паркер, мне надо немедленно поговорить с ней хотя бы по телефону, – добавил он.

– Сейчас же возьмемся за дело, – поднимаясь, ответил Росс.

– Естественно, мне не надо напоминать вам, что этой встречи никогда не было, – сказал президент выходящим из кабинета подчиненным.

– Только одним глазком, – постановила Элен, когда они дошли до места.

– Только одним глазком, – согласился Джеймс, поднимая желтую ленту и пропуская Элен, они прошли на обнесенный лентой участок, оглядываясь налево и направо и наугад направляя свет фонарей, так как сами не знали, что ищут. Джеймс решил сразу же забрать удочку, он направился осмотреть место у речки, где его сын обычно забрасывал ее, и увидел, что удочка светится голубоватым светом. Джеймс надел перчатки, потащил за удочку и остолбенел, глядя на леску.

– Элен, иди посмотри! – минуту спустя громко позвал он.

– Ш-ш-ш! Хочешь, чтобы Хэнкоки услышали? – подходя, приструнила она его. – Черт побери, это что за гадость? – с отвращением спросила она, указывая на что-то свисавшее с лески.

– Понятия не имею, – ответил Джеймс. – Будто какой-то зверь попался на крючок, а второй побольше попытался его сожрать. Но непонятно что за зверь, они как деревянные.

– Они превратились в мумии, также как... – начала Элен, но договорить не успела, Джеймс ладонью накрыл ей рот, свободной рукой обхватил ее за талию и потащил за куст, Элен запнулась за корень и упала, ушибив плечо.

– Да в чем дело? – ругнула она его, потирая ушибленное место. – За последние полчаса ты уже второй раз пытаешься убить меня! – заявила Элен.

– Мы не одни, – прошептал Джеймс, прижимая ее за плечи к земле и не давая подняться.

– Быть не может, – ответила она.

– А я говорю, что тут кто-то есть, слышишь свист?

– Ничего я не слышу, – ответила Элен, высвобождаясь от его рук и намереваясь пойти проверить. – А к тому же, шериф я, и это не мне здесь не место! – уточнила она, выходя из-за куста.

– Да пригнись же, Элен, сделай милость, – увещевал Джеймс, потянув ее за рукав, но она рывком отдернула руку и вышла на поляну. В тот же момент Джеймс услышал гудение, доносившееся из густого колка, словно включили генератор, он инстинктивно отшвырнул удочку и бросился к Элен, повалив ее на траву и вырвав у нее сдавленный стон.

– Вот теперь ты мне просто надоел! – воскликнула Элен, и в то время, как она боролась с ним, стараясь высвободиться, обрушился на них град слепящих молний, сопровождаемых оглушающим свистом, оба в ужасе замерли и прижались к земле. Как только орудие прекратило стрельбу, они услышали шум шагов двух человек, те шли прямо на них, освещая поляну мощнейшими фонарями и наспех обшаривая кусты.

– Стой, кто идет. Стой, стрелять буду, – прокричала Элен, снова выскакивая из-за куста и выбросив вперед руку, сжимавшую пистолет, она прищурила глаза, пытаясь что-то или кого-то разглядеть. В ответ они вновь услышали гул включаемого генератора, Джеймс ухватил Элен и столкнул ее в реку, после чего бросился в воду сам и в плывь потащил ее за выступ скалы

на противоположном берегу речки. Новый град молний обрушился на то место, где они прятались, Элен попробовала высунуться из-за камня и хоть раз ответить на огонь, но Джеймс опять-таки потянул ее назад.

– Тебе обязательно надо, чтобы нас убили? – озлобленно прорычал он, Элен с досадой фыркнула и засунула свой «ЗИГ-Зауэр» в кобуру. Мощный луч света несколько раз прошелся по поверхности реки, выискивая их, и они приникли за выступом, сидя по горло в воде и почти не дыша. Сидели долго, когда из-за холода и нервного перенапряжения они уже собирались выйти и сдаться, луч наконец переместился в сторону колка, удалился и погас во тьме. Элен била дрожь, она решила вылезти из воды, но Джеймс удержал ее.

– Все нормально? – спросил он.

– Думаю, что я еще цела, – прошептала она, еще не оправившись от испуга. Джеймс обнял ее, пытаясь согреть, глаза их встретились, и он спросил себя как могут ее глаза сиять так лучисто даже в такую ужасную ночь. На отдавая себе отчета, он начал сравнивать Элен с Евой и признал, что то, что он ощущал, занимаясь любовью с женой, не входит ни в какое сравнение с тем, что он только что почувствовал, когда обнимал Элен. Он подумал, что такого с ним сделала Ева много лет назад, чтобы так соблазнить его. Джеймс прижал Элен к себе и погладил по волосам.

– Джеймс... пожалуйста, не... – откликнулась она, пытаясь выскользнуть из объятий; от его взгляда ей было неловко. Внезапно Джеймс заметил, какая Элен красивая, он подумал, что не примечал раньше только потому, что они росли вместе день за днем, и она все время мелькала у него перед глазами. Элен вновь попыталась отодвинуться, и Джеймс смущенно ослабил объятия. Элен успокоилась, но легкий ветерок снова пахнул на Джеймса ее ароматом, который до этой ночи он считал забытым навсегда. Этот аромат не имел ничего общего с запахом Евы, этот аромат мог затмить весь мир. Почти не осознавая, Джеймс притянул Элен к себе и поцеловал. На кратчайший миг Элен откликнулась на поцелуй, но тут же изо всех сил оттолкнула Джеймса.

– Да ты что сегодня, совсем спятил? – гневно крикнула она ему, вырвавшись из его рук. Поцелуй нервировал ее, поскольку она не могла решить, радоваться ей или возмущаться; но зато она без сомнения чувствовала себя виноватой и стыдилась будто украла.

– Если бы нас только что убили, я бы умер, не сделав единственного, что и вправду хотел сделать всю жизнь, – произнес Джеймс, разведя руками, Элен молча опустила голову, потом поплыла через речку, возвращаясь на обратный берег.

Льюк Мак-Дженьюэри неспешно ехал по семьдесят третьей дороге в направлении Рокленда и чертовски недоумевал, за последний год он изъездил Штаты вдоль и поперек и сомневался, что найдет то, что ищет в этом захолустном местечке на краю северо-восточной Америки. По его мнению, большая тайна обязательно требовала большого места действия, но ему казалось, что ничего грандиозного в этом городке нет. Искал он ответ на загадку слишком давно, он знал себя и понимал, что, если он еще раз даст маху, ему еще более невыносимо захочется бросить все. Но знал также, что из игры он не выйдет и тогда начнет ненавидеть себя за свое любопытство и проклятое чувство долга. В одно прекрасное утро примерно год назад, пожилой и очень состоятельный с виду мужчина предстал в его ветхой конторе частного сыщика и попросил разыскать молодую жену, пропавшую много лет назад. Поначалу Льюк подумал, что тот шутит и недоверчиво смерил посетителя взглядом, но, когда Льюк открыл рот для ответа, клиент не дал ему заговорить.

– Я знаю, что вы думаете, что я старый дурак и пришел надоедать вам своими барскими капризами, – опередил он, глядя Льюку прямо в глаза, Мак-Дженьюэри поджал рот и склонил набок голову.

– Моя жена ушла почти двадцать лет назад, – продолжил мужчина, – и, благодаря моему крупному состоянию, я искал ее годами по всему континенту и все безрезультатно. Она исчезла

внезапно, не оставила никаких следов и не украла у меня ни доллара. Единственное, что она унесла с собой, так это ценную книгу, которая была вывезена из дворца Потала в Лхасе, это, как вам известно, священный город в Тибете.

– О чем говорилось в книге, могу я спросить? – справился Мак-Дженьюэри с некоторым любопытством.

– Секретов тут нет, насколько я знаю, речь идет о собрании сказаний о древнейших цивилизациях. В ней говорилось о летательных аппаратах, пилотируемых лишь силой мысли, которые летали в небесах, да об исполинских сражениях с применением такого разрушительного оружия, что мы и сегодня представить не можем... между нами, я даже не понял, зачем она ее взяла, ведь книга написана на непонятном языке. Полагаю, что она утащила книгу только, чтобы насолить мне, знала, что я книгой очень дорожу... ну, неважно, вернемся к разговору о моей жене, времени прошло много, и может быть она уже умерла или прячется в каком-нибудь забытом богом уголке Земли, – сказал посетитель, и Льюк кивнул, подняв брови.

– При моих-то деньгах женщин у меня могло быть сколько хочу, молодых, красивых и готовых на все, – добавил он, и Льюк развел руками, сраженный такой прямоотой.

– Тогда зачем вы ко мне пришли? Думаете, что, если бы я умел чудеса творить, я сидел бы в этой конторе?

– Ваша контора значения не имеет, но о вас я знаю все, что надо знать.

– То есть?

– Например, что те разрешения, которые висят у вас за спиной, они... скажем... не совсем официальные, – ответил он, и Льюк замер на стуле. Он хотел спросить у мужчины: «А вы, извините, откуда узнали?», но тот опять не дал ему даже рта раскрыть. – У вас нет сентиментальных связей, и значит вы можете колесить по свету, сколько угодно, а что касается ваших профессиональных успехов, не будем о них упоминать, они не суть важны. Я знаю, что вы скептически, циничны, материалистичны и не верите в бога. А еще достаточно упрямы и решительны, типичный разряд людей, способных провести всю жизнь, занимаясь одним конкретным делом и не отступая ни на миллиметр, этакий бульдог, который, если схватит кость, не отпустит ее хоть убей.

Вторжение в личную жизнь разбередило Льюка, из ищейки он превращался в искомого. Кроме того, персональные суждения пришедшего глубоко задели его, поскольку оказались они крайне созвучными его характеру. Чтобы скрыть свое недовольство, Льюк решил закурить, он предложил сигарету сидевшему напротив посетителю, но тот жестом отказался.

– Почему вы думаете, что я займусь этим делом? – чуть погодя спросил Льюк.

– Причин куча.

– Например?

– Например, вон те, – ответил старик и указал на стопку неоплаченных счетов под пресс-папье, посетитель стал неприятен Льюку, он задевал все оголенные нервы один за другим.

– А больше всего, вот эти, – договорил мужчина, бросив веером ему под нос пачку листов бумаги и снимков, касавшихся его жены, которые он вытащил из портфеля: высокая блондинка очень необычного вида была заснята в разные моменты и в разных местах. Льюк долго, внимательно рассматривал снимки, от невероятности у него перехватило дыхание. Он тряхнул головой.

– Это что, шутка? – отозвался он с блуждающей на губах улыбкой. В ответ собеседник положил на стол Visa Platinum, незаполненный чек и визитную карточку с подчеркнутым на ней телефоном.

– Я вас не ограничиваю во времени, и вы не обязаны периодически отчитываться передо мной, более того, чем реже вы будете меня беспокоить, тем лучше, потому что при каждом звонке, я буду надеяться, что вы ее нашли. Сумма на карточке не ограничена, она вам на расходы, а чек – ваше вознаграждение, вам нужно будет только вписать цифру.

– У меня есть время подумать? – спросил Льюк, и в первый раз с момента их встречи, посетитель убрал с лица строгое выражение и улыбнулся. Он взял со стола ручку и обрывок бумаги и написал номер телефона.

– Это секретный номер на срочный случай, если вам понадобится что-то мне сказать, а по первому номеру я не отвечу.

– А зачем...?

– Моя жена скрывает что-то очень важное, – только и ответил стрик, вставая, он неслышно вышел из конторы также, как вошел, оставив на полу портфель и все остальное. Оставшись один, Льюк продолжал качать головой, глядя на снимки и почесывая в затылке, потом в голове его прозвенел звонок, оповещающий, что пора приготовить «Мак-Дженьюэри».

Будильник принимался звонить несколько раз и каждый раз проигрывал сражение, но в конце концов выиграл войну: Джеймс нехотя встал, все еще сонный и продрогший из-за ночного купания. Он принял горячий душ и сошел на кухню, стол был накрыт, завтрак стоял на столе, кофе разлито по чашкам, но никого не было. Он услышал голоса Евы и Гарри и прошел в гостиную, они сидели, склонившись над починенным и образцово собранным макетом. Они были настолько увлечены, что не заметили Джеймса, Ева что-то показывала сыну на иллюстрированных карточках, прилагавшихся к макету, и говорила вполголоса, Гарри слушал, кивал головой и отвечал.

– На каком таком языке вы изъясняетесь, могу я знать? – раздраженно спросил у них Джеймс пару минут спустя, ему не удалось разобрать ни слова. Он также спрашивал себя, в котором часу они встали, что успели собрать макет.

– Доброе утро, папа, мама учит меня древнеегипетскому языку, – воодушевленно объяснил ему Гарри.

– Древнеегипетскому языку? – эхом отозвался Джеймс, сомнительно глядя на Еву.

– Да, но, естественно, мы всего лишь играем, – улыбаясь, уточнила она.

– А вот и не играем! Она научила меня иероглифы читать, мы не играем, – запротестовал Гарри.

– Конечно, конечно, – подтвердила Ева, глядя на Джеймса и кладя руку на колено Гарри, чтобы он замолчал. – Будешь завтракать с нами? – спросила она у Джеймса.

– Жалко, но я здорово опаздываю, даже не успею вовремя отвезти Гарри в лагерь бойскаутов.

– Не беспокойся, милый, я уже вызвала автобус. Я посижу с ним, пока он за ним не придет.

– В самом деле?

– Ну да!

– Тогда я побежал, перекушу что-нибудь по дороге, – ответил он, беря ключи от машины из ящичка на этажерке около двери. – Пока, Профессоренок, веди себя хорошо, – прокричал он из двери Гарри.

– Джеймс, подожди! – окликнула его Ева, когда он уже закрывал за собой дверь, он сделал шаг назад и просунул в дверь голову.

– Что с тобой стряслось ночью? – спросила Ева, Джеймс вздрогнул. Он сомневался, что она уже обо всем проведала, включая поцелуй Элен, он покраснел и принялся мозговать, придумывая объяснение.

– Ты какой-то рассеянный сегодня... – добавила Ева заговорщицким тоном, подмигнув ему, и Джеймс словно вернулся к жизни.

– Честно говоря, я глаз не сомкнул... так ты посидишь с Гарри до прихода автобуса? – облегченно выдохнул он.

– Ну, конечно, иди.

– До вечера, – ответил Джеймс. «Конечно, милый, иди... никак весь свет с ума сходит», – повторял он мысленно по дороге на работу.

Мыс Канаверал, Флорида, местное время приблизительно девять утра. Помост с ораторской тумбой и микрофонами для поздравлений космонавтов и для заведенных интервью был готов два дня назад. Маленькая трибуна кишела народом, ее поставили сбоку от полосы так, чтобы, пробегая последние метры после приземления, челнок медленно проплыл и остановился прямо перед зрителями. Машины аварийной службы сверкали как новенькие, выстроившись елочкой с противоположной стороны от трибуны, они ждали приземления космического челнока, чтобы празднично загудеть в гудки. В небольшом ангаре в нескольких метрах от полосы подготовили для космонавтов шведский стол, ведь им надоело кормиться из обезвоженных одноразовых пакетов и не терпится снова вкусить настоящей еды. Для сотни любопытных, которые набежали полюбоваться зрелищем и стояли, уткнувшись носом в оградительную сетку Космического центра им. Кеннеди, посмотреть, как приземляется челнок было впечатляющей картиной. Не такой как взлет, когда челнок, оглушительно грохоча, устремляется прямо в небо, намереваясь продырять его в то время, как все вокруг словно разваливается на куски, но посмотреть, как челнок садится и из него выходят обычные люди, которые только что вернулись с прогулки в космосе, все же заманчиво. А на этот раз у любителей была еще одна причина: официальное закрытие космической программы челночных полетов состоялось при возвращении «Атлантика» 21 июля 2011 года, и сегодняшнее возвращение вне программы несколько лет спустя вероятно станет действительно последним. Посадка челнока давно считалась делом обыденным, но вот уже несколько дней специалисты Космического центра им. Джонсона в Хьюстоне были беспокойны, кое-кто опасался, что после долгого бездействия они не совсем в форме. Когда наконец космонавты через двадцать минут после приземления, необходимых, чтобы выключить все системы на борту орбитального блока, ступят на асфальтированную полосу, вот только тогда специалисты успокоятся. Только тогда можно будет уверенно сказать, что полет завершился успешно. В операторской наземный персонал неотступно следил за входом челнока в атмосферу, что было самым критическим моментом всего полета. Система регулирования обратной связи отлично выполнила свой долг: в момент входа в ионосферу она задала «Атлантику» нужный наклон и сразу же наступила ожидаемая и пугающая ионная потеря связи. Двенадцать минут молчания всегда были самыми ужасающими, потому что невозможность связаться, пусть предусмотренная, заставляла всех затаить дыхание. Все шло по планам, но все равно царилло напряжение, со многих лбов от стресса лил пот. Недаром гибель «Колумбии» несколько лет назад научила, что малейшая неисправность, как например, микроскопическая трещинка на внешней оболочке челнока, летевшего в этот момент на скорости в двадцать восемь тысяч километров в час, могла уничтожить годы работы и в один миг унести жизни их героев. Только что закончился обратный счет, несколько мгновений спустя после выхода «Атлантика» из ионосферы, телекамеры с высочайшим разрешением, установленные на спутнике, засекли его и передали зрителям на громадный экран изображение, как челнок летит над Атлантическим океаном словно огромный белый ангел.

– Хьюстон... Хьюстон... я «Атлантика».

– «Атлантика», видим и слышим вас ясно и четко. Как проходит полет? – ответил Коннор, отвечавший за связь.

– Все идет по программе. Бортовые приборы работают отлично, система управления только что перевела для меня все устройства в ручной режим.

– Как с топливом?

– На десять кругов хватит.

– Отлично, но не задерживайтесь, там во Флориде вас ждут с распростертыми объятиями.

Прием.

– Подождите, Хьюстон... У лейтенанта Гаррета возникла проблема, – объявил серьезным голосом майор Салас, пилот и командир челнока. При этих словах наземный координатор подскочил в кресле. Звали его Руперт Ли, но все называли его просто шефом.

– Какая проблема? – тревожно спросил он, проведя рукой по волнистым рыжим волосам.

– Он требует, чтобы ему гарантировали, что в конце посадочной полосы его будут ждать две жареных куры, – сообщил майор Салас, и на мгновение у Ли возникло желание послать его к черту, так он его напугал.

– Передайте лейтенанту Гаррету, что он стареет, в прошлый раз он просил подвезти ему парочку красоток, – улыбнувшись и облегченно вздохнув, ответил шеф; сотрудники хохотнули.

– Я ему уже говорил, а он утверждает, что в состоянии слопать обеих кур меньше, чем за четыре минуты, вот мы и побились об заклад на пару долларов. Понимаешь же, скоро Рождество и чуть побольше мелочи в кошельке на подарки не помешает... ты бы поговорил с центром Кеннеди, может добудут пару кур.

– Не знаю, у нас девять утра, и шведский стол уже накрыли... ну ладно, обещаю, что постараюсь что-нибудь сделать.

– Вот спасибо, шеф. Кстати, Рождество где проведешь?

– Ну, если кроме кур никаких проблем не возникнет, я смогу все закончить вовремя и вернуться в Ричмонд к жене и сыну.

– Ладно, постараюсь посадить этот старый драндулет как можно мягче. Увидимся по видеосвязи, когда будем на полосе, прием.

– Ник, сходишь за курами? У нас мало времени, а ты в этих делах настоящий мастак, – предложил Ли одному из сотрудников.

– Хорошо, шеф, – ответил тот, поднимая трубку.

– Америка и на этот раз сможет нами гордиться, – объявил шеф, наконец-то расслабившись. Он развязал узел звездно-полосатого платка, который носил на шее как ковбой, и утер им скулы и подбородок. Потом наклонился, выискивая что-то под столом.

– Значит дело серьезное! – воскликнул Трумэн, диспетчер аэродрома, увидев, что шеф вытаскивает из-под стола магнум «Моэт э Шандон». Ли начал расставлять хрустальные бокалы на своем столе, вырисовывая очертания челнока.

– Потеею каждый раз как в бане, вечером мне понадобится пять-шесть бутылок пива, чтобы восстановить испарившиеся минеральные соли, – объявил Руперт Ли, снова вытирая платком пот на шее. – Кто-нибудь хочет составить мне компанию?

Все присутствующие вскинули руки в знак участия, кроме связника, он сидел, не сводя глаз с экрана, будто не слышал слов шефа.

– Эй, Коннор, ты чего? Оглох или стал непьющим?

– Шеф... там кажется не все идет как надо.

– Что ты имеешь в виду?

– Не знаю, шеф, – объяснил Коннор, – видеосигнал поступает и исчезает, челнок вроде как... делается прозрачным.

– Прозрачным? Какого черта означает «делается прозрачным»? – спросил Руперт, усевшись рядом с ним.

– погоди минуту... вот, видишь? – сказал Коннор, щелкнув мышью и увеличив изображение.

– Верно, черт возьми! – признал Руперт. – Это что значит? – спросил он, снова проведя рукой по рыжей волнистой шевелюре и озадаченно почесав в затылке.

– Так сразу не могу сказать, может неполадка в телекамере или магнитная буря, или они увлекли за собой шлейф электромагнитного заряда из ионосферы. В любом случае что-то портит связь. Ты как думаешь?

– Понятия не имею, специалист ты! Не можешь поточнее объяснить?

– Да не знаю, что объяснять, экран начал так мигать, когда «Атлантис» вошел в район Бермудского треугольника, – сообщил Коннор. – Челнок задрал морду, потерял скорость, и вот...

– Брось ерунду нести, ты что веришь в суеверную чушь про Бермудский треугольник?

– Да нет же, шеф, но я попробовал бы с ними связаться и узнать, все ли у них в порядке.

– Согласен, – ответил Руперт, в который раз нервно вытирая пот на шею, потом вздохнул и включил микрофон.

– Хьюстон вызывает «Атлантис»... слышите меня?

– Ясно и четко, шеф... какие-то проблемы? – с готовностью ответил майор Салас.

– Никаких проблем, хотели только сказать вам, что промышляем кур, – соврал Руперт Ли, чтобы не создавать ненужной паники на борту челнока. – Ждем встречи, причешитесь для телевидения. Прием.

Шеф выключил связь и бросил на Коннора испепеляющий взгляд, давая понять, что тот поднял тревогу не из-за чего.

– Хьюстон, – прохрипело радио несколько секунд спустя.

– Слушаем, что еще?

– Шеф, у вас метеоусловия как кажутся?

– Отличные, почему спрашиваете?

– Потому что во время последней связи небо и у нас было как в сказке, но минут десять назад оно начало хмуриться и теперь быстро темнеет. Будто ураган приближается, а к тому же бортовые приборы расшалились, – объяснил майор Салас. Сотрудники Руперта обменялись удивленными взглядами, так как последняя связь между «Атлантисом» и центром состоялась максимум пятнадцать секунд назад, а не десять минут как утверждал командир челнока.

– Это что, опять ваши шутки? – прорычал Ли в микрофон, начиная горячиться. – Да я давно не видел такого ясного неба, – ответил он, – а к тому же...

– Шеф, взгляни на экран? – прервал его Коннор вполголоса.

– В чем дело?

– Небо совершенно ясное, но изображение челнока все больше теряет плотность. Если присмотришься, его теперь как бы обволокло зеленоватым туманом... более того, если хорошенько присмотреться, кажется будто его обхватывают почти невидимые щупальца.

– Коннор, да прекрати ты пороть галиматью?

– Шеф, я «Атлантис», – послышался нервный голос майора Саласа, – нам нужна помощь. Тут начало лить как из ведра, и приборы не... вззз... ффффрррр... мы... тер... ление. Боже помоги! Чт... ..лось? Пом... помогите!!! – кричал майор, а изображение на экране рассеивалось все быстрее.

– Хватит шуточек! Поняли меня, «Атлантис»? Хватит шуточек, я сказал, с меня достаточно! Ответьте, Салас!.. Салас!.. – прокричал в последний раз Руперт в микрофон во все горло, потом сорвал наушники и гневно отбросил их в сторону. Он упал в кресло и уставился на экран, раскрыв рот и не веря своим глазам. Его челнок, целый челнок, буквально испарился у него на глазах, и ему не верилось. Операторская погрузилась в ледяное молчание, все думали, что скажет родственникам экипажа сотрудник по связи с общественностью. Руперт тут же встрепенулся, быстрота реакции была одной из черт его характера, благодаря чему он и стал руководителем.

– Ник, немедленно свяжись с аварийным подразделением, пусть сейчас же выедут на поиски, через десять минут пусть вышлют, по крайней мере, шесть самолетов патрулировать район! Если «Атлантис» разбился об воду, обломки и масляные и топливные пятна будут видны за тысячу миль, если экипаж выбросился, и кто-то еще жив, мы можем их спасти, – распорядился он. – Они не могли пропасть в никуда, а главное не могли улететь далеко. Их

трасса и координаты у нас есть, надо их найти, даже если придется поднять все вооруженные силы Соединенных Штатов! – заключил он, грозно ударив кулаком по столу.

Родственники и журналисты, представители властей и любопытные, влезшие на трибуну неизвестно как, молча смотрели, как на гигантском экране, возвышавшемся над трибуной, челнок исчезал в никуда. А главное, из-за идеи посвятить зрителей в незасекреченные разговоры между челноком и центром управления, они с дрожью выслушали последний отчаянный зов на помощь майора Саласа. Теперь все смотрели в сторону сектора, отведенного для властей, в ожидании какого-нибудь объяснения. Генерал смотрел на заводежом по связи с общественностью, чтобы тот как-то вмешался, потому что сам он не знал, что и делать. Пиарщик ответил блуждающим взглядом, у него тоже не было ни малейшего понятия, что случилось, потом взял телефон и начал звонить в Хьюстон. На гигантском экране продолжали передавать изображение голубого неба, пока кто-то не решился наконец выключить его. Персонал аварийной службы бросился по машинам и погнал к зданиям управления. Мужчина и женщина лет семидесяти, обнявшись, тихо заплакали. Они годами обещали сыну приехать, и на этот раз преодолели боязнь самолетов и пролетели тысячу двести миль, чтобы посмотреть, как садится челнок хоть в этот последний раз.

– Мама, что случилось? Мама, почему экран выключился? Почему не слышно папиного голоса? – спрашивал ребенок. Мама открыла рот, пытаясь что-то сказать, но не смогла, она встала, чтобы увести своего сына, пока он не понял, что случилось в действительности, но ей стало плохо, и она упала на ступеньки трибуны.

Джеймс влетел в полицейский участок, сжимая в руке бумажный кулек с двумя молочными коктейлями и двумя бутербродами, бросил взгляд на часы над входом и спешно прошагал в кабинет для совещаний.

– Добрый день, господин Робинсон, хорошо отдохнули? – съязвил рядовой Бенелли, увидев, что Джеймс запыхался от ходьбы, он, как всегда, был склонен к иронии.

– Не остри, не тот день, – серьезно ответил Джеймс, усаживаясь на стул; он положил пакетик на подставку и потер глаза.

– Если бы ты меня позвал, я бы тебе завтрак в постель принес, – не унимался Бенелли. Не говоря ни слова, Джеймс вскочил и подступил к нему, тем утром он был не в настроении, чтобы терпеть колкости.

– Эй, не горячись! Я только шучу, – проговорил Бенелли, тоже вставая, чтобы его не застали врасплох.

– Прекратите, – подняла голос Элен из-за письменного стола, – у нас по горло проблем, а вы двое ведете себя как дети, постыдились бы! – Оба спорщика опустили головы и вернулись на свои места, Элен снова заговорила. – Нам надо поторапливаться, о случившемся узнают с минуты на минуту, и на нас набросятся газетчики и телевидение. Поручения те же, что и вчера, но сегодня к вечеру постарайтесь прийти сюда с конкретными результатами в руках, в противном случае лучше не показывайтесь! Все, идите.

– Мне опять ехать в лес полянку смотреть? – с сомнением спросил Бенелли, ему вовсе не хотелось снова идти разглядывать да фотографировать пустое место. Элен подумала, что после случившегося прошлой ночью с ней и Джеймсом будет лучше, если пока ничья нога туда не ступит.

– Нет, только потеря времени выйдет. Сегодня пойдешь с Клареттой, найдите кого-нибудь, кто может нам что-нибудь сообщить, – ответила она. Бенелли поморщился, он считал Кларетту такой же дурочкой, как и Синди и предпочитал работать в одиночку.

– Идите же, чего еще сидите? – сказала Элен подчиненным, все еще сидевшим на своих местах. Они встали и поспешно вышли из зала. Только у Джеймса никакого поручения еще не было, и он сидел и ждал распоряжений.

– Ты пойдешь со мной! – сказала Элен совсем не дружеским тоном, он взял кулек с завтраком и последовал за ней в кабинет. В кабинете Элен закрыла дверь и опустила жалюзи, она уселась на край стола и отключила переговорник. Джеймс вытащил из кулька и поставил перед ней стакан с молочным коктейлем и положил бутерброд, потом взял стул, уселся и начал разворачивать бутерброд, купленный для себя. Элен отодвинула завтрак, она сидела, скрестив на груди руки и глядя на него пристально и осуждающе. Джеймс заметил ее позу и взгляд, но предпочел сделать вид, что не замечает, он был голоден, и откусил от бутерброда два огромных куска. Минуту спустя он почувствовал себя неловко, а Элен продолжала строго смотреть на него, не произнося ни слова, Джеймс прекратил жевать, положил бутерброд на стол и, поджав рот, устремил на нее вопросительный взгляд.

– Что касается вчерашней ночи... – начала она, но подумала, что речь, которую она заготовила по дороге, слишком наивна. Не зная, как продолжить, она оборвала себя в смущении, как подросток на первом свидании. Она глубоко вздохнула и принялась разворачивать пленку на бутерброде.

– Творится столько нелепостей, что даже не знаю с чего начать! Прежде всего мне хотелось бы знать кто прошлой ночью пытался испепелить нас, – начала Элен и откусила от бутерброда, Джеймс облегченно вздохнул. Вопреки его ожиданиям предлагать тему «поцелуй» Элен не намеревалась.

– Не знаю кто, а еще меньше знаю почему! Может такое быть, что они искали именно удочку Гарри с болтающимся на ней чудовищем?

– Что искали не знаю, но если из-за этого они готовы были убить нас и сжечь весь лес, то явно искали что-то крайне важное. Может что-то такое, что вывело бы нас на верную тропу, а мы все еще застряли на вчерашнем. А когда мы разыщем родственников убитых, если они не разыщут нас первыми, что мы им скажем? Что их родные умерли неизвестной смертью и что превратились в мумии на наших глазах? Кто нам поверит? Как только газеты и телевидение почуют запах жареного, они налетят на нас как стервятники, на куски нас разорвут, – подвела горький итог Элен, она отхлебнула молочного коктейля и слегка улыбнулась: Джеймс еще помнил ее любимый вкус. Он залюбовался ямочками у нее на щеках, Элен заметила, что он улыбается и не сводит с нее глаз, как полный дурак, и вновь сделала серьезное лицо.

– Нам абсолютно необходимо найти зацепку и скорее, потому что иначе у нас мало надежд найти преступников, – рассудил Джеймс.

– Да уж. А к тому же скоро начнется Фестиваль омаров на побережье, и мы все будем заняты. А поскольку нас мало, кому-то придется работать в двойную смену.

– Слушай, у меня в таких делах опыта маловато, но я точно знаю одно, потому что мне это вдолбили в голову, когда я учился в школе полиции. Если в первые сорок восемь часов преступление не раскрыто, раскрыть его позднее почти невозможно, а принимая во внимание наши возможности и отсутствие улик, нам настоящее чудо понадобится.

– Так и есть, – согласилась Элен. Они молча позавтракали, смяли салфетки сыграли в «кто кого пересмотрит», после чего посоревновались, как в детстве, кто попадет салфеткой в мусорную корзину. Вышла, как всегда, ничья, они улыбнулись друг другу и вновь задумались каждый о своем.

– Что касается вчерашнего, повториться этого больше не должно никогда, – немного погодя серьезно вполголоса проговорила Элен, не глядя на Джеймса.

– Я совершенно согласен, никто больше не должен пытаться убить нас в чаше среди ночи, – постарался свести на шутку Джеймс, но Элен не улыбнулась, и он снова покраснел. – ...А не обратиться ли к кому-нибудь поопытнее нас? – предложил он, чтобы перевести разговор. Эта идея не покидала его с той минуты как он встал с постели, но он не осмеливался предложить, чтобы не задеть гордости Элен. Как любой уважающий себя шериф, Элен тоже относилась

ревностно к своему городку и к свои делам. Джеймс опасался, что от такой подсказки она разозлится.

– К кому можно обратиться, как считаешь? – спросила, наоборот, Элен, удивив его.

– Честно говоря, не знаю, знаю только, что в Америке есть специальные отделы и всякие агентства по расследованиям...

– Обещаю, что подумаю, – едва слышно проговорила Элен, Джемс удивленно взглянул на нее, он не ожидал, что она окажется такой уступчивой.

– Ну, иди, мне надо работать, – добавила Элен.

– Так, а мне что делать?

– Посиди в кабинете и пошевели мозгами, как только получим какие-нибудь сведения, выедешь на место проверять, – сказала она.

– Слушаюсь, – ответил Джеймс, поднимаясь со стула, вдруг в дверь кабинета постучала Синди.

– Войдите, – отозвалась Элен. Синди робко прислонилась к косяку. – Извиняюсь, шеф, но переговорник отключен...

– Ох, я забыла! Что стряслось?

– Перезвонил тот тип из автомастерской...

– Черт подери, у меня совсем из головы вылетело. Скажи ему, что Джеймс сейчас подъедет.

– Он сказал «не торопитесь», потому что машины больше нет, – сообщила Синди.

– Что значит «нет»?

– То, что я только что вам передала. Боб мне сказал, что, когда он сегодня утром пришел в мастерскую, машины не было, – объяснила телефонистка, пожав плечами.

– Быть не может! – воскликнула Элен, ударив кулаком по столу. Только в этот момент она осознала, насколько враг хитрее и сильнее ее, у нее возникла неодолимая уверенность, что странная цепь нехороших событий не прервется, пока не сметет их. – Вот видишь? А ты боялся заскучать... – обессиленно сказала она Джеймсу.

ЭПИЗОД III

НА МЕРТВОМ МОРЕ

Кожа Абдула было смуглой, на морщинистом лице между черными завалившимися маленькими глазами выступал заостренный нос, под широкой шерстяной накидкой, защищавшей его от зноя, он казался страшно худым. Абдул был бедуином, он зарабатывал себе на жизнь, нанимаясь поводырем к туристам, искавшим сильных ощущений; ему удавалось набивать такую высокую плату за свои услуги, что он подумывал вскоре купить верблюдов и заняться скотоводством, таким образом, он поднимется по социальной лестнице своего племени на ступеньку повыше. А пока он сидел, скрестив ноги, на надувном матрасе в тени палатки и рассматривал водяной пар, поднимающийся с огромной поверхности Мертвого моря. На первый взгляд могло показаться, что его сморил сон, но в действительности его натренированные органы чувств были готовы уловить и истолковать малейшие сигналы за бесконечно малые доли секунды. Когда ветер дул в нужном направлении, он мог различить запах верблюда почти за сто метров, в этом заключался секрет выживания в таком негостеприимном месте, где приходилось ежедневно добывать пропитание, укрываться от дневного пекла и ночной стужи, опасаться друзей так же, как и врагов, избегать змей и скорпионов.

Хотя Абдул уже не представлял иной жизни с ее привычками и традициями, он все же настолько ценил новизну и технологию, что, выезжая сопровождать туристов, никогда не расставался со своим спутниковым телефоном и набором запасных батареек. Спрятанный в складках накидки телефон зазвонил, и Абдул краем глаза оглядел каменистый берег большого соленого озера, чтобы убедиться, что Брайан еще не вынырнул, после чего спокойно пошарил в ворохе шерстяных складок:

– Да, – ответил он на арабском языке, как всегда. Я напоил верблюдов, положил рядом ружье, и теперь сижу и смотрю на воду... нет, точно не сказал, что ищет, но толковал о сокровище... конечно, помешанный, почти все западные туристы помешанные. Оружия у него нет и никах предосторожностей он не принимает... да, верно, обычно такие как он или дураки, или хитрецы, но этот мне кажется просто наивным. В общем, он уже облазил больше половины озера, и думаю мы тут пробудем не больше нескольких дней, если баллоны не опустеют, тогда мы опять вернемся заполнять их в Ас-Самик. Тогда, пока мы едем, возвращаемся и заканчиваем работу, понадобится более-менее еще недели две, а мне и то ладно, платит-то иностранец хорошо, а главное заранее. Работа скучная, и то верно, но до этого мне никто еще не платил, чтобы я сидел без дела целыми днями. Если он ничего не отыщет, и никого сокровища мы у него вырвать не сможем, то я все равно хорошо заработал. Знаешь ведь во сколько обходится содержать всех моих жен... сейчас женщины пошли не такие, как во времена наших отцов, они у телевизора сидят, любят новизну, вот тебе и Коран. А к тому же они поняли, что, если всем миром возьмутся... послушай меня, дружище, за женщинами нужен глаз да глаз! – вдруг в голове у Абдула зазвенела тревога, им овладело непонятное ощущение опасности. – Ну, кладу трубку, я занят. Держитесь наготове, посмотрим, что он вытащит из озера, и может устроим ему хорошенький сюрприз! – закончил разговор Абдул, он спрятал телефон в складках и вышел из палатки с калашниковым в руках. Он обвел взглядом горизонт, пытаясь понять, что его встревожило, поначалу он вроде ощутил запах выхлопного газа, но решил, что не может быть, чтобы кто-то оказался настолько безрассудным, что отважился приехать сюда на машине. Абдул взобрался на самую высокую дюну и осмотрелся, втягивая носом воздух и слушая ветер. Минуту спустя он облегченно посчитал тревогу ложной и решил вернуться к палатке приготовить ужин. Как только Абдул развел огонь, чтобы испечь хлеб шрак и разогреть мансаф, Брайан выскочил из воды как летучая рыбина, выплюнул водолазный мундштук и настойчиво позвал его. Брайан сбросил ласты, швырнул их на землю и забегал по гальке,

потом заподпрыгивал, он был настолько возбужден, что забыл надеть башмаки, а температура гальки в этот час доходила до пятидесяти градусов. Он бегом вернулся, натянул оставленные на берегу кеды как шлепанцы и бросился к палатке. На полдороги Абдул перехватил его.

– Кажется нашел, – воодушевленно прокричал Брайан бедуину, он прыгал с одной ноги на другую, чтобы успокоить боль от ожогов, но знал, что наверняка к вечеру на пятках вздуются огромные пузыри.

– Сахиб, ты совершенно уверен? – спросил его Абдул, поглаживая густую темную бороду.

– Почти уверен. Готовь веревку, будем вытаскивать, и подгони к берегу пару верблюдов, я хочу закончить до наступления темноты... скоро у вас наступит время молитвы, так ведь?

– Верно, сахиб, Аллаху наплевать на деньги и сокровища.

– Отлично, тогда давай пошевеливаться, – подстегнул его Брайан, возвращаясь бегом к раскаленному каменистому берегу. На поверхности воды он укрепил сигнальный буй, но все же опасался, что, если он будет долго ждать, буюк сдвинется. Брайан надел маску и ласты, зажал во рту мундштук и нырнул. Бедуин улучил момент и позвонил сообщникам.

– Приготовьтесь к нападению, не забудьте захватить с собой несколько кувшинов арака, праздновать будем! – прошептал он в телефон.

Войдя в авторемонтную мастерскую Джеймс, наступил на масляное пятно, поскользнулся и чуть не разбил себе голову о вертикальную стойку подвижного моста мастерской.

– Как всегда чистота и порядок, да? – прокричал он механику, но тот его не услышал, он с головой ушел в двигатель огненно-красного «Форда-Мустанга». Чтобы подойти к механику, Джеймсу пришлось пробираться среди инструментов, проводов, снятых с машин деталей и ремонтной оснастки, разбросанных по всей мастерской.

– В добрый час! – пробубнил механик, искоса глянув на него из-под открытого капота.

– Привет, Боб, извини за опоздание... как делишки?

– Честно говоря, не совсем ладно, – ответил механик, закручивая последнюю шпильку головки блока цилиндров, после чего он опустил стойку и закрыл капот. Боб сплюнул на пол жевательный табак и, даже не вытерев замасленных рук, взял из позолоченной табакерки еще одну щепотку и засунул ее в рот.

– Ты когда его доделаешь, твой драндулет? Ты его чинишь с тех пор, как я тебя знаю! – поддразнил его Джеймс, поглаживая капот «Мустанга».

– Ты же знаешь, сапожник ходит без сапог... ну а ты, все ездешь на той же своей колымаге? – ответил Боб, Джеймс улыбнулся и кивнул. Бобу было лет шестьдесят, он был дороден, а борода у него была настолько белой, что, если бы не налипшая на нее вековая грязь от машинного масла и пыли, то сам Дед Мороз мог бы позавидовать. А главное, руки Боба были настолько большими, прямо огромными, что Джеймс и на этот раз спросил себя как ему удастся влезть такими толстенными пальцами в мотор и в прочие механизмы.

– Ну, что случилось вчера ночью? – без обиняков спросил Джеймс. Боб ожесточенно закричал зубами, он все еще злился. – Как им удалось машину у тебя стырить? – настаивал Джеймс, беря руку.

– Лучше не напоминай, – отозвался Боб, брякнув разводным ключом о верстак; он шваркнул ключ так сильно, что только что расточенный большой цилиндр подскочил и упал на пол, Боб матюгнулся, так как цилиндр теперь придется чистить по новой.

– У меня и сигнализация, и цепочки, и обманные штучки, и замки, теоретически только я мог залезть сюда ночью и не поднять заварухи! А у меня целую машину сперли, представляешь? Машину, которая к тому же не заводилась, какой черт помог ее утащить? Но я придумаю способ, даже если мне придется тут спать всю оставшуюся жизнь! Пусть только попробуют снова залезть, я им в зад все мои инструменты вставлю, от малого до большого. Все один за другим! – пригрозил Боб, снова ударяя ключом по верстаку.

В мастерскую, шаркая ногами, вошел бледный, не выспавшийся юноша с белыми осветленными волосами, он был настолько тощ и долговяз, что казалось вот-вот перегнется пополам.

– ...ривет, Боб, – промямлил он едва слышно.

– Ты и вчера среди ночи домой вернулся, да? – зашумел на него Боб. – Вобьешь ты наконец себе в голову, что роком не прокормиться! Еще раз опоздаешь, я тебя насовсем домой отправлю, понял меня?

– Извини, шеф, ты прав...

– И не называй меня шефом, я тебе тысячу раз повторял. Давай, займись делом. Надо техосмотр того «Шевроле» закончить, через полчаса за ним придут, а я теперь занят с Джеймсом, – сказал Боб, проходя в бытовку. Он включил электрическую кофеварку, а Джеймс стоял и замороженно оглядывал стены. Все стены были увешаны календарями с фотографиями полуобнаженных девиц в сексуальных позах, и Джеймс подумал с некоторым сожалением, что вероятно среди книг своего сына по египтологии такого добра он никогда не найдет.

– Сколько сахара?

– ...А-а?

– Вернись с небес, я спрашиваю, сколько тебе сахара класть.

– Две ложки, спасибо, – ответил Джеймс и уселся на стул.

Механик всыпал через дозатор сахар в обе чашки, помешал свой кофе отверткой, а вторую чашку подвинул Джеймсу.

– Извини, друг, но в прошлый раз ложечка мне понадобилась для одной работенки на «Фрилендере», – оправдался он и поскреб ногтем в зубах, вычищая остатки табака.

– Ничего, не важно... надеюсь, что хоть машина теперь на ходу, – ответил Джеймс, пожав плечами.

– Еще как на ходу... – ответил механик и отпил кофе.

– О краже потом поговорим, расскажи мне пока хорошенько про «Кадиллак». Что в машине было такого особого, что ты позвонил нам вчера вечером, чтобы мы бежали смотреть?

Боб высунулся из бытовки глянуть, далеко ли помощник и чем он занят, чтобы тот их не слышал. Юноша сидел за компьютером для анализа выхлопных газов подозрительно неподвижно. «Шевроле» давно заходил на полных оборотах, мастерская начинала заполняться дымом, и Бобу пришлось бежать включать вентиляцию.

– Фред, черт тебя подери! – заорал во всю глотку Боб. Юноша подскочил на стуле, ошарашенно огляделся и поспешно выключить машину.

– Уму непостижимо, он опять уснул! Не будь он сыном моего старого друга, я бы... – обреченно говорил Боб Джеймсу, показывая парню кулак, после чего Боб наклонился через стол как можно ближе к Джеймсу и пристально посмотрел ему в глаза. – Машина эта была не как у всех, я подумал, что убитые – секретные агенты или что-то в этом роде, – прошептал он.

– Из чего ты это вывел?

– Начал я искать повреждение, я готов был ее по винтикам разобрать, а все равно нашел бы. Начал с мотора, все нормально, а не заводится. Я ее на мост загнал и подлез снизу, искал зацепку, и тут я понял, что не сходится. На машине стояло две выхлопных трубы, а на эту модель серийно ставится только одна. Я выхлопные трубы снял и вскрыл, и, как я и подумал, одна-то была ложной... она тайником служила.

– Seriously?

Боб кивнул.

– И что было внутри?

– Что было? – гордым эхом откликнулся Боб. – Я ее вскрыл, а там всего полно: права и фальшивые документы на имя убитых, номера машин, пачки банкнот в несколько тысяч долларов, какие-то непонятные приборчики, три глока и даже лазерная винтовка.

– ...какая винтовка?

– Лазерная винтовка.

– А ты до вчерашнего дня когда-нибудь видел лазерную винтовку?

– Нет, естественно, где ее увидишь.

– А тогда откуда ты знаешь, что это была именно лазерная винтовка? – спросил его Джеймс, нарисовав на лице удивление. В ответ Боб указал ему на профиль разводного ключа, точно выдавленного в стальном листе толщиной в дюйм. Джеймс сделал такую испуганную рожу, что Бобу стоило усилия, чтобы не расхохотаться ему в лицо.

– А фотографий ты не сделал? – спросил Джеймс, но зная его, особо не надеялся.

– Нет, честно говоря, я даже не подумал. А потом кто ожидал, что ночью у меня все уведут? – ответил Боб.

– Значит из всего перечисленного у тебя ничего не осталось...

– Я все сложил в сейф, когда я пришел сегодня утром и увидел, что он открыт, меня чуть удар не хватил. К счастью, они забрали только свои штучки, а денег не тронули, иначе было бы совсем хреново. Ведь это же значит, что они точно знали, что искать, работали профессионалы. А то они так легко сюда не залезли бы.

– Скорее всего, ты прав... – согласился Джеймс.

– Конечно, я прав! Наверняка какое-то агентство занялось подчисткой, заматают следы черт знает какого темного дела, я вовсе не удивлюсь, если у вас и те два трупа уведут, – предсказал Боб. Джеймс беспокойно заерзал, поскольку, как Элен и предполагала, не исключалось, что Гарри тоже как-то связан со всей этой историей.

– Может ты в какой-то мере и прав, но теперь преувеличиваешь! Профессионалы или нет, мне кажется невероятным, что они могут и вовсе два трупа из полицейского участка уволочь! – ответил он.

– По телевизору такое показывают... – возразил механик.

– В общем, вчера ты ничего странного не заметил?

– Ничего, всех кто заходил вчера в мастерскую я отлично знаю. Ох, вот черт, у меня почти из головы вылетело! – добавил он, шаря в кармане комбинезона. Он вытащил металлический предмет величиной со спичечную коробку, положил его на стол и пододвинул к Джеймсу. – У меня только это и осталось, я вчера его домой уносил сыну показать, – объяснил он.

Джеймс взял предмет за два противоположных уголка, поднял и внимательно рассмотрел: казалось, что коробочка была герметично запаена со всех сторон, но следов сварки не было; она походила на отштампованный блок, на вес была невероятно легкой:

– Это что такое? – спросил он у друга, бесполезно попытавшись открыть коробочку, тот мотнул головой.

– Понятия не имею.

Джеймс сидел и с любопытством изучал металлическую коробочку, он встряхнул ее и поднес к уху, прислушиваясь, не услышит ли шум внутри, наконец положил ее в прозрачный целлофановый пакетик и засунул в карман.

– Что ты мне еще можешь сказать о машине и о находке? Даже то, что тебе кажется совсем незначимым пустяком, для нас может стать ключом к делу.

– Сожалею, но ничего другого не припоминаю, – заявил механик, и Джеймс вздохнул, загадка усложнялась. Он открыл папку и вытащил бланк заявления о краже. – Ну ладно, теперь расскажи мне о краже.

– Да брось, – сказал Боб, – к чему заявление писать? В итоге, если хорошенько подумать, у меня ничего не украли...

– Не хочу тебе перечить, но у тебя стибрили одну из главных улик нашего расследования, – уточнил Джеймс.

«Сокровище» вытаскивали долго и натужно, рывками и плавно, и когда наконец оно появилось из воды, Абдул остолбенело уставился на него, он не мог решить, с самого ли начала

этот дрянной европеец задался поиздеваться над ним или чертов золотоискатель и впрямь просто полный дурак. Верблюды прилегли на песок от усталости, и бедуин знал, что они не поднимутся долго: люди оскорбили верблюдов, обращаясь с ними как с мулами и подгоняя их ремнями и палками. Брайан возбужденно бегал вокруг вытащенной на берег драгоценности, глаза его по-детски блестели, Абдул подумал, что, наверное, какая-то мелочь ускользнула от его внимания. То, что они вытащили, никак не могло быть богатством, которое так усердно искал европеец; ничтожное бревно, изъеденное солью и полое внутри, не могло быть сокровищем. Вероятно, в бревне выдолблен тайник, из которого они извлекут ларец, полный золотых монет или бриллиантов, или по крайней мере карту, на которой будет указано, как дойти до места, где захоронено настоящее сокровище. Иначе быть не может! Он удивленно посмотрел на Брайана, остановившегося, чтобы снять баллоны и водолазный костюм.

– Что смотришь? – спросил бедуина Брайан, тот не сводил с него глаз.

– Сахиб... да это же...?

– Да, именно то, что я искал.

– Б... бревно?

– Это ты видишь бревно, а на самом деле этот предмет представляет собой намного, намного большее, – ответил Брайан. Абдул засомневался, что неверный просто нагло издевается над ним, он боролся с желанием обнажить саблю; ему так хотелось искромсать европейца и уйти, бросив его здесь долго умирать в муках. Потом он подумал, что Брайан может заподозрить его намерения и решить оставить пока сокровище в бревне, а позже вернуться тайком и забрать его; может бревно нужно только, чтобы отвлечь внимание.

– Прости, сахиб, я не понимаю, – произнес Абдул как можно более кротко, чтобы скрыть злость. – Если это не всего лишь бревно, тогда что же?

– Ты ведь знаешь кто такой Иисус Христос?

– Конечно, сахиб, в Коране упоминается о пророке с таким именем... но я все равно не понимаю!

– Знаешь, что произносит священник в момент христианского причащения, то есть, когда он причащает верующих? – спросил у него Брайан. Абдул неуверенно кивнул.

– «Плоть христова».

– Что это значит?

– Именно то, что я говорю! Несколько лет назад во время экспедиции в эти места я обнаружил в одной пещере настоящее евангелие Иуды Искариота, и мне удалось перевести его! Казалось, будто читаешь научно-фантастический роман, но я поверил написанному и стал рыться и рыться в архивах. И если я не ошибся, то перед нами лежит плоть христова, или точнее, та плоть, в виде которой он упал на планету Земля на борту своего космического корабля. Та плоть, которую он потом покинул, чтобы принять человеческое обличие.

Абдул даже не успел усвоить объяснение, потому что тут же после бредовых откровений европейца он увидел, как вдали из-за дюн начали виднеться головы приближавшихся людей. Всего лишь мгновение спустя он осознал, что попусту поднял на ноги все племя самых жестоких синайских разбойников. Чтобы навязать им свой план, он наплел им об огромном сокровище, и теперь, открыв, что никакого сокровища нет, Абдул почувствовал себя в опасности. Точнее, в смертельной опасности.

– Там твои друзья подходят, да? – прочитал у него в мыслях Брайан.

– Нет, сахиб, поверь, я... – начал было отнекиваться бедуин, но под взглядом Брайана у него прошло желание продолжать.

– Думаю, что они тебе вырвут из груди твое ненасытное сердце, – равнодушно заметил Брайан. Бедуин, знал, что свалил дурака, и отчаянно заглядывался, но он понимал, что, если искать его будут разбойники, то пустыня окажется слишком маленькой, чтобы прятаться. Увидев, что подступает закат, Абдул расстелил коврик, опустил на колени и начал молиться,

обратившись в сторону Мекки; разбойники, стоявшие на гребнях окружающих дюн, слезли с верблюдов и тоже расстелили коврики. Брайан нажал на кнопку часов и связался со своим подручным.

– Я тебе десять минут назад подал радиосигнал, ты где шляешься, черт возьми? Как только они отмолятся, все навалится на меня, и уверяю, что они жутко страшные и злые!

– Не беспокойся, Инди, у меня песком карбюратор чутков засорило, но я уже прочистил. Подскочу раньше, чем думаешь, – ответил искаженный голос.

– Надеюсь, так и будет...

После молитвы разбойники аккуратно свернули коврики и начали неспеша спускаться с дюн: ведь жертва стояла одна, без оружия, и бежать ей было некуда, а значит причин торопиться не было. Но несколько секунд спустя оглушительное тарыхтение заставило их всех как один броситься на землю словно по команде. Миг, и все они уткнулись носами в жгучий песок, прикрыв головы руками, чтобы защититься. У них за спиной вдруг показался «Багги», кренясь из стороны в сторону, он вскарабкался на дюну, откуда совершил скачок как с трамплина, пролетел в каких-то сантиметрах поверх их спин и упал в нескольких метрах впереди, подскочив пару раз и рискуя перевернуться, но водитель снова овладел управлением и нажал на газ. Разбойники вскочили и широкими шагами, отплеываясь и бешено вопя, бросились вниз по дюне, они побежали бы, но не могли, так как ноги их утопали в песке почти до колен.

– Даже не верится, ты и вправду нашел... сам Харрисон Форд лопнет от зависти, – ошеломленно прокричал водитель «Багги», останавливая машину перед Брайаном.

– Не время для поздравлений, ты не заметил, что у тех типов, которых ты почти между колесами пропустил, калашниковы наготове, – нервно отозвался Брайан.

– Тогда надо грузить и скорее убираться, – сказал водитель и выпрыгнул из кабины, чтобы помочь поднять бревно. В нескольких метрах от них засвистели пули. Сначала разбойники хотели, чтобы они просто остановились, потому что по закону чести, чтобы убить человека, надо стоять достаточно близко, чтобы смотреть ему в глаза. Брайан с водителем подняли бревно и начали привязывать его к каркасу безопасности. Разбойники поняли, что вовремя они не добегут и стали стрелять ближе и чаще, метя в шины автомобиля. Брайан с водителем залезли в кабину, затянули узел веревки и приготовились рвануться с места.

– Умоляю, сахиб, не бросай меня... у меня четыре жены и семеро детей, что с ними станет? – взмолился Абдул, упав на колени. Настоящий град пуль просвистел в нескольких сантиметрах от них, одна пуля попала в керосиновую лампу в стоявшей неподалеку палатке, и загорелся пожар. Столб черного дыма на время скрыл беглецов из вида, от злости разбойники начали стрелять наугад, опасность быстро приближалась. Брайан вопросительно взглянул на водителя.

– Решай сам, но имей в виду, что он проводник и в будущем может понадобиться, – высказался водитель.

– Но саблю и телефон брось тут, – произнес Брайан, кивком головы приглашая бедуина залезать в машину. Послышался удар по железу, и один из кислородных баллонов взорвался с оглушительным грохотом. От воздушной волны «Багги» буквально подпрыгнул.

– Скорее, залезай! – приказал водитель Абдулу, но увидел, что тот лежит на песке, распахнув глаза к небу, и судорожно хватая ртом воздух.

– В него попали! Трогайся, помочь мы ему уже ничем не можем, – прокричал Брайан водителю, хлопнув его по плечу.

Следуя указаниям, которые дал ей по телефону доктор Паркер, Элен тщательно промыла палец противомикробным мылом и подставила его к вентилятору, чтобы просушить, не вытирая и не вызывая боли. Чуть помедлив, она наконец отважилась sprysнуть рану обеззараживающим средством и тотчас выругалась, и запрыгала от пронзившей палец жгучей боли, потом подождала немного и смазала две верхних костяшки освежающей травяной мазью, пригото-

ленной из ногтей, боль сразу отступила. Она забинтовала мизинец и, когда закрепляла кончик бинта пластырем, вошел Стивенсон.

– Все еще с пальцем возишься? – участливо спросил он.

– Вот именно.

– Выздоравливает?

– Да вроде не совсем, – ответила Элен, заскрипев зубами от неожиданной и острой боли, как ножом резануло, крепясь, она подумала, что болело так сильно потому, что начала действовать чудотворная мазь.

– Ты же говорил, что завтра приедешь, – сказала она судмедэксперту, вспоминая их последний разговор.

– Верно, но я так действовал на нервы всей лаборатории, что они предоставили мне заключения раньше обещанного. Они у меня в долгу были, вот я вчера и надел на них, и они остались работать до позднего вечера потому, что знали, что выбора у них нет, если хотят избавиться от меня, – объяснил он, бросая на стол подшивку. Элен в надежде посмотрела на досье, но Стивенсон помотал головой.

– ...ничего? – спросила Элен.

– Совершенно ничего и еще раз ничего, – подтвердил Стивенсон, затем сел, развалившись на стуле, и скрестил пальцы на животе.

– То есть, на сегодня причину смерти мы установить не можем?

– Никак нет.

– А я их родным что скажу, когда они объявятся?

– Не знаю, я на твоём месте сжег бы машину вместе с трупами и придумал бы какую-нибудь историю для газетчиков.

– Ты шутишь, да?

– От этого дела тебе только плохо будет, – настаивал он, не питая иллюзий.

– Не понимаю, как ты можешь так цинично говорить, – промолвила Элен.

– Понимаешь ты или нет, я для твоего же блага говорю. Те двое уже мертвы, и как они умерли, теперь уже неважно. А важно то, что, борясь с ветровыми мельницами, часто оказываются по горло в дерьме. Знать от чего они умерли не поможет тебе ни воскресить их, ни найти возможных убийц... ты меня послушай, отделайся ты от этих трупов так или иначе и поскорее. В этой истории отнюдь не все чисто.

Элен задумалась и принялась поигрывать пресс-папье, потому что в глубине души она знала, что Стивенсон произнес святые слова: эта история принесет ей только головную боль.

– Не будешь читать заключения? – спросил он, прервав ее мысли.

– А зачем их читать? Там все равно в каждой строке «отрицательный... отрицательный... отрицательный», – ответила Элен, и Стивенсон кивнул головой. – Только тогда зачем ты приехал, мог просто позвонить.

– Хочу на мумии взглянуть.

– Зачем?

– Просто профессиональное любопытство, за столько лет у меня такого ни разу не бывало. Я даже фотоаппарат с собой взял и склянки для отбора других образцов, – объяснил Стивенсон, разжигая в Элен искру надежды.

– Образцов? Значит у тебя какая-то идея появилась! – воскликнула она с надеждой в голосе.

– Никаких идей, но, если ты говоришь правду, нам мог бы помочь какой-нибудь ученый нетрадиционных наук. Я имею в виду, непризнанных. Вдруг мы сенсационное открытие сделаем... ну что, пошли? – предложил он на этот раз без своего обычного сарказма в голосе.

– Если хочешь... – ответила Элен, пожав плечами.

Со дня той единственной встречи Льюка Мак-Дженьюэри с нанявшим его человеком времени прошло очень много. Работодатель ни разу не перезвонил и, насколько знал Льюк, не исключалось, что тем временем мог и умереть от какой-нибудь старческой хвори как, например, инфаркт или воспаление легких. Но за все это время кто-то все равно позаботился, чтобы его Visa не истощалась, и это утешало его. Льюк включил указатель поворотов и свернул на бензозаправку, заправщик оторвал глаза от книги и раздраженно посмотрел на него, за последние полчаса он в четвертый раз перечитывал третью с конца страницу романа и в четвертый раз его прерывали... и три раза из четырех только, чтобы спросить дорогу. Он с досадой подумал, что и сегодня романа ему не дочитать, захлопнул книгу и театральным жестом бросил ее на столик, потом отпил глоток лимонада и направился к машине.

– Полный, пожалуйста, – сказал Льюк, подавая ему ключ от бака своего «Доджа-Нитро», после чего вылез из машины размять ноги.

– Добро, – ответил заправщик, проворно открывая пробку бака.

– У вас туалет есть? – спросил у него Льюк. Заправщик кивком головы указал на дверь около входа в лавку и, заполняя бак бензином, смотрел, как Льюк идет к туалету. Высокий и худощавый, одетый в облегающие кожаные черные брюки и такой же пиджак из тончайшей черной кожи, Льюк напоминал заправщику главного героя романа, который он тщетно пытался дочитать. Но то, что этот тип ходил разодетым в черную кожу при такой жаре наводило на мысль, что у него не все в порядке с головой. «Вот типичный субъект, который никогда не наденет спортивного костюма», – подумал заправщик. Когда Льюк вернулся к машине, заправщик протирал лобовое стекло, полный бак за сотню долларов всегда немного поднимал ему настроение.

– Вы издалека приехали, да?

– Откуда вы узнали?

– Вы расплющили о стекло уймаищу мошек.

– Да.

– Приехали на Фестиваль омаров?

– Фестиваль омаров? – с любопытством переспросил Льюк.

– Да, это праздник, его проводят каждый год в порту и на улицах Рокленда, на деле это огромное чествование раков. Особого в нем ничего нет, но, если заняться вам нечем, советуую поучаствовать, по крайней мере, он очень необычный.

– Такой фестиваль больше подходит летом... – рассудил Льюк.

– Ну да, он и проводится обычно в первых числах августа, но в этом году ураган «Сандра» помешал организаторам, вот они и перенесли его на эти дни.

– По правде говоря, я туристом приехал, это значит, что, если, по-вашему, действительно стоит посмотреть, то я могу задержаться до фестиваля. В конечном счете, местечко у вас кажется спокойное и гостеприимное, – объяснил Мак-Дженьюэри, подавая сотенную банкноту, и сел за руль.

– Я бы не сказал, что совсем спокойное, – ответил заправщик, заглядывая в машину, чтобы сдать сдачу.

– Что вы имеете в виду?

– Как раз вчера и позавчера такое случилось... – вылетело у него, и он сразу же мысленно обругал себя. Эти слова могли стать началом беседы, а стоять и точить лясы ему вовсе не хотелось, он хотел вернуться к столику и дочитать те чертовы три страницы романа. – Ну, если решите остаться, сами увидите, не хочу портить вам сюрприз, – отрезал он. Он повел себя достаточно любезность, поговорили они достаточно долго, и теперь заправщик хотел, чтобы незнакомец уехал, а самому ему не терпелось вернуться к своей книге. Он повернулся и собрался пойти опустить дворники, чтобы клиент мог ехать, но на секунду задержал пристальный взгляд на женской фотографии, прикрепленной к опущенному противосолнечному

kozyрьку. Льюк это заметил и поспешил поднять козырек, на непреходящий миг взгляды заправщика и Льюка встретились. Как бывает порой, создалось ситуация, когда у одного вертится в голове вопрос, но в то же время он опасается, что вопрос задаст другой, и ни тот, ни другой не открывает рта первым, чтобы не выдать себя.

– Вы не посоветуете мне хороший мотель, – спросил Льюк, чтобы прервать затруднительное молчание.

– Проедете вот туда миль на пять-шесть и увидите вывеску «Весна». Мотель чистый, там все есть, кормят хорошо и цены умеренные.

– Хорошо, спасибо за все. Скоро еще увидимся, – попрощался Льюк, ставя на первую передачу. Заправщик ответил неуклюжим жестом.

– ...знаю, что я назойлив и циничен, что у меня дрянной характер, и понимаю, что вы устроили это, чтобы разыграть меня, наверное, я того и заслужил, – протестовал судмедэксперт, – но уверяю, что мне вовсе не смешно. Чтобы добиться заключений и приехать к вам как можно скорее, я в доску разбивался, настроил против себя всю лабораторию, – корил он Элен, а она стояла и в шоке созерцала пустые столы, которые она только что выдвинула из холодильных камер. На железных столах остались лишь волосинки и клочочки кожи, и она даже не была уверена, отпали ли они именно от тех двух трупов или от тех, которые лежали здесь до них.

– Ну же, куда вы запрятали тела? – домогался Стивенсон, выдвигая столы всех камер один за другим, но все они пустовали. – Вы их уже отправили родственникам? – не унимался врач, роясь в ящичках письменного стола в поисках документов, удостоверяющих передачу. Элен обратила на него невыразительный взгляд, затем склонила голову и спрятала лицо в ладонях, только тогда Стивенсон прекратил поиски.

– Да ты отдаешь себе отчет, два трупа исчезли? – по-доброму спросил он ее. – Ты что делать собираешься? – заговорил он несколько секунд спустя, но Элен отгородилась стеной молчания. Тогда судмедэксперт уселся за стол и вытащил из портфеля приготовленный заранее бутерброд, он всегда запасался бутербродом на всякий случай, потому что, когда он нервничал, его одолевал голод. Он начал разворачивать бутерброд, и шелест фольги привлек внимание Элен, она наконец отвела ладони и застала его с бутербродом в руках и открытым, готовым откусить ртом. Стивенсон замер.

– Я... я... да пошло все к черту! – вскричал он. Злобно швырнул бутерброд в мусорную корзину, собрал свои пробирки и пустился прочь по коридору. В двери он столкнулся с Джеймсом, возвратившимся из мастерской от Боба.

– Эй, Стиви, куда торопишься? – поприветствовал он Стивенсона.

– Пошел ты к черту! – ответил судмедэксперт, пролетая мимо.

Льюку Мак-Дженьюэри понадобилось меньше минуты, чтобы понять, что чирикающая дама, управлявшая «Весной», – приятная на вид женщина лет пятидесяти – жена заправщика. Он снял номер на все время вплоть до окончания Фестиваля омаров, обменялся парой слов с владелицей, изучил карту местности, висевшую в маленьком холле, прочно отпечатав в памяти основные точки и, наконец, поднялся в номер. Номер был небольшим, но уютным, с полубронированной дверью и двойными стеклами на окнах; кроме того, он удовлетворенно отметил, что меблировка включала две нужные ему вещи: письменный стол и бар-холодильник. Льюк открыл его, проверил содержимое и выяснил, что в морозильном отсеке были даже готовые кубики льда. Льюк вытащил из дорожной сумки свой неразлучный шейкер и ингредиенты для приготовления привычного напитка – потрясающей и отвратительной бурды, которую он окрестил «Л.М.Д.». Потягивая коктейль, Льюк разобрал сумку и со скрупулезной аккуратностью разложил все вещи в шифоньере и в комод. Закончив процедуры по обустройству, он затолкал под кровать портфель-дипломат и сел за стол вносить отчет о последних событиях в свой бортовой журнал. Записав все нужное, он захлопнул дневник и взглянул на телефон, каждый раз, когда он приезжал на новое место, ему хотелось позвонить кое-кому, но каждый раз он

говорил себе, что не появляется и не звонит уже слишком долго, и не звонил. Льюк растянулся на кровати, допивая «Л.М.Д.», и довольно задумался о реакции заправщика при виде фотографии на козырьке лобового стекла: это было еще одним подтверждением его теории, что старая уловка спровоцировать любопытство собеседника всегда дает результаты и что, кроме того, это гораздо здоровее, чем шляться по улицам и задавать вопросы напрямую. Льюк усвоил это на своей шкуре, когда, спрашивая слишком напрямую, он задел чьи-то чувства и получил очень неприятные ответы. А там, на заправке, он закинул длинную удочку и теперь знал, что рано или поздно какая-нибудь рыбина клюнет, надо только подождать. Наконец, Льюк решил, что факт, что заправщик послал его именно в мотель своей жены является дополнительной удачей, потому что, если умеешь подходить к женщинам с правильной стороны, они становятся невероятно болтливыми. Он подумал, что надо действовать с оглядкой, так как ему случалось обманываться, но по реакции заправщика у него сложилось впечатление, что тот отлично знает изображенную на снимке женщину. Может быть она просто похожа на другую, но, несмотря на свои первоначальные предположения, было очень вероятно, что на этот раз он решительно попал в цель. Или, по крайней мере, очень близко к цели. Льюк улыбнулся сам себе и прикрыл глаза, чтобы отдохнуть; он решил, что попозже сходит за пиццей и пивом в местный бар, так как в маленьких городках достаточно уметь слушать сплетни и улавливать важные сведения.

Все оставшееся утро и большую часть времени после полудня Элен и Джеймс тщетно ломали себе головы в поисках идеи, логической связи, улики.

– Только вчера Стивенсон в шутку говорил, но мне действительно кажется, что мы снимаемся в «Секретных материалах»... – вдруг обессиленно пробормотала Элен.

– В чем я уверен, так это в том, что к счастью прошлой ночью тебя здесь не было, все остальное для меня не имеет значения... – серьезно ответил Джеймс, и она тяжело кивнула головой. Он ощутил, насколько глубоко терзания Элен, и ему захотелось обнять ее, но после ночного приключения он не был уверен, что ей понравится. К тому же, скоро начнут подходить коллеги, и, если кто-то застанет их в двусмысленной ситуации, могут возникнуть новые затруднения.

– Что можно сделать? – едва слышно спросила Элен.

– Знал бы я, – разочарованно ответил Джеймс.

– Может и в самом деле стоит вызвать бюро, как считаешь? – предложила она, рассудив, что у них силы уже иссякли. Джеймс посмотрел в окно, и его охватила досада.

Не будь у них всех этих треволнений, солнечный день предстал бы изумительным, один из тех дней, когда после рабочего дня посадил бы в машину семью и повез бы на море купаться, несмотря на декабрь. А потом – все есть вкуснейшую пиццу. Джеймс нерешительно фыркнул.

– По-моему это ни к чему. Скорее всего, случилось что-то вне нашего понимания, в игру вступили неизвестные нам крайне могущественные силы, и действуют они в тени. Вероятно, Стивенсон прав, наверное, самое лучшее было бы просто сделать вид, что ничего не произошло... – подсказал Джеймс.

– Ты же знаешь, что никак нельзя. Наверняка рано или поздно нас раскроют, и кто-нибудь потребует отчета о случившемся, – возразила Элен.

– Как раз наоборот, мне кажется, что, кто бы за этим не стоял, он именно пытается устранить все улики. Более того, думаю, что, если бы мы решили рассказать о случившемся, этот некто сделал бы все возможное, чтобы выставить нас на смех, или, еще хуже, сделать так, чтобы мы замолчали навсегда. Не считая этой загадочной коробочки, которая до доказательств обратного есть всего лишь пуская коробочка, у нас ничего нет. А к тому же, если мы разгласим это дело, нас вызовут на разбирательство и спросят, как так вышло, что мы все улики упустили, – объяснил Джеймс.

– А Гарри? Вдруг он что-нибудь видел? Если бы он рассказал, он хоть помог бы нам выяснить некоторые вещи, ведь на его велосипеде и удочке был такой же порошок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.